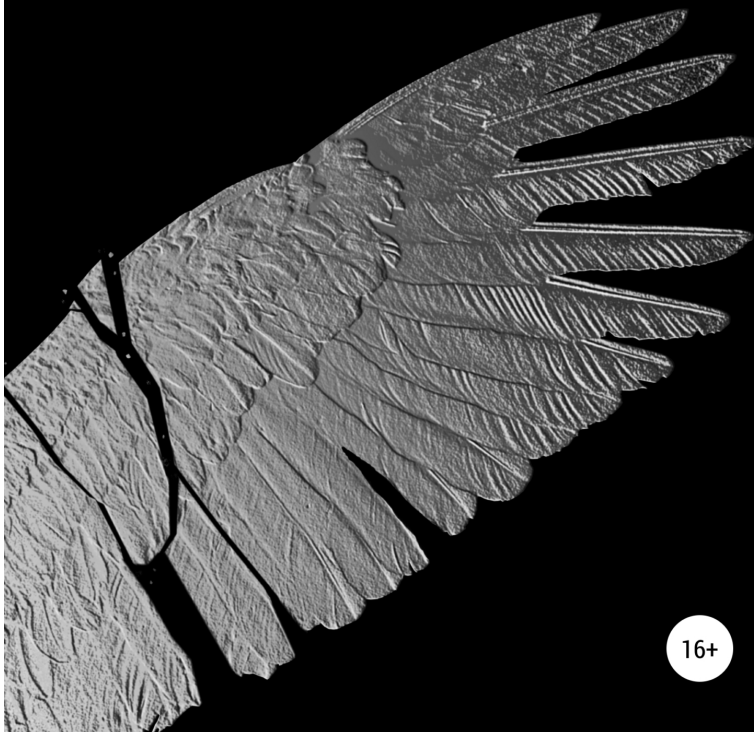

Николай Н. Плетнёв

ПАДШИЙ

16+

Николай Н. Плетнёв

Падший

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57260096

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96468-6

Аннотация

Инженер-ремонтник Даллас живёт в небесном городе под огромным куполом. Но он чувствует себя чужим в обществе потребления и мастерит крылья, чтобы покинуть привычную среду. Потерпев крушение, он попадает к людям, которых не должно существовать после глобальной катастрофы. По крайней мере, так ему рассказывали. Два поразительно разных мира – пропасть между дикарями и цивилизацией. Кто разделил людей? Почему одни должны с трудом выживать, а другие купаться в роскоши? Далласу предстоит найти своё место и отыскать путь домой.

Изображение для обложки взято с сайта wikimedia и изменено.

Содержание

Глава 0	5
Глава 1	13
Глава -1	20
Глава 2	27
Глава 3	34
Глава -2	42
Глава 4	52
Глава 5	63
Глава -3	72
Глава 6	81
Глава 7	94
Глава -4	105
Глава 8	111
Глава 9	120
Глава 10	129
Глава -5	137
Глава 11	147
Глава 12	157
Глава -6	167
Глава 13	174
Глава 14	183
Глава 15	195
Глава -7	203

Глава 16	211
Глава 17	219
Глава 18	231
Глава 19	241
Глава 20	250
Глава -8	257
Эпилог	267

Николай Плетнёв

Падший

*Взмахнул Икар руками,
но нет больше на них крыльев.*

Глава 0

Почему люди не знают, что могут летать? Это ведь так легко! Взмахнёшь руками – и тело становится легче. Рулишь ногами, облетая препятствия. Чтобы подняться выше, энергично отталкиваешься ладонями от воздуха, почти как под водой. А затем, когда надоест совершать кульбиты или планировать по инерции, аккуратно приземляешься на крышу бревенчатого домика, верхушку дерева рядом с ним, или лужайку. Но с неё сложнее взлететь. А ведь так хочется стрелой промчатся над вековым бором, что тёмной стеной возвышается вокруг.

Шум леса и пение птиц с каждой минутой становились всё ближе. Солнечные лучи скользили по подушке. Релакс-капсула насытила воздух бодрящим кислородом и очень качественно имитировала утренний лес, чтобы нежно разбудить спящего под куполом человека. Ещё немного, и она начнёт слегка вибрировать, выдаст сводку обновлений и порекомен-

дует, как провести досуг.

Даллас открыл глаза и лежал, осознавая, что летал он снова лишь во сне. Но то, о чём он думал накануне, казалось не менее захватывающим.

Сегодня особенный. Будильник сработал в безумно раннее время – шесть утра. Ни одному жителю города Орион не придёт в голову вставать в такую рань. Мало кто из них помнит, что в капсулах вообще есть функция, способная в определённое время прервать их сладкий сон. С некоторых пор стало не принято спешить, назначать встречи на конкретное время и нервничать из-за опозданий. Комфорт людей не подразумевал ранние пробуждения по будильнику. Чаще всего горожане использовали другие функции – развлекательные приложения и смешные ролики, генерируемые искусственным интеллектом.

Множество людей целыми днями не покидали капсулы, набивая голову бесполезным контентом, а желудок вредным джанк-фудом, доставленным по пневмотрубе из «МакБургерз». Что до вывода отходов жизнедеятельности, то они использовали функции, разработанные для мобильных людей, хотя всего в двух шагах располагался прекрасно обустроенный, напичканный возможностями и удобствами персональный кабинет для размышлений.

Даллас откинул крышку репсулы и вспомнил, как на прошлой неделе чинил похожую модель, но более новой серии. Девушка-клиент не захотела покидать устройство на время

ремонта. Или хотя бы прикрыть одеждой полное, не вызывающее интереса, тело. Так он и ковырялся в настройках, перезагружая лишь массажный модуль, стараясь не отключить подачу воздуха, или, что ещё хуже, поток информации на проекторе внутри. Уходя, Даллас помахал ей через стекло, но она не соизволила повернуть голову в его сторону. Как было бы здорово напоследок отправить контроллер в перезагрузку и послушать истеричные вопли оставшейся в темноте девицы. Но это грозило плохими отзывами.

Сегодня Даллас не собирался чинить релакс-капсулы или гирокары. Кое-что получше занимало мысли и руки на протяжении многих месяцев. Сперва проект помогал убить время между заявками, но затем захватывал всё больше внимания, требовал подолгу оставаться в мастерской, куда почти никто, кроме него, не заходил. Он пытался вовлечь коллег, но те предпочитали хохотать над тупыми шутками Большой Головы – персонажа комедийного шоу, которое крутили в эфире, кажется, бесконечно. К тому же, они пришли сюда только потому, что залезли в кредиты по уши, не думая о финансах. А замена неисправных деталей не требует напряжения ума. Далласу же действительно нравилось возиться с оборудованием и программами, выискивать причину поломки и устранять её, а не вкручивать новый модуль. Он часто ночевал в мастерской, ему действительно нравилось работать. И этот факт не позволял найти с коллегами общий язык. Они не понимали, как можно не получать удо-

вольствия от игр, тридэ-фильмов, йоги, вечеринок у бассейна и праздных шатаний по улицам Ориона в окружении модных людей, напичканных гаджетами.

Даллас обдал тело освежающими струями воздуха в душевой кабине. Затем он наскоро проглотил сэндвич из «Мак-Бургерз» и вызвал кэб. Как и следовало ожидать, в такое раннее утро очереди на кабины не было, и она примчалась в течение двух минут к наружному выходу из небольших апартаментов на пятнадцатом этаже.

Четырёхместная кабина казалась просторной, если ехать в ней одному. К этому уже пора привыкать – канатные перевозки уходили в прошлое, хотя в скорости перемещения по городу им нет равных. Всё дело в комфорте – люди предпочитали собственные одноместные наземные гирокары. В них можно досыпать, смотреть шоу или играть, пока двухколёсный транспорт не доставит полулежачего пассажира к месту назначения. Даллас ни за что не променял бы вид на город из окна кэба на наземные часовые пробки, но большинство горожан поступало именно так. Но есть и в этом плюс – никаких задержек на перекрёстках, где маршруты кабин разделялись.

В мастерской, как и ожидалось, никого не оказалось, поэтому Даллас без помех испытал своё творение – четырёхметровые крылья с гидравлическим сервоприводом и реактивной тягой. Он поднялся под потолок и спланировал в дальний угол полупустого ангара. Убедился, что все системы

работают. Ничего не помешает покинуть купол через шлюз вслед за воздушным поездом, который курсирует между городами. Готовясь к полёту, он немало времени провёл на станции, наблюдая, как раскрываются и смыкаются створки шлюза, когда прибывает или отправляется состав. Поезд въезжал в тоннель, который компенсировал разницу давления. А реальный мир прямо там – за наружными воротами.

Далласу всегда мешал купол над городом, несмотря на все преимущества, что он давал. Казалось, что сверху нависает огромная плита и неощутимо давит на голову. Но благодаря этому люди не боялись внезапного дождя, снега, ураганных ветров и солнечного ультрафиолета. Купол защищал от радиации, ведь на той высоте, где располагался Орион, атмосфера разрежена. Благодаря куполу испарения ядовитых газов, что отравили землю сотни лет назад, не проникали в город.

Эти преимущества – обыденность. Все давно привыкли, что днём воздух тёплый, а ночью прохладный; что с четырёх до пяти утра идёт лёгкий дождь; что в зоне бассейнов всегда сияет солнце, но под ним невозможно обгореть.

Ночью улицы освещались Луной и звёздами, но Даллас знал, что они – лишь имитация. В ночном небе неизменно висело созвездие Ориона с тремя яркими точками – поясом, но ведь так не бывает. Из-за вращения Земли светила не стоят на месте, а это созвездие хорошо видно только зимой. Правда, мало кто из горожан задумывался на эту тему.

Взглянуть на настоящие звёзды – вот чего хотел Даллас. Ощутить над собой бескрайнее небо. Как в игре или тридэшках, только более реалистично. Единственная возможность оказаться за пределами купола – перемещение между городами на реактивном воздушном поезде. Но в современных моделях нет окон. Вероятно, конструкторы посчитали, что яркое солнце помешает пассажирам спать и смотреть тридэшки во время путешествия. Хотя утверждалось, что это ещё один способ сделать полёт безопаснее.

Напоследок Даллас проверил сервоприводы. Взмахи крыльев «Икара», как он окрестил устройство, сработали не полностью синхронно, и приземлиться получилось кое-как – даже не устоял на ногах. Он снял массивный рюкзак, который крепился к плечам, поясу и ногам, и обнаружил, что одна из деталей погнута. Похоже, один из коллег заинтересовался изобретением, но не проявил должной аккуратности и смелости признаться, что уронил крылья.

Далласа охватила злость – из-за этих криворуких бездельников придётся отложить полёт! Но если найти подходящую деталь, можно всё исправить. Гаджет на руке спроецировал расписание поездов. К отлёту первого успеть не получится, но через полтора часа вылетал ещё один челнок, пусть и в другом направлении. Если ремонт не затянется, он его не пропустит.

Даллас наскоро приделал подходящую деталь к блоку управления «Икара», распластав крылья на полу мастерской.

Нечего и думать, чтобы улететь в середине дня, когда множество людей бродит по вокзалу, подумывая, не отправиться ли в другой город. Для них это такое же развлечение, как посмотреть в зоопарке на голограммы вымерших животных.

Ситуацию осложняло то, что Даллас собирался лететь в некоем подобии скафандра, а это привлечёт много ненужного внимания – вид у него необычный. В течение дня материал, из которого сшит костюм, поглощает солнечные лучи и подзаряжает батарею «Икара», а ночью эта энергия пойдёт на обогрев. Ведь снаружи, если верить «Цивилопедии», сильный мороз. Даллас не представлял, что значит находиться в разреженной атмосфере при температуре ниже нуля. Жидкости при минусе замерзают, а он, как и все люди, в основном состоял из воды. Но, согласно той же энциклопедии, содержащей всемирную базу знаний, человек обитал на поверхности и во времена ледникового периода. Он прочитал немало статей и просмотрел десятки ролов, интересуясь, как выживал хомо сапиенс, далёкий от достижений цивилизации, вооружённый лишь палками, камнями да смекалкой.

У современного человека разумного по имени Даллас помимо смекалки есть немало изобретений для защиты от обморожения и других невзгод, что предстоит испытать вне купола. Костюм весил немало из-за тёмной светопоглощающей плёнки по всей поверхности. Современная мода не знала меры, когда речь шла об эпатаже, но до такого ни один модельер не додумался. Увидев человека, с ног до головы заты-

нутого в глянцевые доспехи, да с крыльями за спиной, жаждущие впечатлений люди примут его за очередное развлечение, которыми так богат Орион. Они обступят его вокруг, желая запечатлеть то, чего ещё не видели другие. Тогда улететь не получится, а если включить реактивную тягу, то зеваки пострадают от пламени. Этого в планы Далласа не входило, как и откладывать полёт. Он знал по себе, что если отложит вылет на потом, то вряд ли решится снова. Поэтому он поспешил на вокзал в чьём-то отремонтированном гирцикле, ожидающем отправки к хозяину.

Глава 1

Гироцикл мчался к вокзалу, но остановился, едва въехал в тоннель. Несколько машин впереди перекрывали дорогу. Даллас в нетерпении привстал на подножках, увидел, что один из массивных гирокаров стоит поперёк дороги и не даёт проехать остальным.

В отличие от Далласа, никто не вышел посмотреть, что случилось. Так же в просторной кабине торчал и виновник затора. Он держал огромный стакан кофе, при этом трясясь от хохота, рискуя разлить напиток. На внутреннюю поверхность стекла проецировалось «Шоу Большой Головы».

Решительным движением Даллас откинул дверцу гирокара, наблюдая, как у сидящего внутри от недоумения вытягивается лицо.

– Не подскажешь, какого чёрта твой кар загородил проезд, пока ты тут наслаждаешься своим капучино? – начал он.

– Эй, остынь, дружок! К чему такие нервы? Автопилот решил, что поворот именно здесь. Железяка устроила тотальный отвал, – сидевший в кабине отвратительно фыркнул и захихикал – это был очередной мем, в которых Даллас не очень разбирался. – Не закроешь дверь? Я, вообще-то, смотрю шоу.

Далласу показалось, что он сейчас закипит от ярости. Стараясь успокоиться, он проговорил, стиснув зубы:

– Так почему бы не переключиться на ручное управление? Здесь есть и другие люди, им надо проехать.

– Я же сказал – смотрю шоу. Это новый выпуск Большоголова, ты что, не в курсе?! Я ещё ни разу не пропустил премьеру! Так что, извини, дружок. И закрой дверь, – капризный тон невероятно раздражал.

Даллас оглянулся на других водителей в поисках поддержки, но, судя по проекциям на стёкла, все они слушали шутки Большоголова и никуда не торопились. Он представил, как поезд уезжает и покрылся холодным потом. В объезд уже не успеть, этого придурка с места не сдвинешь. Наплевав на правила, Даллас влез на гиросикл и рванул из тоннеля по встречной полосе, надеясь, что не попадётся на дорожную камеру.

Вскоре он заметил тихое место между ограждениями трасс и остановился. От возбуждения пальцы едва справлялись с застёжками комбинезона и крыльев. Придётся пройти ещё одно испытание, прежде чем вылететь за пределы купола. Оно и к лучшему. Даллас нацепил горнолыжный шлем с очками и рванул вверх на реактивной тяге.

«Икар» превзошёл все ожидания. Датчики сервоприводов улавливали каждое движение раскинутых рук, посылая импульсы огромным крыльям из лёгкого, но прочного пластика. Даллас быстро освоился, набирая высоту взмахами. Рулил больше ногами – сработала идея соединить штанины скафандра мембраной из плотной ткани. Он учился ле-

тать только в ограниченном помещении мастерской, но сейчас самым сложным оказалось не забывать дышать от чувства восторга, ощущения невесомости и ежеминутного риска врезаться в дом или дорожную эстакаду.

Такое знакомое чувство полёта. С самого детства он видел сны, где летал будто лист на ветру. Сейчас они отдавались эхом дежавю. Но здесь нет открытых пространств, настоящего неба, гор, лугов, леса. Покрытые алюминием многоэтажки не похожи на те дома, что ему снились. Они торчат огромными столбами, будто подпирая купол.

В одно из таких зданий чуть не влетел Даллас, огибая трос канатной дороги. Увидев, что стена несётся навстречу, торопливо замахал крыльями. К счастью, удалось погасить скорость, и он лишь слегка впечатался в дом на уровне верхних этажей. Чтобы удержаться, уцепился за выступ и перевёл дух. Да, к крыльям нужно ещё привыкнуть.

Даллас запустил реактивные двигатели и снова набрал высоту. Пролетая мимо окна, он заметил ребёнка, который, увидев его, бросил гаджеты и подбежал к стеклу. Мальчик застыл, открыв рот. Вряд ли он ожидал увидеть такое в настоящем мире, а не в игре или тридэшке. Хотелось помахать ему рукой, но крыло могло неправильно понять этот жест. Поэтому Даллас просто улыбнулся и рванул по направлению к вокзалу. Нужно торопиться – цифры на внутренней стороне очков говорили, что поезд отправится через три минуты.

Навигатор показывал направление. Стараясь больше ни

во что не врезаться, Даллас как следует разогнался. Увидев поезд издалека, он выругался – состав тронулся, а значит, очень скоро разгонится так, что не догнать. Шлюз отрежет выход из города, и придётся объясняться с людьми, которые видели и засняли летящего Далласа. Наверняка он попал в объективы десятков камер. Разумеется, это уже в трендах, и теперь каждый пожелает лично осмотреть и опробовать новое изобретение. Возможно, его даже пригласят на вечернее шоу Барри Коккера – там любят всяких чудаков. Не сказать, что он был против, но сначала хочется взглянуть на мир снаружи, чтобы знать, о чём рассказывать.

Даллас сложил крылья и включил ускорение на полную мощность. Он снизился и летел над рельсом, нагоняя поезд. Последний вагон миновал шлюз и въехал тоннель. Створки зашипели и двинулись. Только бы успеть! Даллас не снижал скорости. От напряжения он задержал дыхание и влетел в пасть шлюза, которая сразу захлопнулась. Случись это на мгновение раньше, история дерзкого полёта завершилась бы трагически и глупо. Но Даллас проскочил.

Поезд всё увеличивал ход, отрываясь от преследования. А впереди ещё один шлюз. Если отстать, то он закроется перед носом. Даллас уже почти отчаялся и приготовился затормозить, но, к удивлению, почувствовал, что тоже ускоряется – открытый наружный шлюз высасывал воздух вместе со всем, что оказалось в тоннеле. Снова появился шанс вылететь вслед за шаттлом. На бешеной скорости Даллас манев-

рировал в потоках воздуха. Он уже не видел ни стенок, ни рельса. Только красные огоньки на корме состава.

Когда тоннель выплюнул Далласа наружу, всё резко изменилось. В глаза ударило солнце, дыхание обжёг ледяной воздух, потоки ветра не дали расправить крылья «Икара». А тут ещё поезд запустил турбины и рванул вперёд, создавая турбулентный вихрь. Далласа перевернуло, закрутило, он потерял ориентацию, судорожно замахал руками.

Как тогда в детстве, когда после подначки Джеффа прыгнул в глубокий бассейн, а плавать не умел. Он молотил по воде, но она всё равно смыкалась над головой. Тогда рядом оказался спасатель. Он вытащил Далласа и долго объяснял, что если не побороть страх, то выплыть не получится.

Вот и сейчас Даллас старался сперва думать, а потом действовать, а не наоборот. Он вдохнул ледяного воздуха, раскинул руки и сообразил где верх, а где низ. Вдруг сзади металлически дзинькнуло, и одно крыло заклинило. Наспех прикреплённая сегодня утром деталь, не выдержала нагрузку. Он стремглав летел к земле.

Крылья торчали в разные стороны, поэтому Далласа закрутило. От перегрузок и страха к его горлу подкатил съеденный завтрак. С большим трудом он дотянулся до крепления второго крыла и сложил его за спиной – так же, как и первое. Вращение прекратилось, но падение нет.

Внизу лежала белая бугристая масса. Будто весь мир засыпало чистым снегом. Даже горные вершины – по самую

макушку. Поверхность выглядела мягкой, но у Далласа был только один шанс узнать, переживёт ли он столкновение с этим белым покрывалом.

Вспомнил о реактивных двигателях, но слишком поздно. Чтобы их запустить, надо направить ноги вниз, а в воздухе это сделать непросто. Белая масса приближалась слишком быстро. Даллас неощутимо провалился в неё и оказался внутри белёсой пелены. Он ничего не видел кроме окутавшей его мглы. Ощущение неизвестности привело его в ужас. Позабыв о двигателях, он закричал.

И вдруг пелена исчезла – Даллас пролетел её насквозь. Над ним остался облачный покров, а внизу простирались горы, окружённые серым дымом. Он стремительно приблизился к одной из вершин, которая скалилась чёрными камнями и зияла белыми пропелешинами.

Даллас наконец-то пересилил ужас и запустил двигатели. Приноровился давить на гашетку вполсилы, чтобы не начинало крутить и подбрасывать реактивной тягой. Скорость падения уменьшилась. Он выставил ноги, готовясь к касанию с белой поверхностью скалы. На этот раз действительно снег. На горнолыжных трассах в Орионе лежал искусственный, но похожий. Теперь пришла пора познакомиться с настоящим. Хорошо бы ядовитые газы не достигали этой высоты, иначе удачная посадка всё равно обернётся удушливой смертью.

Земля приближалась, но уже не с такой пугающей скоростью – благодаря двигателям. До поверхности оставалось

ещё прилично, когда гул реактивной струи стал прерывистым, а потом и вовсе превратился в слабое шипение – топливо закончилось! Он едва успел поджать ноги и выставить руки, прежде чем шлёпнуться о покатуую поверхность горы, покрытую тонким слоем льда и снега. Впечатлений от этого приземления уже хватило бы на всю жизнь, но Даллас покатился вниз, собирая шлемом все выступы скалы.

Как закончилось падение, он не помнил. Не помнил и того, что было дальше. Смутно проскальзывали образы существ с огромными глазами, склонившиеся над ним в полумраке. Сквозь бессознательность доносились напевы и чужие голоса. Они что-то говорили, но он не мог ответить. Запомнилась лишь одна фраза, да и ту, кажется, сказали не ему: «Лишний рот».

Глава -1

За постройку «Икара» Даллас взялся за полтора года до первого полноценного полёта, а точнее – падения. Это тот случай, когда средство стало целью, а изначальная идея потеряла смысл.

Изобретением крыльев Даллас хотел привлечь внимание к проблеме, волнующей его куда больше, чем желание увидеть настоящие звёзды и оказаться под открытым небом вне купола. Собственно, стремление убежать, улететь из города появилось в тот момент, когда основные компоненты «Икара» уже были спроектированы, изготовлены и проверены. И именно это желание позволило довести начатое до конца. А процесс создания летательного аппарата помогал бороться с отчаянием и одиночеством – они навалились тяжёлым комом сразу после расставания с Лизой.

Когда отношения прекратились, он обвинил общество. Даллас и Лиза не выиграли в лотерею и не получили разрешение завести ребёнка. Так же не повезло тысячам пар по всей планете. Но ему казалось, что именно им это необходимо больше всего. Бездушная автоматика, учитывая различные факторы, распределила квоту среди других желающих. Возможно, радость сплотила бы их, вернула искру. Но увы.

Даллас и Лиза участвовали в лотерее всего лишь раз. Они могли попытаться в следующем году, но неудача надломила

отношения, и всё очень быстро сошло на нет.

Тогда Даллас задумался о необходимости этой лотереи. Когда-то управители так боролись с угрозой перенаселения, но это давно в прошлом. Городу хватало воды – она добывалась из атмосферы. Пищи более чем достаточно – многие находили в обжорстве одно из основных удовольствий жизни. Для производства еды работали гидропонные фермы и комбинаты культивируемого мяса. Из недр земли роботы добывали нужные городу минералы, металлы и другие ископаемые, а электричество вырабатывалось солнцем и ветром. Люди жили хоть и плотно, но места хватало. В других городах расширяли границы, пристраивая новые поселения-платформы, но в Орионе этого не происходило и Даллас не понимал почему.

Сначала он добивался разрешения на ребёнка от управителей. Посылал запросы, записывался на личные приёмы, но бюрократия, вросшая в систему власти, затягивала процесс на многие месяцы, и это выводило из себя. Даллас весьма наивно надеялся, что решение вопроса вернёт Лизу, и всё станет по-прежнему. В то время он даже не думал, что проблемы начались задолго до участия в лотерее.

Даллас добивался встречи с представителем Корпуса управления в Орионе. Запросы отклоняли множество раз, сочиняя глупые отписки, отправляли из одного министерства в другое. Всё это длилось месяц за месяцем, невообразимо долго. Появилось ощущение, что действует система за-

щиты, разделяя простых граждан и власть.

В последнем ответе значилось, что он не может встретиться с представителем совета управителей, если его запрос не поддержан петицией с подписями хотя бы десяти тысяч человек, а он не выдвинут представителем по этому вопросу.

Даллас создал петицию, где, как ему казалось, максимально доходчиво описал, что лотерею нужно отменить, а город расширить. Осталось заинтересовать общественность и в определённые сроки собрать подписи.

Он обсуждал с коллегами и заказчиками надуманные проблемы перенаселения и потерявшую смысл лотерею. Оказалось, что большинство людей не желают разговаривать на такие серьёзные темы, да ещё с ремонтником. Но нашлись и те, кто разделял его точку зрения. Несколько человек даже пообещали подписать петицию, вот только из них сдержали слово считанные единицы. В итоге он получил пару плохих отзывов от клиентов, и от этого пришлось отказаться.

Очень расстроили друзья, которые идеи Далласа тоже не поддержали. Многие просто перестали выходить на связь, посчитав его слишком назойливым и скучным. Самый близкий друг Джефф прямо сказал, что это не в его интересах. Ведь чем больше людей, тем сложнее найти свободный шезлонг возле бассейна, а в кафе будет не протолкнуться. Непонятно – шутил он или нет, но привлечь друзей желание отпало.

Как и Лизу. Она старательно избегала этой темы, а по-

том и вовсе улетела на курс полного погружения в восточные практики в Близнецы.

Чтобы получить внимание, нужно что-то интересное, в популярном формате. Даллас решил сделать тридэшку или короткий рол с призывом задавать вопросы корпусу управления, но как донести информацию? Нужен экстраординарный ход, чтобы видео попало в тренды, и о нём заговорили все.

Даллас записывал роли, напирая на родительские чувства. Он призывал ставить под вопрос устои общества в этой области. Но каждый раз, когда он пересматривал результат, хватался за голову и понимал – лидер общественного мнения из него не получается. Он не говорил в модной капризно-напыщенной манере. Не носил стильные бакенбарды. Вместо этого – чёрная шевелюра до плеч, широкий нос и добрые, будто извиняющиеся, глаза. Он видел невысокого художавого парня, который хоть и говорил правильные вещи, но таким тихим и нудным голосом, что получалось неубедительно. А если говорить с чувством и интонациями, то это выглядит ещё и глупо. С такой подачей сложно побудить людей осаждать Корпус управления и добиваться ответов.

Это здание стояло в центре города, но его главных обитателей постоянно не оказывалось на месте. Даллас несколько раз поджидал появления руководителей у входа, но нужные ему люди, именно в этот момент оказывались в разъездах, брали отпуск или работали из своих резиденций. Сложнее

всего оказалось объяснить роботу-секретарю, зачем он пришёл. С логикой говорящей головы за конторкой сложно спорить – если лотерея не выиграна, то попробуйте в следующем году. А встреча с управителем Смитом невозможна – нет подписанной петиции. Пробегающие мимо мелкие служащие только разводили руками, показывая, что ничем не в силах помочь.

Резиденция сенатора Смита располагалась недалеко от мастерской Далласа. Он прошёлся вдоль огромного – метра на четыре ввысь – забора, посмотрел на ворота, охраняемые двумя хмурыми молодцами, увидел, как въезжает внушительных размеров гирокар с непрозрачными стёклами, и понял, что так к чиновнику не пробиться. Тем не менее, пока не закрылись ворота, он увидел людей, гуляющих в саду – дама с двумя детишками разного возраста. Интересно, у управляющих отдельная лотерея, или они просто такие везучие?

Пожалуй, единственным способом пообщаться можно, лишь перелетев через этот огромный забор и лично задать чиновнику пару вопросов. Даллас не собирался вредить управителю, но трансляция такого события в прямой эфир наверняка привлечёт внимание тысяч обывателей. Ведь не один Даллас имел вопросы к власти.

Преодолеть высокое ограждение непросто. Если только взлететь на реактивной тяге. Но ракетный ранец – слишком неуправляемая вещь. Для стабилизации нужны крылья. Ин-

женерный мозг заработал в полную силу, прикидывая длину и конструкцию устройства. Даллас поспешил домой, где развернул давно заброшенную чертёжную программу и выполнил первые расчёты для создания «Икара».

Имя у крыльев появилось позже. В поисках информации он натолкнулся на старинный миф о Дедале и его сыне Икаре. Спасаясь от злобного царя, Дедал изготовил крылья, скрепив их воском (странное решение, ведь в те времена он мог использовать смолу), Икар взлетел слишком высоко, воск расплавился от солнца, крылья развалились (сейчас-то известно, что чем выше, тем слои атмосферы холоднее), он упал в море и утонул. Легенда немного пугала, и Даллас посчитал, что имя «Икар» послужит предостережением, чтобы миф не превратился в реальность сотни лет спустя.

Заодно легенда определила концепцию крыльев. Они не только стабилизируют реактивную тягу, но и позволят парить, приземляться, маневрировать, как это делали птицы, рукокрылые и птерозавры. Здесь, конечно, немало сложностей – если бы человек летал от природы, то имел десятиметровые крылья, грудные мышцы атлета и ноги малолетнего ребёнка. Но для Далласа это лишь инженерные задачи, ожидающие решения. Крылья можно изготовить из подходящего по характеристикам пластика, мышцы усилить серводвигателями, а ноги... Ноги после недолгих сомнений Даллас решил оставить, а недостаток тяги в таких сложных моментах, как взлёт, компенсирует реактивный ранец. И вес топлива

для него окажется не таким критичным, ведь махи крыльями тоже создают подъёмную силу.

Даллас изучал опыт воздухоплавания – от орнитоптеров Леонардо да Винчи до современных поездов, летающих между городами. За несколько дней он разработал и составил чертёж крыльев. Его так увлёк этот процесс, что он на время забыл о желании добиться ответов от управителей. Сейчас его интересовало, где лучше заказать детали, как снизить сопротивление воздуха, и другие вопросы этого толка.

Однажды задумавшись о Лизе, Даллас пришёл к пониманию, что неудача с ребёнком – это не так уж плохо. Он не смог бы увлекаться проектами, да и с её образом жизни роль матери несовместима. К тому же нельзя решать проблемы за счёт малыша. В конце концов, всё, что ни делается – к лучшему.

Глава 2

Даллас открыл глаза и впервые за долгое время осознал, что происходящее вокруг ему не снится. Он упал на поверхность земли и выжил. А сейчас видел перед собой лицо человека, хотя знал, что планета отравлена, а люди живут только в городах, парящих над облаками.

На него смотрели широко открытые глаза девушки. Весьма милой, только очень худой, судя по очерченным скулам и впавшим щекам. Из-за этого её глаза казались невероятно большими. Она улыбнулась и произнесла тонким голосом:

– Ну чё, очухался, наконец? Ты эт, ничё, если я те неправильно грю? Я ж не зна – мож ты бох, иль полубох, иль кто? Как звать тя – кажи, я ж не дура.

Кажется, девушка хотела узнать, как обращаться к незваному гостю. Он произнёс неожиданно хриплым и слабым голосом:

– Дал... лас. Воды...

Девушка встрепелулась, схватила посудину, что стояла неподалёку, и приподняла его голову, чтобы напоить.

– Да-лас, знач. А я чё-то про такого боха не слышала, над просить у нашего Старого, он-то точ всех знат, – девушка разговаривала странно – будто съедала части слов, к тому же тараторила без умолку, постоянно повторяя странное слово «чё». – Мя-то звать Гулька, а ма Гулей зовёт.

Несмотря на сильную слабость Даллас улыбнулся. Девчушка оказалась забавной, можно легко простить ей грубую и малопонятную речь. Из-за худобы и вороха тряпья на ней сложно определить возраст. Она выглядела взрослой, но вела себя по-детски – очень непосредственно, чем вызывала симпатию.

– Спасибо... Гулёнка, – прочистив горло, начал Даллас. – Давно я здесь лежу?

Девушка прыснула:

– Ха! Гулёнка! Ну тож норм, мне нра, – она уселась рядом с кроватью. – Старый нашёл тя давно, но ждал, када мужики придут, сам-то бы не допёр, и от нас толку ма. Думал,дохлый ты, почти весь под снегом валялся, а потом он чё-то глядь, а ты живой. Ну как живой – вроде живой, а вроде и нет. Явно – бох, вы ещё и не так могёте, чё. Короч, пролежал ты три дня, а всё рно не сдох. И када мужики припёрли, у огня положили, ты отжил. Мы с ма за тобой ходили. Старый тож тут шарился, палки к те привязал, да всё глядел твою одёжку. Грит – тех-не-го-ли-я. Чё эт – не знам.

Гуля, пока рассказывала, вынула из растрепавшейся причёски палочку. Она с наслаждением почесала ей голову и снова закрутила в пучок похожие на сосульки волосы.

Даллас рисовал себе картину произошедшего: после падения он, вероятно, катился вниз по склону горы, пока не затормозил о деревья и не оказался в куче снега, наметённого ветром. Костюм переключился в режим обогрева, постепен-

но расходуя энергию, а микроботы, внедрённые в его тело в детстве, устраняли внутренние кровотечения. Это они повлияли на железы, заставили их выработать седативные вещества, введя организм в подобие комы, что помогло восстановиться после крушения. Повезло, что прочности шлема хватило, да и шею не свернул. Иначе ни микроботов, ни природной защиты организма не хватило бы.

Всё же, без сломанных костей не обошлось. Даллас ощущал себя – он лежал абсолютно голый, накрытый тряпьем. Это как, интересно, Гуля и её мать за ним ходили? К правой ноге привязаны две доски, фиксируя перелом. Нога отзывалась болью на прикосновения, значит, заживёт. Микроботы не допустят гангрены и заражения крови.

Когда голова перестала кружиться, Даллас осмотрелся. Он лежал в тёмном тесном помещении, стены и потолок которого сшили из кусков плотной ткани. Свет и тепло давал огонь в примитивном очаге из больших камней, куда Гуля подбрасывала дрова. Дым выходил через дыру в потолке, с ним же исчезала изрядная часть тепла. Кругом в полном беспорядке разбросаны и развешаны разномастные тряпки, предметы утвари и инструменты непонятного назначения.

Гуля хлопотала над горшком с ароматным варевом, что стоял на камне, накрывающем очаг. Кроме неё в помещении никого не было. Даллас заинтересовался, что за люди живут на этой горе, захотелось расспросить Гулю, чем они промышляют. Но прежде всего нужно решить проблемы с

собственным организмом. Возможно, прямо сейчас Даллас вдыхает токсины, отравляя себя, а эти люди уже приспособились. Хотя, на яды уже давно бы среагировал смартлет.

Это единственное, что осталось при нём. Остальное сняли, пока он лежал без сознания. Возможно, сложная застёжка помешала, или небольшой браслетик не привлёк внимания. Вот и хорошо. Без этого устройства и в условиях привычного Ориона тяжело, что уж говорить о странном мире людей, которых по науке вообще не существует.

Даллас поднёс смартлет к глазам и перевёл взгляд на стену. К счастью, гаджет пережил падение не хуже, чем хозяин. Он спроецировал на неровную поверхность экран и, повинаясь микродвижениям зрачков, уловил какой апп открыть. Монитор здоровья отображал красные области в районе ноги и грудной клетки – ещё и два ребра сломано. Предупреждения призывали восстановить баланс воды и электролитов, принять пищу, богатую белком и кальцием и срочно обратиться за профессиональной медицинской помощью.

Обратиться сейчас можно только к Гуле, но она, заметив светящуюся проекцию на стене жилища, вскрикнула, выронила из рук кувшин, полный воды, и запричитала:

– Ой! Чё ет? Мамка! Колдунство? Или чё? Пожалей, бох... Да-лас. Не знала я, чё трогать тя низя... – она забилась в угол, пытаясь закрыться висящими там тряпками. Гулёнка так потешно махала руками и трясла ожерельями, что Даллас чуть не расхохотался:

– Не бойся, Гуля. Это всего лишь такая технология, не собираюсь я с тобой ничего делать. А за то, что ухаживала за мной, говорю – спасибо.

Гуля выглянула из-за тряпок и недоверчиво посмотрела на Далласа, услышав знакомое слово.

В этот момент полог жилища отодвинулся, и внутрь протиснулся тщедушный человек. Лицо его было разукрашено красными полосами, глаза густо обведены чёрным. С причудливой шапки и лохмотьев свисали нити с бусами и амулетами. Он взглянул на Гулю и засмеялся, раскрыв рот с редкими зубами. Даллас понял, что пришёл тот самый старей.

– Щё, дурёха, боишься? Прально, не по твой ум с бохами балакать, – старик шамкал и шепелявил, так что его «чё» больше походило на «щё». Теперь он с трудом опустился на колени, склонил голову перед Далласом и поднял ладони:

– Великий бох, житель неба, прости нам нашу темень. Мы рады щё ты явился к нашим глазам в деревне. Гоштейвай во вшех домах и будь друг мне и эта девка-дура. Ты уж её жвини, дремуча шовсем, учишь, учишь, а ей поисть, да цветочки наишкать.

Даллас смутился. Если этот старик нашёл его без сознания, накладывал шину, то он точно знает, что перед ним такой же человек, как и они – из мяса и костей, которые, кстати говоря, ломаются. Пока он решал, как лучше заставить пожилого человека встать с колен, в разговор включилась Гулька:

– Чё хоть ты, Старый! Эт бох Да-лас! Он тут делал тех.. тенхо... короч, колдунство ихнее. Вот я и струхнула чутка. Ты знашь сказки про Да-ласа? Не слышала чёт.

Старый, которого Гуля без тени почтения так и называла, казалось, не слушал щебетания девушки. Он с кряхтением поднялся, подошёл к Далласу, и стал осматривать его ногу. Размазывая по коже вонючую грязь, от которой щипало ссадины, он бормотал себе под нос что-то, похожее на монотонную молитву.

Даллас не решался прервать этот ритуал и заговорить со Старым. Он ещё чувствовал сильную слабость, да и неразборчивый речитатив клонил в сон. Веки закрылись сами собой.

Проснулся уже вечером, когда за хлопающим на ветру пологом жилища темнела ночь. В доме помимо Гули обитало ещё несколько женщин разного возраста, одна из них следила по-матерински за тем, как Даллас пьёт горячий бульон из чаши. Затем Гуля принесла белую, разрезанную на крошачиесе кусочки, массу. Её вкус оказался солонватым, но ни на что не похожим. Гуля объяснила, что это сыр козы. Сложно понять смысл – сыр кушанье не напоминало, а козой именовалось животное, вымершее после экологической катастрофы, что поставила на грань существования всё живое. Выжили лишь немногие виды мелких птиц и зверей не крупнее кошки. Неужели здесь остались не только люди?

В какой удивительный мир он попал! Эта мысль снова

заставила вспомнить полёт и жуткое падение сквозь облака. Даже голова закружилась. Провал в памяти наводил на размышления о загробном мире. Но он не верил в эти сказки. Людей всегда терзал вопрос – что будет после смерти. Религии часто спекулировали на этой теме, давая на него свои ответы и требования к тому, как жить. Но сейчас с вершины знаний это кажется не более, чем глупыми выдумками, рассчитанными на недалёких людей. После смерти мозга нейроны перестают обмениваться сигналами, а это значит, что прекращается и мыслительная деятельность. То есть, для данного индивида всё закончено, и нет никакого смысла думать, что станет потом.

Реальность ли это? Происходящее вокруг так отличается от того, к чему привык Даллас. Сейчас ему действительность казалась столь же сказочной, сколь и настоящей. Женщины вполголоса разговаривали друг с другом. Гуля возилась с тряпками и котелками. Обычные люди из мира живых. Да и прикосновения её грубоватых, но тёплых рук, когда помогала напиться, осязаемы и реальны. Но в то же время этого не могло быть.

Подумав, Даллас решил, что неважно, насколько этот мир настоящий. В любом случае он безумно интересен. Поэтому, когда пройдут приступы головокружения, а кости срастутся, он узнает больше об этом месте. Разгадает, откуда здесь взялись люди.

Глава 3

Даллас быстро шёл на поправку. Уже на следующий день с трудом, но сел и воспользовался посудиною рядом с лежаком. Этим он избавил заботливых женщин от самых неприятных процедур.

Ещё два дня, и Даллас встал на ноги, пробуя себя на прочность. Он решился подняться, когда остался в жилище один, как это часто случалось. Женщины занимались сбором растений, пригодных в пищу, пасли коз, носили воду – хозяйствовали, обеспечивая быт. В городах над облаками таким трудом занимались автоматические помощники, а здесь несколько женщин выбивались из сил, добывая пропитание. А после тяжёлого дня, они продолжали работать внутри жилища: варили, шили, сушили траву и грибы, полоскали тряпки.

Об этом рассказывала Гуля, объясняя, куда и зачем постоянно отправляет её мать. Они с ним часто болтали, оставаясь наедине. Даллас пытался выяснить, как живут эти люди, но Гулёнке такие вопросы казались настолько очевидными, что она не считала нужным подробно объяснять вещи, которые «знает всяк дурак». Например, Даллас так и не понял, чем заняты мужчины. Они приходили в жилища раз в несколько дней и сейчас отсутствовали.

Даллас, кряхтя и охая, встал на здоровую ногу. Ухватился

за жердь, которая подпирала потолок. Сильно закружилась голова, и он стоял, закрыв глаза, и глубоко дыша. Вроде бы всё не так уж плохо. Трещина в рёбрах не слишком мешала, если не считать боль при вдохе. Голове становилось легче с каждым днём. Нога, конечно, должна ещё срастись, но если найти пару прочных палок, упереть их в подмышки, то можно передвигаться и на одной ноге. Только вот под повязкой над коленом очень болело. Вероятно, последствия открытого перелома.

Обследование прервалось громким «Ой!» от неожиданно вошедшей Гулёнки. Увидев голого Далласа, стоящего рядом с постелью, она вскрикнула, но даже не подумала отвернуться. Он бросился было за покрывалом, но не удержал равновесия и ступил на сломанную ногу. Яркой вспышкой боль прошла через тело, и Даллас повалился набок. Гуля подросла как раз вовремя, чтобы подхватить его и аккуратно усадить на лежак. Она села рядом и не спешила отпускать Далласа. Смущаясь, он пытался натянуть на себя кусок тряпки, а она прыснула:

– Ай, чё я там не видала? – и помогла Далласу укрыться, укладывая его в постель. – Ты ща пока лежи, сил мал-мало. Исть буш?

От предложения перекусить Даллас не отказался. Ему нравилось, когда Гуля его кормила. От этой заботы он чувствовал тепло, и казалось, что выздоровление происходит куда быстрее. Это подтверждалось и смарглетом. Жаль, что

порции всегда оказывались крохотными.

Гуля больше не пугалась светящегося на стене экрана, странных жестов и взглядов управления, когда Даллас безуспешно ловил сеть. Она зачарованно смотрела на проекцию, держась подальше и не задавая вопросов. Попытки объяснить, что бояться нечего, натыкались на стену суеверия со стороны недалёкой девушки – она только говорила «колдунство» и перебирала ожерелья. Мол, не её ума дело.

Возможности смартлета куда больше интересовали Старого. Он приходил каждый день – менял повязку, приносил сушёные корни для отвара, бросал в очаг сладковато пахнущую траву. Это немного унимало шум в голове. Даллас объяснял этому ведуну, как его здесь называли, какая связь между изображением из аппа «Монитор здоровья» и его состоянием. Поняв, что сломаны рёбра, знахарь перемотал его грудь полотном, вложив несколько пучков трав.

Старый интересовался, откуда прилетел Даллас, как он жил и вместе с кем. Причём по большей части его интересовали имена обитателей Ориона, и он недоумевал, почему они не кажутся ему знакомыми по сказкам о богах. Подолгу беседовать им не удавалось – Даллас быстро утомлялся, и Старый оставлял его отдыхать.

Спустя время, постоянно лежать стало невозможно, и Даллас попросил у Гулёнки одежду. Он не мог надеть свой рабочий комбинезон из-за палок, ещё привязанных к его сломанной ноге, так что девушка предложила ему пончо, сши-

тое из лоскутков разномастной ткани и с дыркой для головы посередине. Оно оказалось длинным – ниже колен – прикрывало всё, что надо.

Даллас, опираясь на плечи худенькой девушки, совершил небольшую прогулку внутри жилища, но понял, что без более существенной поддержки ему пока не обойтись. Он уговорил Гулю принести пару жердей, наподобие тех, что поддерживали крышу обиталища. Взяв большой и грубый нож, он выточил палки себе до подмышек, примотал полосками ткани к одному из концов кусочек дерева для опоры. Спустя несколько часов и несколько попыток, он всё же вышел из жилища, поддерживаемый самодельными костылями и восхищённой Гулёнкой.

Перед ним открылась площадка с местом для костра в центре. К ней примыкали хижины наподобие той, где он обитал. Собранные и сшитые из разномастных обрезков и обрывков материалов, они образовывали круг с очагом посередине. Таких домиков оказалось меньше десятка. Увидев Далласа, несколько ребятишек бросили игры, спрятались в жилища, и теперь удивлённые, испуганные, но очень любопытные глаза следили за незнакомцем через щели.

Прохладный ветер трепал волосы Далласа, холодил ноги и колыхал полы накидки. Но всё же воздух казался таким чистым и свежим после чадящего очага в хижине, что Даллас закрыл глаза и глубоко задышал, наслаждаясь ощущениями.

Из состояния нирваны его вывел крик Гулёнки:

– Вурх, низя! Свои! – она бросилась наперерез огромному мохнатому зверю, который, оскалив пасть, нёсся на Далласа во весь опор, явно собираясь разорвать его на куски.

Даллас оцепенел от чувства неотвратимости ужасного события. Он лишь бессильно смотрел, как сближаются тоненькая девушка и дикое животное. Сейчас оно собьёт её с ног и перекусит горло. Через мгновение, спасая его, погибнет эта милая и заботливая болтушка. Воли хватило лишь на то, чтобы вытянуть руку, пытаясь отвлечь беду, но... зверь замедлил бег, приближаясь к девушке, а когда они встретились, лизнул ей руки, встал рядом и позволил почесать косматую шею, высунув огромный розовый язык. Хвост ужасной твари мотался в воздухе.

С громким стуком упала одна из опор Далласа. Пришлось отвлечься от пережитого ужаса, удерживая равновесие. Ещё раз взглянул на животное. Немного похоже на медведя или волка из проекций в тридэшках и голограмм в парке. Сейчас оно недоверчиво смотрело на Далласа, но слушалось девчонку, которая как минимум в два раза легче и едва ли выше этой твари, не опирайся та на четыре ноги.

Гулёнка стояла спиной к Далласу. Она кого-то звала и махала руками. Вскоре стало видно, что приближается небольшая группа людей. Пятеро мужчин брели к поселению по тропе, затерянной среди огромных камней. Они опирались на палки и угрюмо приближались, не отвечая на крики Гулёнки. Их грязная, сшитая из лоскутов ткани и меха одеж-

да мало отличалась от того, что носили женщины. Разве что те чаще ходили с покрытыми головами, а мужчины сверкали лысынами или клочьями редких волос, что развевались на ветру.

Они прошли мимо Гули и в приветствии показывали ладони. А один весьма вульгарно приобнял её ниже талии и повёл с собой. Гулёнка вздрогнула, но скромно опустила глаза и не сопротивлялась. Направлялась процессия как раз в сторону Далласа. Зверь пошёл следом, по пути обнюхивая камни и задирая на них лохматую лапу.

– Ну чё, ожил, бох? – спросил один из подошедших мужчин, произнеся последнее слово с явным скепсисом. Даллас смешался, не зная, как лучше ответить. Мужчина переложил что-то во рту из-за одной щеки в другую и продолжил: – А я мож не верю в бохов? – он сплюнул на землю через промежуток в зубах и исподлобья уставился на чужака. Другие мужчины посмеивались, выказывая одобрение.

– Меня зовут Даллас, я... издалека, – голос предательски дрогнул, раскрыв страх. Мужчины хоть и выглядели измождёнными и ниже него ростом, но всё же их несколько, да и Даллас не в том состоянии, чтобы дать отпор. Их грязные лица, покрытые клочьями щетины, с запавшими глазами и скулами не светились добром.

– Хошь жнать бох он ли нет, Кашпар? – откуда ни возьмись появился Старый. Подойдя к мужчинам, он встал перед ними. – А щё ешлив да? Готов уйти к дедам?

Каспар смутился и отвёл глаза. Видно, Старый пользовался уважением в этом племени. Обращаясь к ведуну, зачинщик произнёс:

– Все мы туда уйдём. Вот и Боба ушёл. Засыпало маво братца позатем днём. А ведь он для каво камни копал? Вон для его? – острый подбородок Каспара двинулся, указывая на Далласа, после чего он в сердцах махнул рукой и направился к одной из хижин, откуда ему навстречу вышли дети и женщины.

– Боюсь, я не очень понял, – обратился Даллас к Старому. – Он говорил, что кто-то копал камни для нас? Вы обслуживаете роботов, которые добывают минералы и переправляют наверх? – видя непонимание в глазах, Даллас стал объяснять. – Ну, роботы – такие железные машины, сами двигаются, работают...

В разговор включился молодой мужчина, проявлявший к Гуле сальный интерес при встрече. Он громко цыкнул зубом и произнёс:

– Не знаю, чё ты толкуешь, тока робят вот енти самые руки, – показал он испачканные, все в мозолях и ссадинах ладони. – А руда дёт кверху, бохам, как ты.

Шахтёр потрепал грязными пальцами Гулёнку за шею, отчего та сжалась в комок.

– Исть дай, Гулька. Долгий путь.

Ошарашенный Даллас даже не испугался лохматого зверя по кличке Вурх, который подошёл обнюхать чужака. После

этого животное потеряло к нему интерес и важно отправилось к хижине Каспара. Выходит, не роботы добывают металлы, минералы и другие ископаемые, как Далласу рассказывали ещё в школе, а эти люди, живущие в убогих хижинах без удобств и достижений цивилизации. А что случилось с роботами? И что заставляет это племя работать в шахтах? Слишком много вопросов.

Он дошёл до лежака обессиленный, будто вместе с этими мужчинами, после нескольких дней тяжёлой работы преодолел трудный путь по крутой горной тропе среди камней. Даже от еды отказывался, но Гуля очень настаивала.

Пришли женщины, и до Далласа донеслись рыдания одной из них, оплакивающей погибшего в шахте Бобу. Остальные утешали её, хотя никакие слова не помогут в такой ситуации.

Ночью Даллас обдумывал услышанное и не спал. Он сильно пожалел об этом, когда из угла, где лежала Гуля, донёсся шум возни, сопение и приглушённые стоны. Тусклый свет тлеющих углей позволял разглядеть нагромождение шевелящихся покрывал на лежаке Гулёнки. Под этими тряпками явно возилась не только хрупкая девушка.

Испытывая глубокое чувство досады, Даллас отвернулся к стене и укрылся одеялом с головой. Он впервые пожалел, что сконструировал и испытал свои крылья.

Глава -2

В конце дня смартлет завибрировал, сообщая о поступившей заявке на ремонт тренажёра. Аппарат не подключался к сети, и Даллас выехал на место, вложив набор инструментов в карман комбинезона. Его встретила невысокая и очень симпатичная девушка в обтягивающем спортивном костюме. Кажется, поломка аппарата не помешала ей упражняться. Хотя по её изящной фигуре не скажешь, что тренировки ей необходимы.

Девушка представилась Лизой и провела Далласа в комнату с неисправным устройством. Почти сразу он понял, что дело в элементарной настройке, о которой многие забывают. Но на этот раз не хотелось поскорее уйти. К тому же возвращаться на работу смысла нет – уже зажглось вечернее освещение.

Лиза оказалась приветливой, предложила стакан сока, так что Даллас открыл на тренажёре программу профилактики, хотя этого не требовалось. Работая, он пустился в глупые и бесполезные рассказы, какие бывают проблемы с этими аппаратами. Он надеялся, что уши не горят огнём под взглядом красивой клиентки.

Точёные губки, гнутые брови. Из собранных в хвост волос выбивались пряди, как бы протестуя против тугой резинки. Та же черта прослеживалась и в её поведении. Лиза держа-

лась свободно и расслабленно, живо реагируя даже на бес-
толковые и неинтересные истории. С ней оказалось легко об-
щаться и не появлялось ощущение, что она ставит ремонт-
ника ниже себя, как, к сожалению, делали многие клиенты.

Перед уходом Даллас принялся рыскать глазами по ком-
нате, надеясь найти другой гаджет для починки, чтобы пере-
кинуться ещё парой фраз с такой милой девушкой. Он заме-
тил на экране одного из устройств изображение популярной
группы из соседней Кассиопеи. Кажется, они как раз приедут
с концертом в конце недели. Даллас не очень любил такую
музыку, но, победив в короткой внутренней борьбе, сказал,
ввернув модное словечко:

– О, вы тоже идёте на концерт «Моди Бик»? Надеюсь, там
будет фаер!

Девушка просияла:

– А то! Они всегда рвут зал! Вы тоже их фанат?

– В некотором роде. Если встречу вас там, угощу викте-
лем, – как же много смелости потребовалось, чтобы предло-
жить девушке всего лишь выпить фруктово-овощную смесь.
Но Даллас справился.

– А если не встретите – то вот мой акк, – Лиза протянула
тонкую руку со смартлетом.

Окрылённый маленькой победой, Даллас пожал руку де-
вушки выше запястья, на что она улыбнулась и сжала его
предплечье в ответ. Они стояли так с десятков секунд – явно
больше, чем требовалось, чтобы смартлеты скопировали ай-

ди друг друга. Наконец Даллас смутился и суетливо засоби-рался домой. Ему сегодня ещё предстояло купить билет на эту чудаковатую группу.

На концерте Лиза познакомила Далласа с компанией друзей, и он с неудовольствием пополнил список акков, считывая айди со смартлетов незнакомых людей. Но к счастью, эта весёлая и подвижная девушка при звуках первой же песни схватила робеющего Далласа и потащила на танцпол. Затем они долго сидели за барной стойкой, забыв о кассиопейцах, которые устроили на сцене неоновое шоу под свист и грохот однообразных звуков.

Начали с обсуждения довольно редко совпадающих музыкальных вкусов, затем прошлись по тридэшкам, трендам и всему, чем интересуются их сверстники. Даллас не разделял многих веяний моды и не стремился к популярности. Это привлекло Лизу или нет, но она предпочла продолжить вечер в компании нового знакомого, наскоро попрощавшись со старыми.

Даллас удивлялся себе. Он никогда не отличался разговорчивостью, но в компании с Лизой слова лились потоком. Хотелось обговорить столько всего, поделиться взглядами на всевозможные вещи, шутить, рассказывать уже на самом деле смешные истории, а не те, что он мямлил, пока чинил тренажёр. Но вместе с тем ему стало безумно интересно узнать эту девушку, понять, чем она живёт. К счастью, она тоже говорила и шутила без умолку.

Они шли пешком по ночному городу. Мимо пронеслись гирокары со спешащими за клубными развлечениями жителями. Над ними сияло созвездие Ориона и серп луны. Даллас порывался петь, кричать, обнимать эту чудесную девушку, которая появилась в его жизни и вызвала столько эмоций и интереса.

Добрались до дома Лизы и проговорили ещё битый час, стоя у подъезда. Но потом ей захотелось ещё пройтись, и они дошли пешком к жилищу Далласа. Далековато, но никто не торопился. Они уже обсудили новейшие достижения в сфере науки и техники, как вдруг начался дождь. Значит, уже четыре часа ночи, как быстро пролетело время! Даллас обнял девушку, вроде бы защищая от дождя, но при этом трепетал, чувствуя её так близко.

Почти бегом добрались до апартаментов Далласа. Сначала планировалось, что он вызовет её кэб, но как можно не предложить промокшей девушке остаться и обсохнуть, налив кружку горячего чая?

Даллас закутал Лизу в самое большое полотенце, что нашлось дома и запустил раритетный магнитофонный проигрыватель с двумя огромными бобинами коричневой ленты. Он приобрёл его давным-давно в магазинчике сувениров и антиквариата. Сложно сказать, действительно ли это старинная вещь или современная реплика, но, несмотря на внушительные габариты, Далласу нравился этот магнитофон. Он редко включал его, потому что единственная катушка вме-

щала лишь девять песен, и они давно приелись. Но сейчас настал подходящий случай.

Удивлённая Лиза, услышав слова песни «Girl, you'll be a woman soon», долго и зачарованно рассматривала крутящиеся бобины. Она недоумевала, почему проигрыватель такой огромный, и для чего он нужен, если можно прослушать любую композицию с помощью смартлета и невидимого микробудса за ухом. Но песня произвела нужный эффект, и когда Даллас заключил её в объятия, приглашая потанцевать, она не возражала. Избавиться от мокрой одежды ей тоже показалось хорошей идеей.

Первые несколько месяцев Даллас и Лиза не отрывались друг от друга. Они виделись почти каждый день, часто вместе ночевали. Правда, у Далласа в апартаментах имелся лишь старенький неудобный диванчик, а у Лизы стояла новейшая модель релакс-капсулы, но, увы, одноместная. Это вызывало определённые неудобства, так что, потратив накопления, и добив недостающее кредитом, он приобрёл двухместное чудо техники.

Секс в репсуле впечатлил Далласа. Нежная подсветка и музыка меняли ритм, реагируя на процесс. Эта модель распыляла феромоны, усиливая возбуждение. А вибрационно-массажные зоны позволяли заниматься этим почти без телодвижений.

Правда, эту опцию Даллас невлюбил. Всё из-за одного неприятного клиента – лысоватого толстячка. Он купил де-

шëвую модель капсулы, в которой нет такого модуля, а он, похоже, ради этого её и приобрёл. Вызвав Далласа, обещал приплатить сверху, если только тот установит ему «кое-какое дополнение» – с этими словами мужичок заговорщицки подмигивал.

Конечно, Даллас не помог сальному клиенту, а его подмигивание каждый раз всплывало в памяти, когда Лиза предлагала включить «жужжалку». Хотя и без этого всё получалось прекрасно. Далласу очень нравилось, что она часто оставалась у него ночевать – три-четыре раза в неделю.

Лиза жила очень активно. Она знала обо всех мероприятиях, проходивших не только в Орионе, но и в других городах, особенно в столице – Большой Медведице. С ней Даллас впервые побывал в этом огромном и самом населённом городе.

Если верить официальным данным, в столице постоянно обитало почти два миллиона человек. Но едва ли не больше людей мечтало жить в этом мегаполисе, поэтому нередко встречались ночующие на улицах приезжие. Их влекла столичная жизнь – «как мотыльки на огонь», гласила старинная пословица. Мотылёк – это, кажется, такая бабочка, насекомое с красивыми крыльями, а почему они летели на огонь – так же непонятно, как и то зачем люди покидают родные города и спят в подворотнях.

Но Лиза восторгалась столичным шумом, безумными пробками на все три уровня десятиполосных автострад, ты-

сячами мерцающих триекций, рекламирующих всё подряд. В огромных клубах под завязку набитыми людьми она чувствовала себя в своей стихии. Она ловко совала смартлет под нос бармену, заказывая несладкую колу без газа прежде, чем того отвлекут другие люди. Ловко пробивалась сквозь толпу, таская за собой ошеломлённого Далласа, выбирая самые лучшие места, откуда видно всё, а звук пробирал до внутренних органов. А попав в центр событий, отрывалась каждый раз как в последний.

Помимо шумных клубов, Лиза, как и многие, увлекалась йогой. Правда, в отличие от других, она занималась этим не то спортом, не то медитацией гораздо серьёзнее. Почти каждое утро она ездила в йога-студию, но этого оказалось недостаточно, так что дома она занималась фитнесом на тренажёрах, а затем посещала занятия вечерней йоги. Даллас иногда не видел возлюбленную целыми днями, особенно если задерживался с ремонтом на другом конце города. А когда он предлагал ей сходить на тридэшку или мероприятие, интересное ему, Лиза часто предпочитала вечерние занятия. Не посещать йогу можно только ради тусовок в клубах или встреч с друзьями.

А друзей у Лизы было много. И все они время от времени требовали общения. Она таскала с собой и Далласа, но он чувствовал, что совершенно лишний в чужой компании. Не понимал, как можно так долго обсуждать еду, модную одежду или новые модели смартлетов (уж он-то знал, что они от-

личались от старых только внешним видом). В итоге Лиза встречалась с друзьями без его участия, что принесло даже некоторое облегчение.

Сначала это не казалось важным. Даллас покорно ждал, когда Лиза освободится, и они снова будут вдвоём. Но потом он заметил, что у неё остаётся для него всё меньше и меньше времени. Он просыпался один в огромной репсуле, потому что ей стало неудобно ездить на утреннюю йогу из его апартаментов – лишние пятнадцать минут на гироцикле. Лиза продолжала звать его на вечеринки или дружеские посиделки, но Даллас не видел в этом смысла и почти всегда отказывался.

Спустя восемь месяцев с момента встречи, Даллас решил, что недостаток общих интересов мешает им наслаждаться счастьем. Он назначил Лизе встречу в кафе, для чего отказался от выезда к клиенту, подстраиваясь под её график. Сидя напротив неё, но глядя в тарелку, он старался высказать все опасения, что не давали ему покоя.

– Лиза, я очень ценю твою лёгкость, но ты задумывалась, что будет дальше?

– А что дальше? – Лиза не понимала в чём проблема, ей хотелось поскорее закончить тяжёлый разговор, который заставлял нервничать. – Я пойду на вечернюю йогу...

– Ты же знаешь, я не об этом. В глобальном плане. Ведь ты живёшь каждый день только для получения удовольствий. За этим же должно что-то следовать. Для чего тебе столько

времени тратить на фигуру? Даже если ты растолстеешь, я всё равно не перестану тебя любить.

– Так ты хочешь переспать с толстухой? – попыталась уйти в юмор Лиза, но глядя на каменное лицо Далласа, посерьзнула. – Мне нравится этим заниматься. Я чувствую себя живой. Мало кто превосходит мои достижения.

– Но, Лиза, эти достижения совершенно ничего не дают. Вы просто хвастаетесь друг перед другом результатами, которые ничего не значат. К тому же ты делаешь это во ущерб отношениям, – Даллас укоризненно посмотрел на неё. Необязательно напоминать, что они не ночевали вместе уже неделю.

– Ты хочешь, чтобы я бросила занятия, и сидела возле тебя? Мне неуютно в твоих апартаментах, там даже тренажёр не поставишь.

– Нет, я не требую ничего бросать, но надо немного подумать о будущем. Если мы подадим заявку на участие в лотерее, сможем переехать в более просторные апартаменты...

– Лотерее? – Лиза раскрыла глаза, полные ужаса. – Я пока не думала об этом.

– Я и не говорю, что нужно сделать это немедленно, – попытался успокоить Даллас. – На решение даётся три года. Ведь когда-нибудь наши отношения должны перейти на новый уровень.

Лиза молчала, глядя в пустоту, а Даллас продолжал:

– Каждый день, когда мы не видимся, я спрашиваю себя,

для чего нужны эти переживания? И пока на ум приходит единственный ответ – я люблю эту девушку и надеюсь на более серьёзные отношения, завести ребёнка. Вот и подумал о лотерее, – Даллас перевёл дух, собираясь сказать главное. – Если ты не согласна, то я не вижу смысла продолжать встречаться.

Прошла целая вечность, прежде чем помрачневшая Лиза очнулась от тяжких раздумий и посмотрела на Далласа. Затем она взяла его руку, улыбнулась и спросила:

- Правда любишь?
- Да.
- Что ж, тогда лотерея.

Глава 4

Досада и разочарование не покинули Далласа и на следующее утро после появления мужчин. Подпитывала упадок духа и ноющая нога, которая не позволяла покидать хижину. Зубы покрыл противный налёт, а тело липкий слой жира. Чёрная грязь забивалась под выросшие ногти, ведь чесаться тянуло постоянно.

Очень хотелось вымыться, но Даллас не представлял как. Он не понял, как моются все эти люди. Судя по их запаху, грязным лицам и рукам – никак. Мытьём посуды они тоже не утруждались, считая еду более наваристой, если стенки горшка покрывает застарелый жир и прилипшие ошмётки.

В первое время Далласу было не до брезгливости, но она проснулась, когда ему стало лучше. Необходимость справлять нужду там же, где он спал и ел, казалась отвратительной. Смартлет требовал есть пробиотики, предлагал оформить заказ на йогурты. Алгоритм не догадывался, что существуют места, далёкие от пневмодоставки, а из доступной еды лишь похлёбка из горьких корней. От того, что он решался проглотить, болел живот и часто тянуло в туалет. Но по жилищу с раздражающей суетливостью таскались женщины. Они болтали о всякой ерунде и перебирали ненужную ветошь, пока Даллас терпел до последнего, прежде чем сесть на ведро.

Застиранная до дыр старая тряпка служила средством гигиены. Её Даллас, несмотря на сложности, стирал сам – не заставляя же делать это Гулёнку. А выбросить тоже не получалось – местные дамы не избавлялись ни от чего, что можно снова использовать. Вместо мыла брали золу из очага, но она, как ни странно, очищала.

Смущали и порядки этого общества. В тот вечер, когда пришли мужчины, они устроили пир горой: закололи козу, съели и её, и всё приготовленное в нескольких жилищах, не подумав поделиться с женщинами или детьми. Кусок мяса принесли и Далласу, но он, глядя на притихших голодных хозяек, отказался есть. Тогда не стали и они – пока оставался ненакормленным хоть один мужчина, женщины не принимали пищу. Пришлось выхлебать чашку отвратительного бульона с грибами, чтобы соседки разделили на всех пережаренный кусок мяса и насытились объедками после трапезы мужчин.

Шахтёры ушли две ночи спустя, забрав те немногие припасы, что остались после пиршеств. Женщинам снова пришлось целыми днями ходить по округе, выискивая съедобные грибы, коренья, ягоды и орехи.

Даллас с тоской вспоминал удобства, к которым привык в своей прежней жизни. Тогда он мог в любой момент сытно поесть и не думать, что еды мало и добывается она с большим трудом. Как он сладко спал в огромной релакс-капсуле! Он вспоминал её комфорт с особенной грустью, когда жен-

щины принимались болтать на своём странном диалекте, а его клонило в сон. Разговоры их не касались высоких материй. В основном о козах, еде и окружающих людях. Становясь невольным слушателем сплетен, Даллас заочно познакомился со многими жителями племени. Они побаивались тревожить «боха», поэтому не появлялись в их хижине. Люди эти были суеверны и глупы. Он бы с радостью вместо болтовни о том, кто с кем спит и кто что варил, слушал музыку, но, готовясь к полёту, оставил микробудсы дома. Не подозревал тогда, в какой ситуации они быгодились.

Репсула умела и усыпить, и пробудить, а здесь Даллас не помещался на твёрдой лежанке целиком – ноги замерзали. Но больше всего мешали соседки. Если они не болтали, то храпели, а если не храпели, то кряхтя и охая поочерёдно поднимались по зову природы к ведру, что стояло здесь же. Иногда будила и неудачно повернутая во сне нога. А если ночь проходила спокойно, то с первым светом женщины просыпались и, переговариваясь в полный голос, суетились у очага – совсем рядом с его тахтой.

Гуля с какой-то тоской глядела на Далласа, подавая еду. Теперь он мог кормить и обслуживать себя, поэтому отказывался от помощи. Ему было тяжело и неприятно не только с ней разговаривать, но и смотреть на неё. Он чувствовал себя преданным, хоть и понимал, что это глупо. По сути, эта девушка ничего ему не должна, между ними ничего не было, кроме, разве что симпатии. Похоже, Даллас не так истолко-

вал знаки внимания с её стороны, раз она в отношениях с другим женщиной. Но он не понимал, почему так часто ловит её грустный взгляд, а по ночам слышит, как она хлюпает из своего угла. Впрочем, это вполне объяснялось тоской по хамоватому шахтёру.

Мысли нависали над Далласом, как и серые облака, плотной пеленой затянувшие небо. Когда он, опираясь на костыли, выходил наружу, не случилось ни единого солнечного дня. Даже непонятно в какой части неба находится светило. Всё выглядело серым, мрачным, тусклым и унылым. Хотелось лежать, уставившись в стену, и не думать ни о чём. Так он и делал чаще всего. Хорошо, что его никто не трогал. Его навещал только Старый, но Даллас притворялся спящим, пока тот не уходил.

В одну из ночей все женщины ушли из хижины. Без их монотонных разговоров было бы легче уснуть, но снаружи доносился женский крик. Он прерывался, казалось, только чтобы грудь набрала новую порцию воздуха, выпуская его обратно истошным воплем боли и страдания. Даллас лежал и слушал, не имея другого выбора. Возможно, это местный ритуал, включающий в себя отрезание конечностей – такой крик больше ничем не объяснить. Если так, то он не в силах что-то сделать. Ни к чему влезать в чужой уклад. Его представления о жизни радикально отличались от местных обычаев.

Но крики не утихали. Спустя полчаса Даллас отчаялся

уснуть и подумал, что кто-то получил травму. Наверное, этой женщине требуется помощь. Но все остальные, должно быть, уже там. Да и Старый неплохо справлялся с переломами и вывихами, как Даллас убедился на себе. В конце концов любопытство пересилило все доводы, и, опираясь на жерди, Даллас заковылял к жилищу, из которого доносился шум.

Пока он дошёл и откинул полог, женщина перестала кричать, но раздался другой крик – тонкий и пронзительный. Существо, издающее эти звуки, покоилось на руках Старого. Он стоял на коленях над стонущей женщиной, раскинувшей голые ноги. Бабы заглядывали в тряпье, которым ведун в спешке укрывал ребёнка. Подошедшая поближе Гулёнка откинула край полотна и не сдержала вскрик. Она зажала рукой рот и в ужасе выбежала из палатки, чуть не сбив Далласа. Свесившаяся ткань обнажила огромную голову неправильной формы – по обеим сторонам лба выпирали бугры, а между ними образовалась вмятина. Глаза глубоко запали в череп, а огромный рот источал пронзительный вопль. Если так и выглядят новорождённые, то это ужасно.

В хижине затихли все, кроме надрывно пищущего младенца. Женщины с сочувствием поглядывали на распластанную стонущую мать, закатившую глаза в полубреду. Старый принялся выгонять их, чтобы не мешались под ногами. Даллас всё ещё стоял на пороге и пытался понять в чём дело. Вдруг роженица пришла в себя, с трудом подняла голову и обратилась к ведуну:

– Хде лялька моя? Дай ево мне!

Старый открыл флакончик и сунул ей под нос, приговаривая:

– Нет ляльки. Жабудь. Шпи, шпи...

Женщина, подёрнутыми пеленой глазами, поймала взгляд Далласа и сказала, обращаясь уже к нему:

– Пожалей, бох... Не замай мою ляльку... Пожалей, бох...

– Я не бог, – сказал он и пошёл к своей хижине.

На следующий день соседки Далласа ходили как в воду опущенные. Не слышалось привычной болтовни о пустяках, переругиваний или пересмешек. Гуля не пыталась проявить назойливую заботу и не бросала долгих тяжёлых взглядов в сторону Далласа. Она обратилась к нему лишь однажды, когда принесла миску супа.

На этот раз похлёбка оказалась на редкость вкусной. Похоже, в рецепт входило мясо, но... женщины не закалывали козу. Все прошлые запасы уничтожили мужчины, а новым неоткуда взяться. Чувствуя, как сводит живот, Даллас уже хотел выяснять у Гули из чего этот суп, но одна из женщин, допивая бульон, обронила фразу:

– Тааа, жаль, чё лялька уродец вышел, но хыть кусный, пузо-то набить...

Далласа вывернуло наизнанку прямо на пол. Его передёргивало от отвращения и снова сгибало пополам под удивлённые и испуганные взгляды женщин. Когда отпустило, схватил костыли и поспешил к выходу на улицу, отстранив под-

скочившую Гулю. Он направился к ручью, который ледяной струйкой стекал в расщелине скалы.

Проглотив как можно больше воды, Даллас вспомнил, что недавно попало в желудок, и его снова вырвало. После этого он отмывал руки, рот, лицо, но всё казалось, что на нём осталась жирная плёнка.

Наконец, когда руки заоченели, а балахон промок насквозь, Даллас сел на камень и задумался. К чёрту всё это первобытное общество и этих людей с их порядками и обычаями! Так жить нельзя! Грязные каннибалы, и его втянули в это! Надо выбираться отсюда как можно скорее! Нужно найти способ вернуться на Орион!

Даллас постарался не думать о съеденном супе и сосредоточился на том, как найти путь домой. Он огляделся вокруг.

Поселение находилось на склоне горы, а её вершина терялась в облаках. Небесный город хоть и держится на платформе с газовыми отсеками, но для фиксации на месте, возможно, связан со скалой – тросы или что-то наподобие. Даллас по привычке полез в смартлет уточнить эту информацию, но вспомнил, что без подключения к сети других гаджетов, данные он не получит.

Даже когда нога восстановится и Даллас взберётся на вершину скалы, не ясно, что делать дальше. Карабкаться по тросам – неосуществимая задача, если они вообще существуют. Проектируй город Даллас, он бы удержал его на месте стабилизационными турбинами.

Не приходили в голову и идеи как подать сигнал о помощи. Кто под слоем облаков его заметит, куда направлять, как осуществить – на эти вопросы не было ответов.

Глядя в пропасть, куда падала вода из ручья, бесшумно разбиваясь на капли далеко внизу, Даллас подумал, что страдания прекратятся прямо сейчас, если он отправится вслед за стекающей водой. Но потом вспомнил полёт сквозь пелену облаков, ужасающее приближение скал, и этот вариант отпал сам собой.

– Да-лас, ты как, живой? – поспешно ковыляя, приблизился Старый, из-за его спины выглядывала взволнованная Гулёнка.

Ведун подоспел весьма кстати, к нему возник вопрос. Вместе с Далласом рухнули на скалу и его крылья. Их можно починить. Реактивные двигатели без топлива бесполезны, но, чтобы оказаться в воздухе, достаточно спрыгнуть со скалы, а затем с помощью сервомоторов по спирали подняться ввысь до самого города.

– Старый, ты находил мои крылья, когда я упал? На мне были механизмы, моторы. Где это всё?

Старичок убедился, что здоровье Далласа в порядке и переспросил. Он шевелил губами и чесал бритый затылок, разбирая незнакомые слова. После нескольких пояснений он сказал:

– Щё-та кругом было, я взял кой-щё. Щудные штуки, не жнам начё они надо.

– Пойдём, покажешь, что ты взял, – Даллас решительно опёрся на костыли.

Хижина Старого стояла на отшибе, примыкая к скале. Рукотворное углубление закрыли стеной из сырой глины – вот и вся постройка. Но и это куда добротнее, чем палатки остальных. Жил ведун один. Он завесил всю пещеру амулетами и грубо связанными куклами. Приходилось выбирать, куда поставить ногу, чтобы не наступить на разбросанный хлам. Аккуратнее всего здесь смотрелись вырезанные в стене полки, заставленные каменными и деревянными фигурками. Даллас долго рассматривал ровные ряды многочисленных резных божков. Одни изящные, с мелкими деталями, другие лишь отдалённо напоминали формы человека.

Старый копался в завалах барахла и в итоге разложил перед Далласом хорошо знакомые механизмы. От «Икара» мало что осталось – лишь части корпуса, разломанные сервомоторы и кусок пластикового крыла.

– Мне нужны другие детали. Давай сходим туда, где ты меня нашёл, – Даллас надеялся, что нога не помешает забраться на гору.

– Чую, хошь ты от нас ути к швоим вназат? Ну щё, я те не указ. Шведу, раз хошь, щё. Но ты шперва кажи: чем мы плохи? Иль не так за тобой ходили? Ишь Гулька мокрит тут, – Старый тронул за плечо девушку, которая, осознав к чему идёт дело, начала шмыгать носом и тереть глаза.

– Я понять не могу, чего она от меня хочет, если с ней

спит другой? – довольно резко, не глядя на девушку, сказал Даллас.

– А чё хоть ты не лѐх со мной? – в сердцах вскрикнула Гулѐнка и выбежала вон.

– Видать, ты не жнам ваще как мы тут жизнь поживам, – усмехнулся Старый беззубым ртом. – Ешлив баба лежит одна, ешлив она не лялька и ляльку не ждѐт, и ешлив не помер родич еѐ, то мужик, хто хочет, лежит с ней. Хто шперва лѐх, тот шпит, хто другой ждѐт, ешлив тот удѐт, иль ищет другу бабу.

Вот оно как. Кто успел, тот и молодец. Плевать на чувства, романтику. Да и от ссор такие правила вряд ли избавляли.

– В любом случае мне здесь не место. Я не могу жить как вы, не могу есть человечину, – Даллас пытался оставаться спокойным, объясняя Старому очевидные вещи.

– Щѐ жизнь така, так щѐ ты думаешь, мы так хочем? Лишь с голодухи не помѐрнуть. День-жа-день бабы исть ищат, мужики копать ходят, не то бохи ядный туман нашлют, померут все, хто есь, – в голосе Старого чувствовалась горечь. Он подошёл к нише с фигурками, оглядел их с тоской. – Деды наши как живы штались – не жнам, бохи жалели, мож. Много племенов дедов шхибли. Та и нас мал-мало терь. Напали хады в ту жиму, чуть выбились. Ишь, мал им наш дар, усех коз им дай. Ток подмогли нам други-шошеди. Терь с ними жимню жизнь жавели. Так хто шгибнул, тех исть штали. Коз мал-мало, голодуха. А та лялька всё рно б шѐня-жавтра

уйшла к дедам. А так, ишь, живы же ней. Ты б помох шуток, кажи, как боли лещить, да де поисть ишкать, пока не уйшёл, ты ж бох, мног-много знаш. А дальш мы как-то шами.

Даллас задумался. Судя по рассказу ведуна, этим людям приходилось несладко. Но то, как они выживают, человеку из Ориона кажется диким. Возможно, у них просто нет выбора. В других условиях они бы стали культурнее, жили иначе. Этим людям просто нужна помощь. Им необходимо продовольствие, лекарства, знания. Всё это есть на Орионе. Найдутся там и неравнодушные люди, которые помогут. Как ни посмотреть, Далласу необходимо попасть обратно или вызвать помощь. И он придумает, как это сделать.

Глава 5

Даллас шёл по снегу за Старым, опираясь на палку и осторожно ступая на больную ногу. Ведун не спешил. По пути он то и дело рассказывал истории, дожидаясь, пока его хромой спутник преодолеет подъём. Снег лежал намного выше, когда Старый нашёл его, распластанного в сугробе. Сам он пошёл тогда в горы за травами и кореньями, которые не доверял собирать никому.

Старый рассказывал, что, когда был моложе, поднялся на вершину горы – выше облаков. Там он увидел первого бога и тот ослепил его за дерзость – недостойный человек взобрался, чтобы узреть непостижимое. Но к счастью, бог сжалился и вернул бедняге зрение, услышав заверения, что смертный не желает стать небожителем ровней. А когда этот бог ушёл, один за другим проснулись деда – их глаза светились во тьме, подмигивали, а иногда роняли слезу, оплакивая жизнь потомков. Все люди когда-то были богами, но за поступки их низвергли на землю. И только после смерти позволено вернуться на небо.

Молодой ведун не спал всю ночь, любуясь мерцающими глазами дедов, да подбрасывая топливо в огонь, чтобы согреться. И он увидел, как на небо пришёл ещё один бог – его лицо светилось так ярко, что снег вокруг заискрился и стал синим. Старый понял, что это главный бог ночи. Он обра-

тился к нему, попросив разрешения врачевать народ своего племени, заглядывать в прошлое и будущее, молить о ранней весне и поздней зиме. Бог оставался молчаливым, но Старый заметил улыбку и понял, что хоть и недостойны смертные божественных слов, но просьба его услышана и принята.

Старый, которого, похоже, и в годы молодости, называли именно так, дождался, пока небожители уйдут – бог ночи за горы, а деды уснут, закрыв глаза. Небо окрасилось розовым, и он увидел дом богов – большое блюдо, висящее вдалеке. Знать, все они спали именно там, пока главный бог дня бродил по небу.

К утру у Старого закончились дрова, он покинул вершину и спустился в сумрачный мир – отбывать наказание, возложенное на предков. Кроме того, он уже получил одобрение заниматься ведунством. Оставалось надеяться, что когда-нибудь боги сжалятся над людьми и позволят, не дожидаясь смерти, жить на небесном блюде, а ночами взирать блестящими глазами на горы и облака.

Даллас глядел вверх, куда указывал Старый и обдумывал эту историю. Забавно, что дикарь, живущий под беспросветным облачным покровом, видел луну и звёзды, а обитатель «небесного блюда» не мог похвастаться тем же. Искусственные созвездия и проекцию луны в расчёт можно не брать. Он и солнце-то по-настоящему видел только мельком один раз. И оно тоже ослепило его – похоже на наказание за дерзость и попытку оказаться наравне с ним, если бы Даллас верил в

такие вещи.

После нескольких часов пути Старый нашёл место крушения. Ложбину среди скал всю занесло слоем снега, но кусок пластикового крыла торчал, зацепившись за низкорослые деревья. Пробравшись к нему, Даллас осмотрел край обломка. Деталь сервопривода осталась на другой части крыла, скрытой под белым покровом.

Снег вокруг был чист и нетронут. Захотелось оставить на нём следы, испортив это белое полотно, расстеленное природой. Палкой, крылом, здоровой ногой, Даллас разрывал снег вокруг себя, надеясь обнаружить детали сервопривода. Но это оказалось бесполезной затеей. Старый не помогал – он сел на обломок скалы и пожаловался, что в темноте дойти домой будет очень трудно. Его доводы не лишены логики, но всё-таки не хотелось потерять шанс вернуться к прежней жизни, поэтому Даллас упорно копал снег.

Старый всё не унимался. Пытаясь зайти с разных сторон, мягко уговаривал прекратить поиски и спускаться. Он напомнил об ужине, и Даллас, ничего не евший после того ужасного супа вчера утром, ощутил предательскую пустоту в желудке. Согрев во рту немного снега, он посмотрел вокруг ещё раз и понял, что действительно пора спускаться.

Они прибыли в деревню, когда почти стемнело. Женщины уже приготовили ужин – на сей раз что-то вроде рагу из неизвестных Далласу овощей, но, к счастью, без подозрительного мяса. После ужина, как это часто бывало ранее, Старый

собрал детвору вокруг костра в центре площадки, окружённой хижинами. Он рассказывал им истории о богах и предках, которых они называли дедами. На этот раз Даллас присоединился к ним и подсел к костру, устраивая поудобнее ноющую после прогулки ногу. Детишки недоверчиво поглядывали на нового члена племени, некоторые показывали на него пальцем и что-то шептали на ухо друзьям. Но в конце концов, они увлеклись историей ведуна и напрочь забыли, что среди них чужой.

– Кажи нам, Старый, кажи ещё про железова боха! – просили дети новую историю.

– Ну, ладно-ладно, школь уж раз ту кажку казал, та всё вам мало, – в шутку сердился Старый. – Жила как-то баба, а в пузе ейном был бох, что всех людей должон на войну вести, када большой мужик штанет. А жлые бохи шлали мужика, шоб её к дедам уйти прям с лялькой в пузе. Мужик тот был вродь как мужик, а нутром железовой. И найшёл он ету бабу, а она бежать. И из бабахи в его палить, та ему ништо – знать железовой. Тока увидал он красу бабью, та силу еёшнюю, так и грит: «Ты, баба, не боись, я должон тя убить, всё ж вижу, как ты краса, да шмела. Жнать твоя лялька буит правда нас воевать да нападать. Но мне моё племя не мило, а ты мила, так я те помогу, штоб мужик из водного железа вас не жнашёл».

– На самом деле помогал ей другой киборг... железный мужик, а первого она раздавила, – вмешался Даллас, вспом-

нив классический боевик конца двадцатого века.

С одобрения Старого он, как мог, пересказал сюжеты за-
смотренных до дыр классических тридэшек. Он старался
упрощать слова, чтобы дети его понимали, а они слушали,
открыв рот. А когда история закончилась, попросили ещё.
Он вспомнил другие сюжеты маскультуры, адаптируя их
под местную реальность. Ведун тоже слушал с интересом и
вниманием, иногда посмеиваясь, узнавая повороты историй.

Так они сидели, пока матери не загнали детей в жили-
ща. Отправился к себе и Даллас, пожелав спокойной но-
чи Старому. Но, лёжа в хижине, он всё думал, как найти
путь к «небесному блюду». Мысли путались, повторялись,
мозг подкидывал совершенный бред, связанный с сюжетами
тридэшек, и в итоге Даллас не заметил, как уснул.

Голова продолжает работать и во сне, переваривая зало-
женную информацию, раскладывает её по полочкам и ищет
решения. Даллас проснулся с мыслью, что, если шахтёры до-
бывают руду для нужд небесного города, значит, её туда ка-
ким-то способом переправляют. Осталось только выяснить
– возможно ли вместе с рудой переправить и выпавшего из
привычной среды горожанина.

Старый не объяснил, как доставляют минералы на Орион.
Говорил, что это «бохово колдунство», а как оно устроено –
«не по его котелку». Через два дня должны прийти мужчи-
ны, нужно напроситься с ними в шахту. Кроме того, что это
способ вернуться, интересно взглянуть, что же случилось с

роботами-добытчиками. Ведь это их задача снабжать город, а вовсе не этой малочисленной горстки голодающих людей.

Пока тянулось ожидание, Даллас попытался починить костюм. Не разобравшись с застёжками, Старый и его соплеменники разрезали и разорвали скафандр в нескольких местах. Это можно залатать, имея современные инструменты и запасные детали, но под рукой только камни, палки, да ржавые ножи. Аккумулятор бы ещё пригодился, но зарядить его не вышло. Соорудить достаточно большую солнечную батарею из уцелевших пластин с костюма не получилось, а лучей солнца из-за облачного покрова не хватало, чтобы обойтись уцелевшими кусками.

Комбинезон Далласа разрезали только в одном месте – на левой ноге. Как раз там, где болел шрам. Но дыру очень аккуратно зашили толстой нитью. Он наконец облачился в привычную удобную одежду. Но и с накидкой расставаться не стал – по вечерам горы дышали холодом, и за день воздух уже не прогревался.

Он привык к пончо, сшитому из пёстрых лоскутков, уже не путался в полах. А если поднимался ветер, выручал поясok, сплетённый Гулёнкой. Рассматривая однажды выцветшие узоры на кусочках ткани, Даллас подскочил от удивления. На одном из сегментов он увидел отчётливый логотип компании «Адинайк». Странно, что раньше не заметил, ведь символ красовался прямо на груди. Он не понимал, как кусок ткани фирменного спортивного костюма оказался здесь,

среди развалин и упадка.

Гулёнка долго не могла взять в толк суть вопроса, но, когда Даллас спросил её, откуда берётся ткань для одежды, выяснилось, что в определённые дни происходит обмен с жителями соседних племён. Одни предлагают ткань, другие – изделия из железа, третьи – утварь из дерева и глиняные горшки. Гулёнкино племя в ответ платило козьим мясом и каменными фигурками людей и животных. Их Каспар мастерски вырезал во время отдыха.

В день, когда ждали мужчин, Гуля, набравшись смелости, заговорила с Далласом:

– Ты мя звини, я ж не знам как там жизнь на небе твоём. Старый мне казал, чё мы дикие для тя, а я ждала шоб ты ко мне лёх, а Дана не ждала.

Даллас смутился, но Гулёнка не дала себя прервать и продолжила:

– Сёня мужики придут, Дан снов ляжет свой штырь в мя сувать. А мя с его рвать тянет, тока «нет» казать низя. Ты приди, я тя налюблю, ты мне нра, а Дан – не.

Не зная, куда отвести взгляд от взволнованной девушки, Даллас всё-таки согласился спасти её от посягательств, соблюдая обычаи племени:

– Ладно, Гуля. Я приду, лягу рядом. Но мы будем спать. На самом деле спать. Все эти «штырь», «сувать»... Я так не могу, понимаешь?

Гулёнка взвизгнула от радости, попрыгала на месте и убе-

жала, как только поняла, что Даллас согласен. Но неясно, чему она обрадовалась больше – что будет спать с ним или что не будет с Даном.

Мужчины пришли поздно, усталые и измученные. Из-за этого Даллас решил отложить просьбу насчёт своего похода в шахту до завтра. Их наскоро покормили возле центрального костра. Дан, как и в прошлый раз, не скрывал намерений отправиться в постель к Гульке, но сейчас девушка мягко, но решительно пресекала его попытки приобнять или положить ладонь на бедро, делая вид, что занята котелками. При этом она с волнением смотрела на Далласа, будто опасаясь, что он забыл обещание.

Конфликтовать с Даном, как и с другими мужчинами, не хотелось, но и девушку жаль. Как только жители стали расходиться спать, Гуля помогла Далласу подняться и повела в хижину, где он сразу же лёг на её место. Следом просунул голову в жилище Дан, но, поняв, что происходит, сверкнул глазами во мраке, цыкнул зубом и пропал. Здесь на самом деле чтити правила, придуманные неизвестно кем и нигде не записанные.

Огонь прикрыли заслонкой, хижина погрузилась во мрак. Женщины наскоро обсудили животрепещущие события дня, громко зевая и сетуя, что вокруг Гульки «козелы ходят стадом», а к ним уже сколько лет никто не заходит, после чего утратили к молодой соседке интерес, отвернулись и накрылись тряпьем. Некоторые из них уже захрапели, когда

Даллас подумал, не покинуть ли чужое ложе. Тем более поместиться удалось лишь на самом краю, хотя Гуля не занимала много места. Кажется, всё стихло, и Дан, утомлённый дорогой и работой, не посягнёт на постель этой девушки. Значит, можно с чистой совестью отправиться на своё место.

Даллас уже спустил одну ногу на пол, как вдруг Гулёнка повернулась и положила руку ему на грудь. Он попытался мягко высвободиться, но она, будто бы во сне, не убирала руку, и недовольно поёрзала, придвинувшись ближе. Это было неудобно – и физически (он почти свешивался с кровати), и морально – Даллас не представлял, сколько лет этой Гулёнке, да и он вот-вот отправится обратно на Орион, а там ждёт Лиза. Наверное...

Её рука была такой тёплой. Стало совсем неловко, в особенности оттого, что тоскующее по женской ласке тело отозвалось на это, якобы нечаянное прикосновение. Даллас разрывался между порывом прекратить это и желанием оставить всё как есть. Найдя подобие компромисса, он повернулся к Гулёнке. Её закрытые глаза и приоткрытый рот, едва различимые в полутьме, выражали, казалось, всю нежность мира. Даллас, сам от себя не ожидая, обнял её и прильнул к губам.

Глава -3

Пока стадион заполнялся людьми, звучала оглушительная музыка. Джефф набрал столько попкорна, будто хотел накормить им всех соседей вокруг. Зачастую он так и делал, рассыпая воздушную кукурузу на головы впереди сидящих и на Далласа, который слабо представлял, что сейчас начнётся. Он, в отличие от друга, не испытывал экстаза предвкушения, не включал поминутно экран смартлета, проверяя рейтинги ставок, и дурацкой шапочки с надписью «Орионские Смертоносцы» на его голове не красовалось.

Афиша гласила: «Ледовая битва: Хоккейное шоу! Лёд и пламя в поединке команд из Ориона и Скорпиона». Обычно Джефф посещал подобные мероприятия со своими приятелями, такими же фанатами, как и он, которые ходили на стадион за острыми ощущениями. Но в этот раз пропал билет, и он позвал Далласа. Хотелось поговорить с другом детства, но под сводами арены гремела музыка и рекламные объявления, не умолкающие ни на секунду. Это мешало общаться Джеффу и его приятелям, которые разучивали кричалки и временами заглушали рекламу.

Шоу началось. Свет погас, триекторы создали в воздухе объёмное изображение импозантного мужчины средних лет, вызвавшее одобрителный гул на трибунах. Он обвёл зал острым взглядом – казалось, заглянул в глаза каждому, при-

влекая внимание, а затем заговорил зычным голосом, растягивая некоторые буквы:

– Дамы и господа! Добро пожаловать на арену «Пояс Ориона»! Эти команды встречались на «Скорпион-арене» и тогда наши Смерррррртоносцы потерпели поражение. Но они жаждут мести! Вы готовы к рррррррреваншу?!

– Даааа! – послушно взревел зал.

– Вы гаааааатовы?! – сделал вид, что не слышит, ведущий.

– Даааа!!! – взвыли люди, свистя и топая ногами.

– Вы гааааааааааааатоооооовы?! – неприлично растянутое слово ввергло людей в экстаз. Они кричали изо всех сил. И только это, похоже, успокоило неугомонного ведущего:

– Так приготовьтесь же к гррррррррохоту!!! – оглушительно прорычал конференсье коронную фразу. Дав толпе прокричаться от восторга, он продолжил спокойнее: – Чемпионы позапрошлого года, обладатели звания «несокрушимые», гости нашей арены – «Скорпионские Жала»!!!

Ледовая площадка стала жёлто-чёрной, и на лёд выехали роботы такой же расцветки. Их фигурки были далеко, но на изображении, парящим под куполом, виднелись и клешни, в которых они сжимали клюшки, и жёлтые полосы на чёрной броне. Зал завыл протяжное «бууу!» и освистал гостей, на что те отреагировали неприличными жестами.

– А теперь пррррриветствуйте своих любимцев, пррре-

тендентов на титул чемпионов мира – «Оррррионские... Смерррррррртносцы»!!!

Зал взорвался овацией. Джефф подпрыгнул с места, высыпав чуть не половину попкорна на Далласа, пока тот оценивал роботов с технической стороны. На площадку выезжали антропоморфные механизмы из металлических и пластиковых частей. Они скользили по льду, приветствовали зрителей и посылали в сторону соперников угрожающие жесты. Для этого у роботов имелись детали, изображающие мимику – брови, рот, скулы – какая глупость.

Свет включился и матч начался. Джефф предложил Далласу попкорн. Это звучало как издёвка, ведь у него им была уже обсыпана вся одежда.

– Эта часть скучная, – пояснил Джефф. – Сейчас обменяются шайбами. Немного потолкаются для вида. Зато потом начнётся настоящее рубилово!

Даллас не очень интересовался этим шоу. Не отказался пойти в основном из вежливости. Но поддержал разговор:

– Раньше ведь в хоккее играли люди. Интересно, почему теперь только роботы?

– Да что тогда была за игра? Два часа возили шайбу от борта к борту. Сложные правила, защита, нападения. Я смотрел старую тридэшку – представь, двухмерную ещё, – чуть не уснул, так и не дождался первого перерыва. И при этом люди с детства учились, постоянно тренировались, ездили на соревнования, участвовали в турнирах. Как они соглашались

– не понимаю. Да и опасно это. Даже в те скучные времена случались и травмы, и смерти на льду. Сейчас такое было бы вне закона. Ох крыш, нам забросили...

Гул на арене озвучил это событие, хотя Даллас не понял, что произошло. Скорпионцы подняли клешни кверху, имитируя радость. Игра продолжилась, и Даллас выяснил у Джеффа, зачем роботы покидают площадку через дверцу в борту и тут же спрыгивают обратно на лёд. Так они имитировали смену хоккеистов на запасных. Это правило ввели, когда первые роботы играли с живыми людьми и превосходили их в основном потому, что не тратили время на смену состава из-за усталости. Традиция сохранилась, хотя роботам даже не на кого было меняться – все шестеро находились на поле.

Несколько раз хозяйева арены – то есть, Смертоносцы, раскрашенные в зелёно-красные тона, приблизились к тому, чтобы сравнять счёт, и арена в унисон выдыхала от напряжения. Джефф увлёкся игрой, а Даллас подумал, как мало общих интересов у них осталось.

В детстве они вместе ходили в мастерскую центра развлечений, конструируя модели городов из нанопластика. Когда друзья работали вдвоём, проект выходил грандиозным и продуманным. Из податливого материала Даллас лепил людей, телеги и запряжённых в них свиней – вымерших домашних животных, а Джефф мастерил хижины и крепости. Правда, они редко доводили начатое до конца. Джефф обла-

дал неприятной особенностью – он любил приврать, как и пообещать впустую.

Однажды они мастерили модель замка, занявшую почти целый стол. Стены и башни отняли много времени, но смотрелись величественно, прямо как на пикчах в «Цивилопедии». Уже почти всё было готово, не хватало лишь цепочки для откидных ворот. Джефф пообещал принести из дома подходящую, но когда Даллас пришёл в мастерскую на следующий день, выяснилось, что доделывать ворота не придётся. Ночью их крепость разрушили неизвестные. От досады восстанавливать модель не поднимались руки. Кто сломал постройку, Даллас догадался, но обиды не держал. С Джеффом, несмотря на недостатки, было довольно интересно.

Когда друзья стали старше, они часто рассуждали о будущем. Строили планы переехать в Большую Медведицу и открыть там лабораторию кибернетики. Джефф утверждал, что близок к изобретению новых носителей информации, которые перевернут мир с ног на голову. Ему не хватало лишь курса анатомии, чтобы начать эксперименты по вживлению чипов в голову. Это позволит расширить возможности мозга, конвертировать информацию в двоичный код и разработать интерфейс для хранения воспоминаний и мыслей в сети. А там недалеко и до создания копии личности, что, по сути, означает бессмертие.

Да, фантазия у Джеффа была столь же бурной, сколь и глобальной. Жаль, что претворять идеи в жизнь ему всегда

мешала неусидчивость. Он никогда не посвящал себя одному делу надолго. Занявшись анатомией, тут же её забросил, увлечённый новой идеей, для чего ему понадобились знания о химии. Но и в этой сфере он не задержался, делая вид, что на учёбе ему не дадут больше информации, чем у него уже имеется.

И всё-таки он во многом помогал Далласу, который не так быстро схватывал информацию, когда, например, изучал курсы физики. Джефф легко подставлял формулы, моделировал опыты. Точнее, делал наброски к ним. Он путанно объяснял суть, а Даллас кропотливо завершал задание, готовясь к экзаменам на квалификацию инженера.

После очередного амбициозного проекта, задуманного Джеффом, Даллас даже углубился в изучение приводов и микросхем. Идея заключалась в сооружении дополнительной пары механических рук. Гораздо удобнее управляться, например, с гироциклами и поедать при этом чипсы, имея дополнительные руки. А в драке железные конечности с тремя когтями оказались бы и вовсе незаменимы. Конечно же, дело не пошло дальше рисунка четырёхрукого человека, избивающего оппонента без дополнительного технического оснащения. Но у Далласа завертелись в голове идеи, он заинтересовался механикой, нашёл в центре досуга конструкторы, из которых мастерил машины и манипуляторы.

А Джефф тем временем увлёкся музыкой. Сходил на два занятия игры на синтаврах, забросил их, сказав, что этот ин-

струмент не способен воспроизвести настоящий звук. Раздобыл гитару, но при Далласе ни разу на ней не поиграл. Он даже сколотил рок-группу, но их деятельность ограничилась ролами с репетиций, от которых хотелось поскорее сдёрнуть микробудсы.

Не проходило ни дня, чтобы они не виделись. Гуляя по городу, Даллас выслушивал новые идеи Джеффа, порой опуская его с небес на землю, а иногда и развивая фантазию. Они мечтали поскорее вырасти и переехать в столицу. Им казалось, что только там жизнь кипит, а в их родном Орионе тухлое болото.

Когда Даллас поставил цель получить квалификацию инженера, он посещал множество курсов, времени на развлечения и друзей почти не оставалось. Джефф реагировал на недостаток внимания негативно. Он больше хвастался, рассказывал, что скоро уедет с рок-группой на гастроли по нескольким городам (это, конечно же, было неправдой). У него появились странные знакомые, про которых он только и говорил, когда старым друзьям всё-таки удавалось встретиться. К ним относились и шумные ребята, сидящие слева от Джеффа. Место одного из них и занял Даллас.

Игрок «Скорпионских жал» применил нечестный приём. Он выстрелил шайбой из специальной пушки, спрятанной под кожухом. Снаряд пронёсся мимо вратаря, пробил сетку ворот и воткнулся в борт, оставшись торчать там наполовину. Всё это попало на камеры. Снова и снова возмущённым

зрителям демонстрировался повтор этого трюка. Зал наполнился негодованием и свистом, на лёд полетели бутылки из-под «Копси», скомканные фанатские шапки и прочий мусор.

Робот, выступающий за домашнюю команду, подъехал к нарушителю правил и несильно толкнул его в грудь. Скорпионец ответил, наш двинул сильнее. Подъехали остальные механические участники «игры», и начался мордобой. С железным лязгом роботы мутузили друг друга, устраивая кучу малу. Порой, когда все андроиды валились на лёд, двое из них выезжали на свободные участки и демонстрировали акробатические номера – перекидывание соперника через голову, удар его шлемом об лёд, раскручивание оппонента за ноги с перебрасыванием за борт.

Зрители, а с ними и Джефф, повскакивали с мест, подбадривая бойцов. Они устроили оглушительный гвалт, ликуя после каждого мощного броска, выбивающего сноп ледяной крошки с поверхности. Игра с шайбой, похоже, закончилась.

Как по команде хоккеисты схватили клюшки и пустили их в ход, лязгая по корпусам соперников. Отброшенный в сторону вратарь команды гостей вдруг вскочил на ноги и продемонстрировал манипулятор со свисающим шипастым шаром на цепи. Он принялся махать оружием, разбивая корпуса «Орионских Смертоносцев». На льду чёрными пятнами растекалось масло.

Зрители хватались за голову. Казалось, они действительно верят, что происходящее на льду не постановка. Количество

прилетевшего на арену мусора превысило мыслимые пределы. Даллас с болью смотрел как роботы – чудо инженерной мысли, которые могли бы приносить пользу, уничтожаются жесточайшим образом на потеху толпе.

Когда казалось, что команда хозяев обречена, из-за борта выскочил капитан зелёно-красных с бензопилой вместо кисти. Он подкатился к машущему булавой роботу и последовательно отрубил тому обе руки и голову. Ведущий громкогласно объявил орионскую команду победителем. После нескольких приветственных жестов в сторону толпы роботы уехали, оставив лежать на грязном льду сломанных товарищей и недругов. И шоу закончилось.

Джефф со своей компанией, поедая «МакБургеры» в забегаловке, бурно обсуждали только что увиденные события. А Даллас думал, как меняются люди и их интересы. И задавался вопросом, что же он здесь делает.

Глава 6

– Не, таки низя – ядные, – Гуля выбросила из корзинки Далласа несколько грибов, оставив лишь самую малость.

Они ходили по поросшему редкими деревьями склону горы и искали съестное. Даллас хотел помочь женщинам в хлопотах, но пока Гулёнка насобираала два лукошка грибов и кореньев, ему попадались только поганки, да и те редко. Оставалось носить полные корзины следом за проворной подругой, слегка прихрамывая.

Гулёнка деловито заглядывала под каждый кустик и разрывала ногой кучки сухих иголок, напевая мелодии тоненьким голосом. Даллас прислушался, и с удивлением узнал мотив «С днём рожденья тебя...». Поразительно, но в таких мелочах пробивались проблески исторического наследия – сначала Старый с рассказами о терминаторах, теперь это.

Даллас вспомнил про свой день рождения. Проверил в смартлете дату и понял, что его юбилей прошёл вчера. Он так оторвался от цивилизации, что такое изобретение, как календарь, потеряло смысл. Убедился в этом, расспросив Гулю. Она действительно не знала, что такое день рождения, и не понимала, зачем его отмечать.

Слово за слово, речь зашла о календаре, часах, зачем они нужны, и как связаны с временами года, наступлением дня и ночи.

– Начё эт? Када темно – надоть спать. Када светло – искать поисть. А Старый кажет, када зима и пора вниз ийти. Он всё знат.

– А случись что со Старым, как вы без него? А договориться о встрече, или... – Даллас задумался. Для местных жителей время текло совсем иначе и имело другое значение.

– Мож и над, не то не знам када мужики придут, исть не спело иль стыло – орут. А вам тама чё, поди копать не над?

– Мы ходим на работу. Те, кто хочет. Я вот чинил... ммм... штуки, которые сами быстро едут. Возят нас.

– Кудай-то?

– На работу, например.

– Тиресна...

Они вышли к водопаду, который поил всю деревню. Гуля принялась мыть и чистить грибы, слушая рассказы о жизни наверху. Неожиданно небо озарилось яркой вспышкой. Даллас сперва подумал, не снимает ли его прилетевший из Ориона дрон. Но не успел он поднять голову, как раздался оглушительный взрыв. Грохот раскатился долгим эхом по горной гряде.

Даллас упал на землю, прикрываясь руками. Если здесь и летал дрон, то он что-нибудь взорвал. Но рядом послышался звонкий смех Гулёнки:

– Ты чёйта, Да-лас, спугался? Падём до хаты, ща дощь буйт.

Так глупо Даллас себя в жизни не чувствовал. Испугался

грома и молнии, рассказывая дикой девушке о гирокарах. Он, конечно, знал об этом явлении, но в тридэшках гроза выглядела иначе.

Когда в следующий раз вернулись шахтёры, Старый созвал всех жителей на совет. Мужчины, женщины и дети стояли вокруг костра, пока ведун говорил. Вышел из хижины и Даллас. Он впервые увидел всех обитателей деревни вместе. Как оказалось, включая детей, это чуть больше двадцати человек. И ни одного пожилого. Слабым нет места в этом мире. Старый не в счёт – он ещё довольно крепок и, если бы не выпавшие зубы и не голова с коротким ёжиком, его не назовёшь стариком. Ведун дождался, пока все соберутся и начал речь:

– Други мои! Вы все видали небось, щё сёня вода стала лёд, а шнег траву крыл. То бохи нам кажать хочут – вон пойшли ж нашей хаты! Бохи промеж собой шпорятя, ищё жалёт вода, а шнег удёт будь не был, но всё ж много бохов хочут нас вниз уйти. Потому много шнега нашлют, много лёда на наш путь, голодуху на коз и нас. Надоть итти, покаш могём. А бохи бу добры – бу лето, тады притти мож внажад.

Племя недовольно завздыхало и зароптало. Некоторые поглядывали на Далласа, возможно, рассчитывая выяснить, что боги имеют против людей на горе. Но он не знал. Точнее, догадывался, что зимой здесь станет довольно холодно, поэтому племя спускается к подножию, где наверняка теплее. Но тогда непонятно, почему они не живут там весь год.

Как же мало Даллас знал о мире! Да и не задумывался об этом. Он изучал азы географии в школе, но запомнил не так много. Сложно интересоваться сменой времён года, когда в городе под куполом всегда одна погода. Ему рассказывали, что после экологической катастрофы – насколько он помнил, извержения супервулкана – климат изменился, и люди поселились выше плотных слоёв атмосферы. Как выяснилось, не все.

Но если не всё так плохо и на поверхности можно жить, совершенно неясно, зачем устраивают эти лотереи с рождаемостью. С помощью современных технологий не трудно возродить цивилизацию на земле. Но данных пока мало. Надо ещё посмотреть, что происходит там, куда племя отправится на зимовку.

Каспар, демонстрируя лидерские качества, распределил обязанности. Женщинам досталась подготовка провизии, сена для коз, запаковка пожитков из хижин. Мужчин он скорее личным примером, чем приказом, привлёк к разбору лёгких жилищ. Жерди и полотно, составляющие стены и крышу, укладывали на землю и обвязывали верёвками.

Помогая в меру сил, Даллас отцеплял полотно от каркаса хижины. За работой он заговорил с Каспаром на свою большую тему:

– Племя уходит, а как же шахта? Я бы хотел туда попасть, проводишь меня?

Каспар помолчал, катая во рту какие-то камешки. Судя по

его лицу, ему не очень-то хотелось разговаривать с чужаком, да и вряд ли он легко понимал его речь. Но в итоге, не глядя на Далласа, ответил с плохо скрываемым раздражением:

– Ща вниз итти, патома копать. Ты тама не нужон. Лишний рот.

Даллас продолжил работу, отложив разговор. Но решил, что когда мужчины пойдут в шахту, он обязательно настоит, чтобы его взяли с собой.

Женщины собирали вещи, а Даллас подумал, что почти все его пожитки на нём. Один костыль он взял для опоры, второй оставил. Он уже давно ими не пользовался, а нога лишь иногда побаливала по ночам.

На удивление Старый и не думал собираться в дорогу. Он стоял в дверях своей хибары, глядя, как остальные готовятся к переходу, а дети путаются под ногами. Оказалось, что ведун остаётся разговаривать с богами, упрасывая их послать скорое лето.

Даллас спросил, как он будет выживать здесь один, без еды и топлива. Старый продемонстрировал внушительные запасы сухих веток, вяленого мяса и сушёных грибов. Одиночество его тоже не пугало – в тишине голоса богов слышно лучше. Особенно, если выпить отвар правильных грибов.

Похоже, Даллас лишился единственного интересного собеседника. Он попытался уговорить его спуститься, рассказывая о природе небесных объектов: о солнце, луне и звёздах. Вращается планета – наступает день и ночь. А из-за на-

клона оси меняются времена года. Но Старый не понимал его. Он посмеялся, услышав, что земля круглая, ведь в его понимании горы, люди и деревья скатились бы с неё. Гигантские шары в пустом пространстве – глупости, ведь он сам видел лица богов и глаза дедов. А сколько раз беседы с небожителями помогали Старому врачевать и предсказывать погоду!

Будь у них больше времени, Даллас объяснил бы дремучему ведуну и про гравитацию, и про термоядерные реакции звёзд, и о суеверном поведении. Как те голуби в эксперименте, которые ждали пищу и повторяли движения, думая, что это на что-то влияет. Но уже пора уходить. Да и нет смысла объяснять, если скоро житель «небесного блюда» вернётся обратно.

– Ты звиняй щё ногу резал те. Думал мёртвый ты шовшем, а глядь – кровь текёт, ну я стал мужиков жвать, да ты тащить и жикой мазать.

Так вот откуда шрам поперёк ноги! Даллас едва не оказался в меню племени. Но всё-таки Старый его спас и выходил. Даллас ответил, поборов спорные чувства:

– Спасибо тебе. Мне будет не хватать твоих историй.

– Знаш, я сёня видал чудной шон. Мног людей – сыты, одеты, чисты. Хибары мастили друг на дружку, щё гора вышла полна щеловек, – Старый усмехнулся голыми дёснами. – Боль жабыли, шмерть жабыли, дедов жабыли, тока шмарели казки, как у ты из руки. И ведуна не над.

Полная гора человек – похоже на многоэтажку. Старый откуда-то знал, как живут люди в городах. Возможно, из его многочисленных историй про богов, или додумал сам.

Даллас вспомнил, какой сон приснился этой ночью ему. Будто бы у Лизы от него родился ребёнок-уродец с распухшей головой. Он чувствовал отвращение и ненависть к своему сыну, хотел выбросить его из окна, но понимал, что так поступать нельзя. Один из тех снов, когда радуешься, что это лишь игра воображения. Такие глупости точно не стоит рассказывать Старому, надолго прощаясь с ним.

Удивительно, но через два-три часа вся деревня оказалась разобрана, детали хижин аккуратно уложены на землю, чтобы не уносило ветром, а добро погружено в плетёные корзины. Их соплеменники закинули за спины, просунув руки в специальные лямки. Тюки с сеном перевязали бечевой, некоторые женщины водрузили их на головы. Все были готовы к походу. Осталось только попрощаться со Старым, который пообещал навестить их, когда «шнег будет уйти». Ведун ещё долго стоял на дороге, глядя вслед уходящим соплеменникам.

В пути Даллас отобрал у Гулёнки корзину, хотя та не поняла, зачем он это делает. Ноша не слишком оттягивала плечи, но худенькой девушке и этого было много. Они шли и шли по узким тропинкам до наступления темноты. Тогда, выйдя на небольшую полянку среди скал, мужчины сняли с себя корзины, и стали разводить огонь, чиркая камнями.

Скудный ужин, сон на неудобных котомках и вязанках сена, но после такого утомительного дня и это за благо.

Как только крошечная тьма сменилась сумрачным утром, племя вновь двинулось в путь. Дул ледяной ветер, но Далласу оставалось только кутаться в тряпье и вспоминать о скафандре с обогревателем. Бедная Гулёнка часто подносила руки ко рту, дышала на них, разминала пальцы. Не лучше было и остальным соплеменникам. Сонные дети жались к матерям, жалобно хныкая, а те могли разве что покрикивать на них, заставляя шагать по кривой и опасной тропинке.

Только Вурху всё нипочём. Он то забегал далеко вперёд, разведывая дорогу, то носился вслед за козами и сбивал их в кучку, чтобы не задерживались над пучками пожухлой травы.

Белёсый туман всё приближался. Он казался плотным, как йогурт, но находился в движении. Мгла медленно перемещивалась и клубилась, если смотреть вдаль. Но вблизи будто застывала и недвижимой серой массой обхватывала торчащие из неё скалы. Племя шло долго, и казалось, что вот-вот пелена серых облаков подберётся к их ногам, но этого всё не происходило.

В какой-то момент горы вдалеке заволокло дымкой. Затем пропал из вида Вурх, убежавший на разведку. Идущие впереди мужчины тоже терялись в тумане. Когда стало сложно различать дорогу, они остановились, достали верёвки, и привязали их к своим поясам, образовав живую цепочку. Жен-

щины, увидев это, разбились на группы, привязав детей к себе, а себя друг к другу. Гулёнка, обхватила верёвкой талию прихрамывающего Далласа. Так он оказался связан с ней, её матерью и ещё одной женщиной. Умный ход – если кто-то в тумане оступится и упадёт, остальные не дадут ему скатиться со склона.

Так брели они по мокрым и скользким валунам ещё несколько часов, стараясь ставить ноги аккуратнее. Туман оседал на коже липкой плёнкой. Одежда потяжелела, плотный воздух с трудом проникал в лёгкие. Все молча шли дальше, дожидаясь, когда же, наконец, закончится эта сложная часть пути.

Громкий стук отскочившего камня вывел всех из оцепенения. Булыжник упал совсем рядом. Ударившись о скалу, он бесшумно улетел в пропасть. Пока все смотрели в то место, рядом упал ещё один камень. И ещё один. Громко вскрикнула и запричитала женщина – её ударило по руке. Это явно не камнепад – скорее булыжники бросают из засады.

Похоже, кидали на звук. В таком тумане горстку людей и коз не различить. Даллас вглядывался туда, откуда прилетали камни, но заметил лишь смутный силуэт на утёсе. Он стащил со спины корзину и высыпал содержимое. Затем схватил Гулю за руку, и потянул к скале. Там он заставил её присесть, водрузив на голову котомку. И вовремя – запущенный камень лишь со слабым звуком чиркнул по плетёным прутьям, и отскочил на землю. Женщины рядом с ними догада-

лись поступить так же, укрывая себя и детей поклажей и тюками сена.

Небольшая площадка, на которой оказались путники, отлично подходила для засады. Отвесная скала с одной стороны, обрыв с другой. Узкая тропка, откуда они пришли, нагромождение валунов впереди. С детьми и женщинами не убежать из-под обстрела.

Малыши верещали от страха, раненая баюкала руку и стонала, но камни отскакивали от корзин, не принося им вреда.

Мужчины, похоже, зная, что одним камнеметателем сверху дело не ограничится, готовились к обороне. Они вытряхнули из корзин пожитки, превратив их в щиты. Кто-то вооружился ножом, кто-то перевернул заострённый посох, выставив его на манер копья. Даллас отвязал себя от Гулёнки и взял в руку один из брошенных камней. До проклятого метателя добросить не получится, скорее снаряд прилетит обратно в своих. Как не вовремя убежал Вурх.

Со стороны каменного завала раздались крики и угрозы, затем полетели булыжники. Хорошо, что мужчины подготовились. Выставив корзины, они принимали удары на себя. Шахтёры начали громко смеяться и дразнить нападавших, обзывая их обидными прозвищами. И спустя минуту, Даллас понял зачем – обозлённые атакующие перестали закидывать путников камнями и с рёвом бросились в рукопашный бой.

Каспар и его соплеменники с криком ринулись на врага, смещая битву подальше от беззащитных детей и женщин.

Даллас, немного поборовшись с Гулёнкой, которая вцепилась в его одежду, побежал за ними, припадая на левую ногу. Но стоило ему отдалиться на несколько шагов, как сверху раздался громоподобный лай, переходящий в рык, заглушённый душераздирающим воплем. Секунда – и перед Далласом с хрустом шлёпнулся человек и остался лежать в неестественной позе. Камнеметатель получил своё.

Шахтёры сражались с горсткой бандитов. На сцены из экшн-тридэшек это не походило: воины били наотмашь, стараясь попасть по врагу, но больше прикрывались щитами. Благо, нападавшие тоже тактикой и умениями не отличались – скакали вокруг защитников, бестолково размахивая дубинами и крича. Их оттесняли назад.

Даллас снял с себя сплетённый Гулей поясок – прочный, плотный, в два пальца толщиной. Он сделал петлю из бахромы с одного конца пояса и продел в неё средний палец. Узелок на втором конце зажал большим и указательным. Получилась праща – древнейшее оружие. Он положил на сгиб ремня камень и метнул в бандита, который прятался в тумане и обходил площадку, чтобы напасть с незащищённой стороны. Снаряд прилетел варвару в голень, но силы броска хватило – он упал на землю и схватился за ногу. Даллас и сам не поверил, что запустил снаряд с такой мощью, да ещё и попал в цель. Центробежная сила пришла на помощь. Всё-таки курсы физики он проходил не зря.

Одному из атакующих удалось свалить с ног Каспара. Тот

выронил посох и защищался корзиной от ударов дубины, которой дикарь орудовал, навалившись сверху. Решив помочь соплеменнику, Даллас раскрутил и швырнул ещё один камень. Но на этот раз бросок вышел бестолковым – булыжник пролетел намного выше. Рычащий противник ничего не заметил и продолжил молотить Каспара.

Тогда Даллас, не дожидаясь, пока соплеменнику разобьют череп, подбежал ближе. Он схватил валявшийся рядом посох и огрел врага по спине. Этот удар уже не остался без внимания. Дикарь поднял косматую голову, оскалил гнилые зубы и бросился на обидчика.

Даллас встретил атакующего тычком посоха в плечо. Но варвар лишь выронил дубину и не остановился. Он сбил Далласа с ног, подполз к нему, навалился всем весом и сжал горло. Стоило нащупать камень рядом или хотя бы воткнуть палец в глаз, чтобы костлявые руки разжались, но рациональное мышление осталось за скобками поединка. Ладонь упёрлась в челюсть душителя, не причиняя тому проблем. Другая рука безуспешно пыталась отнять пальцы бандита от горла. В глазах потемнело.

Неожиданно враг ослабил хватку и повалился набок. Над Далласом стоял Каспар с дубиной в руке. Он убедился, что «бох» будет в порядке, когда откашляется, и поспешил на подмогу товарищам.

Но битва уже закачивалась. Бесшумной мохнатой машиной Вурх промелькнул мимо. Свалил одного противника с

ног, разодрал ему глотку. Ещё одного врага несколько мужчин из племени оттеснили к краю обрыва и тыкали копьями, пока тот не остутился и не полетел вниз. Последний бандит лежал на земле без движения, зажав раны на животе. Он был мёртв.

Женщину, пострадавшую от камня, успокаивали и перевязывали. Каспар осмотрел раны соплеменников, затем ушёл проверять поверженных врагов. Даллас, сидя на земле, услышал стон. Недавно душивший его человек пошевелился. Он выжил, но удар по голове ему явно дался нелегко. Из уха текла кровь, шумное дыхание прерывалось.

Подошёл Каспар и помог подняться Далласу. Затем он заметил, что враг не добит и попросил у соплеменника нож.

– Подожди, Каспар, не надо! – прохрипел Даллас.

Но Каспар решительно и быстро воткнул клинок в грудь поверженному сопернику, отчего тот лишь дёрнулся и затих. Вытирая нож о его лохмотья, Каспар повернулся к Далласу:

– Пусть ево идёт к дедам. Грят, тама мног чё исть, а тут не. Ишь, напади на люд, да отыми коз. Пасиб кажет, када свидимся.

Обращаясь к соплеменникам, Каспар крикнул:

– Палите огонь, други! Жрать нам сёня до пуза!

Глава 7

Переход завершился на третий день пути. Тяжёлый туман рассеялся вскоре после того, как племя покинуло место битвы и продолжило спуск с горы. Даллас надеялся, что с исчезновением удушливой мглы дышать станет легче, но тошнотворная вонь ударила в нос ещё раньше, чем открылся вид на земли у подножия.

Мир, укутанный серым туманом, находился в постоянном сумраке. Далласу показалось, что наступила ночь, но судя по смартлету, до вечера было ещё далеко. Его соплеменники, привычные к темноте, ловко ступали по камням. Они воодушевились близким концом пути, вчерашней победой над грабителями и сытным обедом. Далласа не радовали эти события. Перед глазами стоял умирающий дикарь, добываемый Каспаром. Есть человечину он, естественно, отказался, пожевал лишь сухие корешки. Перспектива застрять в этом мрачном и вонючем месте счастья не добавляла. Но выбора пока не было, и он ковылял дальше.

У подножия горы приютились убогие домики. Построенные из разномастных веток, кусков ткани и шкур, они отличались от шалашей лишь деревянными опорами. Похоже, что строили их не для защиты от ветра, как те хибары наверху. Холод тоже не мешал – Даллас снял накидку и остался в привычном комбинезоне. Крыши прикрывали от дождя, а

большого и не требовалось. В некоторых домах не хватало одной-двух стен, не говоря уже о дверях.

Навстречу путникам вышли люди – они побросали дела около хижин и собрались там, где кончалась горная тропа. На вид они мало чем отличались от племени, куда попал Даллас, только лохмотьев на них болталось поменьше. По их щербатым улыбкам и поднятым ладоням стало понятно, что они рады появлению Каспара и компании. Да и те выкрикивали имена и бежали навстречу, чтобы поскорее заключить друзей в объятия.

Пока Даллас медленно спускался, оберегая больную ногу, мужчины делились рассказами о битве с грабителями, а их старые друзья хохотали и одобрительно хлопали победителей по спинам. Но вот один представитель племени увидел Далласа, и уставился на него, за ним и другие. Веселье сменилось напряжением и настороженностью. Разрядил обстановку Каспар. Он подошёл к Далласу, приобнял его за плечи и громко сказал:

– Эта друх нашенький, звать Да-лас. Жить тут с нами бу.

Незнакомые люди одобрительно загудели. Они пробовали на вкус необычное слово, затем по очереди называли свои имена, которые Даллас, конечно же, не запомнил. Каждый прибавил фразу:

– Друх маво друха – то мой друх.

Даллас глупо улыбался и кивал, гадая, надо ли каждый раз повторять эти слова за ними.

Расшаркивания прервало появление ещё двоих человек. Они выглядели не как остальные – кожа бледнее, одеты иначе. Один повыше и покрепче, а второй полноват. Его голый живот торчал над повязкой, закрывающей бёдра до колен. Похожую одежду носил и его спутник. На головах обоих возвышались шапки, а точнее, повязки из ткани. В памяти Далласа всплыло слово «чалма».

Жители племени притихли при виде чужаков. В их поникших взглядах читалась ненависть, забитая страхом. Они молча расступились, освобождая путь прямо к Далласу и Каспару.

Тот, что полнее, шёл немного впереди. Заговорил тоже он: – Долог путь Каспар. И как чудо, что мы тут идти. Рад поди, что мы рогуль сейчас забрать и ты их не корми? – чужак говорил противным высоким голосом, то и дело мелко хихикая. Его спутник угрюмо молчал.

– Ты есть кто? Где одёжа такой братъ? – обратился чужак к Далласу.

– Я прийти из другой племя, – житель сверхсовременного мегаполиса попытался исковеркать язык, понимая, что не стоит всем подряд говорить откуда он. – Далеко идти, много гор. Пока тут жить, потом уйти вназад.

– Какой-такой другой племя? Свены иль Троды? Та мне хоть Врелы, раз тут жить, то вы больше дань давай, – сказал он, глядя на остальных.

Новые знакомые Далласа принесли козьи шкуры, сушё-

ные грибы и другие припасы. Внимательно осмотрев дары и откинув что похуже, человек в чалме недовольно воскликнул:

– Мало. Рогули свои не прятать. Ведь сюда!

– Напали на нас хады позатот год, вы не помогли, – хмуро сказал Каспар в ответ. – Мало мужик нас стало. И коз нет, на нам банды напади, козы убежи в гора. Тот год много коз наищу и те дай, я слово казал.

Козы и вправду разбежались, когда в горах началась заварушка. Одна из них вернулась, но женщины припрятали животное от сборщиков подати.

– Ты знай закон: не мочь плати – будь раб, – не унимался чужак. – Кто мы забирай, – глянул он на мускулистого спутника. – Муж ли баба?

Пока второй чесал затылок, решая сложную задачу, из одной хижины послышалось тонкое бляение козы.

– О, рогуля найдись! – воскликнул наглый болтун. – А ты мне врать, Каспар? Ведь сюда! – приказал он напарнику, – Да всё бойди, всех рогуль ищай!

Здоровяк прошёлся по хижинам, но нашёл лишь одну козу. Он грубо волок её за рога, а та упиралась всеми копытами, жалобно бляя.

– Не иди сама рогуля? Ну мы мочь неси, – с этими словами пузатый поднял с земли булыжник, и с размаху ударил козу в лоб. Женщины вскрикнули, дети заплакали, а второй сборщик взвалил ещё дёргающее ногами животное на шею,

мерзко улыбаясь.

На прощание противный гость напомнил Каспару, что данное им слово придётся сдержать и заплатить больше дани в следующем году. А за обман с козой, так и быть, зла не держит.

Когда чужаки ушли, помрачневшее племя занялось распаковкой поклажи и обустройством хижин. Даллас, как всегда, не знал, куда приткнуться, и всем мешался под ногами. К счастью, подошла Гулёнка, и повела его за пределы деревни, обещая показать некое тайное место.

Наступил вечер, и Даллас только сейчас понял, что такое по-настоящему темно. Он подсвечивал себе путь слабым фонариком смартлета, но Гуля бесстрашно шла вперёд по хорошо знакомой ей тропе. Она постоянно останавливалась, чтобы Даллас не отстал.

Вскоре они вышли на поляну, окружённую умершими деревьями. Некоторые стволы упали, но многие остались стоять, напоминая, что когда-то здесь рос многовековой лес.

Даллас заметил странные синие огоньки, которые переливались повсюду под ногами: по упавшим стволам, по земле, по его обуви.

– Что это?! – испугавшись, воскликнул он.

– Бубуки! – радостно воскликнула Гуля, наклонилась и подняла один из огоньков.

Смартлет осветил на её ладони жука размером с половину пальца. Даллас видел разных насекомых в тридэшках, но не

ожидал, что они выглядят именно так – неуклюже копошащийся комочек. А Гулёнка взяла эту «бубуку» двумя пальцами, да и отправила в рот!

Она звонко рассмеялась, заметив, как скривился Даллас. Заявила: «кусна!» и принялась хрустеть насекомыми, обрывая им ножки. Что ж, по крайней мере, это не человечина.

Даллас поймал одного жука и рассматривал, как он мерцает синими переливами. Так увлёкся этим занятием, что слишком поздно услышал шорох за спиной. В следующее мгновение затылок взорвался болью, а вспыхнувшие перед глазами звёзды сменились полной темнотой.

* * *

Пыльный мешок мешал дышать, будто бы тяжёлый здешний воздух доставлял недостаточно неудобств. Руки за спиной онемели от впившейся грубой верёвки. Даллас переставлял ноги наугад по бугристой дороге, полной ямок с водой. Сначала его несли, перекинув через плечо. Но когда он очнулся и попытался вырваться, его поставили на ноги и парой пинков принудили шагать самого. Больше всего Далласа беспокоило, что он не слышал Гулёнки. Она не отзывалась на его крики. Зато отзывался провожатый, тыкая в рёбра палкой. Тем же способом он задавал направление. Удар по плечу – шагни в сторону, тычок в лопатку – повернись.

Чувство времени никуда не годится, когда на голове мешок, а вокруг постоянный сумрак. Иногда казалось, что прошло лишь несколько часов, иногда, что его ведут уже

несколько дней. Путь проходил в молчании. На вопросы слышались только грубые угрозы, да порой прилетали удары. Судя по голосу и звукам шагов, Далласа вёл один человек. Хорошо бы сбежать, но мешок на голове полностью лишил ориентации, а руки связаны так, что не дотянуться до смарт-лета. Ни напугать дикаря вспышкой света, ни включить навигацию.

Похитителя не смущала хромота Далласа. Если он падал, в ход шла палка. В какой-то момент он запнулся и повалился лицом в грязь. Не нашёл сил подняться, даже не сразу почувствовал яростные пинки. Тогда провожатый пробурчал несколько ругательств и устроил привал. Он приподнял мешок и влил в рот Далласу пару глотков кислого пойла с противным привкусом. Возникли мысли про отраву, но жидкость он всё же не выплюнул – давно мучили голод и жажда. Да и нет смысла травить, когда можно просто зарезать. Едой негодяй не поделился, хотя сам громко чавкал и булькал бурдюком. Голодному Далласу оставалось лишь провалиться в сон.

Ещё через несколько часов мучительного пути его бросили в грязь и оставили в покое. Теперь вокруг переговаривалось множество мужчин, но таким исковерканным языком, что получалось различать только отдельные слова. Даллас хотел отползти в сторонку и спрятаться в надежде, что о нём забудут, но не находил сил двинуть хоть одним мускулом.

Кто-то усадил Далласа, снял мешок. Свет факела болью резанул глаза. Цепкой рукой неприятно схватили за подбородок, заставили открыть рот, надавив на щёки.

– Зубья целы, но сам хилак, – заговорил тот, кто осматривал. – Смари, еле жив.

Далласа пихнули ногой, и он повалился навзничь. В губы ткнулось горлышко бурдюка, и он чуть не захлебнулся от жидкости с резким вкусом.

– Плохой раб ты вести. Одну курку дам.

– То не раб, то людь неба, – угрюмым голосом ответил провожатый Далласа. – Глянь одёвку.

Комбинезон Далласа видал и лучшие времена. Он пропитался грязью, пах соответствующе, но приземистый толстячок с сальными волосами и нелепыми висящими усами осматривал одежду внимательно, проверяя каждую складку. Сперва он недовольно бормотал, что такое легко найти у торгашей, но, когда нащупал смартлет, изменился в лице.

– Жидай здесь, – сказал он и скрылся в доме.

От выпитой гадости усталость и боль немного отступили. Даллас сел и осмотрелся. Вокруг горели костры, между разбросанных тут и там шалашей сновали люди в лохмотьях. Но некоторые носили накидки, повязки и плащи из ярких тканей. Такие люди жили в хижинах посерьёзнее – построенных из дерева. Возле одного из таких домов и сидел Даллас.

Дверь отворилась, из неё вывалился толстяк и попятился задом. За ним, изрыгая ругательства, вышел мускулистый

мужчина. Он был одет в пёструю набедренную повязку. На груди висели не то украшения, не то амулеты. Они звякнули, когда он наподдал ногой коротышке, попав в мягкую часть. Тот взвизгнул и бросился развязывать Далласа. Провожатый при виде этой сцены счёл за лучшее бесшумно исчезнуть.

– Простить молю тех болван, – мужчина замахнулся на усатого толстячка мощной рукой с широким браслетом, отчего тот вздрогнул и униженно забормотал извинения. – Те есть не знай, кто ведут. Но Бос поняй всё. Он хотеть ты говорить. Быть гость его дом, едь его еда.

Мускулистый освободитель немного склонился и указал двумя руками на дверь. Но Даллас, потирая опухшие запястья, не спешил войти в дом:

– Когда приглашают в гости, не надевают мешок на голову, и не тычут палками. Со мной была девушка, где она? Пока я её не увижу, не буду ни с кем говорить.

– Те два ведь сюда, ну! – прорычал силач коротышке. Тот поспешно убежал, пригибая голову. – Дев брать в дом жён, там она. Босу жена быть. Не моги я у Бос её отнять. Но Бос свой гость подари жена.

– Ну что ж, пойдём, спросим твоего босса, – невероятно уставший, но нашедший силы на злость, Даллас зашёл в хижину, сжимая кулаки.

В помещении плясали тени от множества свечей. Два воина с кинжалами в руках застыли у стен. В центре стоял невысокий стол, заставленный разной снедью. От запаха рот

Далласа сразу наполнился слюной. У стола сидел молодой черноволосый парень. Он улыбнулся и помахал рукой в знак приветствия.

Даллас оглядел вождя. Совсем юнец – лет на десять меньше него. Тем не менее, провожатый с большим почтением указал на главаря и сказал:

– Бос рад видеть люди с город неба. Много зим и лет мы не говорить и не видеть вы. Тогда быть над нам Титор Злой, тьфу на имя то! – он в самом деле сплюнул на пол, утёр рот и продолжил, – Он бить дети чужих жён, но мам Боса его скрыть, а чтоб Бос не выть, лить в рот ему вода ядных ям. Нет голос у Бос, но есть вум. Он поднять люд наш убить Титор и стражей его. Бос не хотеть быть место Титор, но люд молить о том.

Бос махнул рукой, прерывая рассказ, и указал Далласу на подстилку возле стола. Но, прежде чем он сел, дверь открылась, и толстяк затащил за руки двоих в чалмах. Мелко кланяясь, он объявил:

– Вот те два, кто украсть и бить человек неба. Я найти их для великий Бос!

Толстяк дождался одобрительного кивка и вышел, пятясь задом. Как он удачно забыл, что несколько минут тому сам бросил небожителя в грязь и осматривал его, как козу перед покупкой. В приведённых Даллас сразу узнал сборщиков дани. Так вот кто его похитил! Они упали на колени перед повелителем, слёзно умоляя о пощаде. В визгливой речи бол-

туна повторялись слова «чужак» и «дар», из чего стало ясно, почему они решили выследить и напасть.

Выслушав провинившихся, Бос отрицательно помотал головой, затем сделал знак охранникам. Безучастные до того воины, схватили причитающих и жалких сборщиков (где те два надменных наглеца, убивающих последнюю козу?) и поволокли наружу. Они взвыли ещё отчаяннее, цепляясь за проём двери, но повелитель не изменил своего решения.

Глава -4

Солнце ласкало кожу, испаряя капельки воды. Друзья отдыхали в шезлонгах у бассейна после очередного заплыва. На этот раз быстрее оказался Даллас, но Джефф никогда так просто не сдавался. Он не соглашался уйти, пока не приплывёт к дальнему бортику первым. Даллас даже иногда незаметно поддавался. Порой хотелось завершить соревнование сильнее, чем остаться в статусе победителя.

Продолжая разговор, прерванный заплывом, Джефф сказал:

– Не знаю, что ты нашёл в этих престарелых тётках. Они выглядели как хулиганки, а вели себя как мужики. Постоянно дрались, стреляли, раскидывали толпы врагов. Разве такой должна быть девушка? Это хрупкое создание, нежный цветок, который надо лелеять. Вот как Карла...

– Такова была эпоха, – ответил Даллас. – Тридэшки того времени пропагандировали феминизм, показывали, что женщины ничем не хуже мужчин. До этого актрисы служили лишь декорацией. Они попадали в беду, мускулистый герой их спасал, победив злодея, а хрупкая леди награждала его любовью. Потом эта схема приелась, а общество поменялось. Посчитали, что ущемлены права чернокожих, толстух и геев, что отразилось на кино. Тогда же их не называли тридэшками, да и не были они трёхмерными, если только псевдо.

– Знаю-знаю, – отмахнулся Джефф. – Но это же глупо – приравнять женщину к мужчине по физическим показателям. Природа определила, что самцы крупнее, сильнее, храбрее. Это помогало выживать в пещерах и охотиться на мамонтов.

– Да, но согласишься, что иногда сильные женщины оказывались весьма сексуальными: Лара Крофт, Сара Коннор, Чудо-женщина, Чёрная вдова... Хотя, если эти образы создавали с целью возбудить мужчин, то это и есть сексизм. Кстати, тогда эти актрисы не были престарелыми!

– Да ладно уж, – засмеялся Джефф, – Просто признайся, что ты – геронтофил!

Остатки «Копси» со льдом выплеснулись на шутника, отчего тот взвизгнул и скинул Далласа с шезлонга прямо в бассейн.

Уже в сумерках они шли домой, поедая ледяной кофе. Помимо кинематографа прежних веков, разговор шёл и о явлениях эпохи новой. Тренды сменялись с ошеломительной скоростью. Вчера весь город обсуждал скандальный рол певицы Синтаны, сегодня забыл его напрочь, судача о тизере концерта с голограммами суперзвёзд XX века. Завтра выйдет новая тридэшка с Джеки Чаном в главной роли (точнее, его компьютерной модели), все примутся смаковать это событие.

– Помнишь Стэна Буковски? – спросил Даллас.

– Буковски, Буковски... А! Тот толстяк, которого уничто-

жил Большоголов? Он так смешно лепетал о каких-то бредовых теориях, а потом убежал из зала, – Джефф хихикнул, вспоминая. – А чего это ты его вспомнил?

– Я смотрел его роли ещё до того, как он пошёл на «Шоу Большой Головы». Его теории не такой уж и бред. Помнишь, о чём они?

– Что-то там про... не помню. Да и какая разница? Просто смешной толстяк.

– Он спрашивал, почему среди нас нет азиатов. И как вышло, что из четырнадцати миллиардов, живущих на земле, только пара десятков миллионов людей оказались на воздушных городах. Они, к слову, строились китайскими рабочими. Как и заводы, штампующие всё нужное для жизни. Вот почему на всех этикетках иероглифы.

– Четырнадцать миллиардов? – Джефф полез в смартфон проверить информацию. – Наверняка речь о миллионах, ты путаешь... А, нет, действительно. Четырнадцать миллиардов перед началом извержений. Значит, остальные не выжили. Китайцы не догадались сделать город и для себя.

– А тебе не кажется странным, что часть людей заранее создали воздушные города, переселились на них? И после этого весьма кстати случились извержения, похоронившие всех остальных?

– Даллас, ты-то хоть не выдумывай. Ты же не хочешь сказать, что первые жители городов устроили катастрофу?

– Не обязательно, – сказал Даллас. – Стэн Буковски пред-

положил, что катастрофа не была столь уж внезапной, как нам втолковывают. Возможно, какие-то предпосылки заставили наших предков сконструировать летающие города. Наверное, не все страны работали над такими проектами.

Джефф согласился, а Даллас продолжил:

– Но насколько я понимаю, супервулкан не взрывается настолько постепенно, чтобы люди спроектировали, построили и испытали целые города, висящие в стратосфере. На это ушло несколько лет! Ты представляешь, сколько инженерных решений понадобилось для такого? Газовая подушка, купол с защитой и от холода, и от солнечной радиации, да и ресурсы с поверхности нам всё ещё нужны, как бы не призывали нас перерабатывать отходы.

Джефф задумался, что с ним случилось нечасто:

– Если не вулканы беспокоили предков, то что?

– Сложно сказать. Война? Но сбить небесный город несложно. Их не строили бы для защиты от ракет или чем они там воевали. Если только после войны. Возможно, часть земли оказалась загрязнена ядерными взрывами, на других территориях не хватало ресурсов...

– Тогда бы и нам сейчас не хватало ресурсов, – перебил Джефф.

– Ты прав, это ничего не объясняет, – сказал Даллас. – Случись в мире столько взрывов, радиоактивные облака из сажи и пыли перекрыли бы доступ солнечному свету, и люди погибли от голода куда быстрее, чем построили эти города.

– Одно ясно: что-то нам недоговаривают, – заключил Джефф.

– Или мы параноики, да к тому же плохо слушали курс истории. Может, извержение супервулкана предсказали, как и его последствия? Единственным безопасным местом оказались верхние слои атмосферы. Но ты представь, множество людей погибло. Разве они не знали, что надвигается? Огромные города строили тайно, да ещё с привлечением иностранных рабочих и техники...

– О, я знаю! – воскликнул Джефф, – Они наняли китайцев строить города на поверхности, пока под землёй тайно готовилась газовая подушка. В последний момент баллоны раздувались, платформы поднимались вместе с теми, у кого оказался счастливый билет. В самом деле, нельзя же поднять абсолютно всех жителей планеты! Ресурсов и времени не хватило бы.

– Это да, но мне интересно, как определялось, кто будет жить, а кто обречён. «Смартик» не выдаёт ничего толкового. Да и спросить некого. Наш ментор по истории наверняка уже на Южном Кресте.

Беспечный Джефф не терял духа:

– Но разве теперь это имеет значение? Именно наши предки оказались спасены, а это главное. Пусть лучше мы, а не другие люди. Я так думаю. Эй! А не глянуть ли нам новую тридэшку? Что-то там про инопланетных захватчиков со Шварцем в главной роли. Закажем хрустяшек.

Они отправились к Джеффу – его триектор выдавал картинку побольше. Казалось, что вместо стен и потолка комнаты теперь интерьеры космического корабля, межзвёздные пространства и джунгли неизвестной планеты.

Сюжет, правда, хромал на обе ноги: Инопланетяне захватили исследовательский корабль, на котором находилась симпатичная девушка-исследователь (почему-то одна). Перед похищением она успела отправить сигнал на землю, и мускулистый учёный, по совместительству её любовник, отправился на выручку. В конце почти осязаемый и совершенно натуральный Арнольд, победив всех, поцеловал девушку и произнёс с фирменным акцентом: «I'll be back!»

Но Даллас не следил за набором штампов и забыл о хрустящих закусках, позволив Джеффу доесть всё подчистую. Он всё думал о людях, которые построили города и улетели в небо, оставляя землю погибать. Землю и почти четырнадцать миллиардов человек вместе с ней.

Глава 8

– Завтра утро мы с Бос ходить деревня баб, – мускулистый приспешник вожака отвёл Далласа к столу, заставленному разнообразными кушаньями. – Тама видеть ты свой баба весел, умыт, поет. И ты поедь еда, Бос хотеть ты говорить, я его понимать.

Что ж, если они утверждают, что с Гулёнкой всё в порядке, то можно и подождать до завтра. А если упираться и настаивать, кто знает, как изменится отношение к «человеку неба».

Даллас сел за стол, надеясь, что хоть в этом племени не заведено людоедство. Он заметил куриную тушку, очень похожую на продукт фастфуда. Только в его мире это была имитация из выращенного в инкубаторе мяса. Рядом стояли блюда с жареной рыбой и мелкими животными. Но большую часть стола занимали грибы. Разные виды, по-разному приготовленные – вполне привычная пища для цивилизованного человека.

Бос подал знак, и его помощник поднёс Далласу тушку зверька на палочке:

– Пробуй шиш-крыс, утро раб свеж ловить.

После пережитых мучений и существования впроголодь Даллас обрадовался и этому. Он жевал жестковатое мясо, заедая грибами, пока сотрапезник нахваливал блюда, раскла-

дывая их по тарелкам и наливая всю ту же кислую жидкость по кружкам.

Во время трапезы Бос при помощи жестов, которые прекрасно понимал его переводчик, назвавший себя Арет, расспрашивал Далласа откуда он, как попал сюда, и почему люди неба давно не спускались.

Этот вопрос волновал самого Далласа даже больше, чем Боса. Он узнал, что раньше небожители снабжали племя едой, лечили больных, учили строить жилища, очищать воду. Правда, потом Титор («тьфу на имя то!» – не забывал прибавлять Арет каждый раз, упоминая прежнего главаря) на правах вождя стал забирать все дары и раздавать их среди верных людей. Это из-за него небожители прекратили визиты. Бос надеялся, что Даллас восстановит контакт, но для этого ещё нужно как-то вернуться.

Казалось, насытиться до конца не получится никогда, но в один момент Даллас понял, что переел. Живот отяжелел, дышать стало трудно. То ли от недавнего удара, то ли от усталости закружилась голова. Стало клонить в сон. Он не мог сосредоточиться на одной мысли, сознание путалось.

Окончания трапезы Даллас не помнил. Он проснулся на лежаке неподалёку от стола с недоеденной куриной ножкой в руке. Удивительно, что его так сморило. Чувствуя горечь во рту и тяжесть в голове, он поспешил на свежий воздух с определённой целью. Но накануне не разузнал, где туалет, а сейчас не хотел об этом расспрашивать незнакомых людей,

которые ходили по улице и с интересом оглядывали чужака.

На счастье, к хижине подошёл Бос в окружении охранников, Арета и вчерашнего толстячка с глупыми усами. Не успел Даллас открыть рта, как Бос жестами позвал за собой. Он завёл его за дом. Внутри среди камней тёк ручей, а над ним стояла деревянная будка – место для уединения. Удобно: проточная вода уносит с собой неприятные запахи.

Путь в женскую деревню оказался недолгим. Вдоль тропы простирались болота, откуда доносилось кваканье лягушек. Даллас, Бос и их сопровождающие прошли мимо поля, на котором работало несколько человек. Они рыли палками землю в поисках грибов, выкапывали их и клали в сумку. Хотелось спросить Боса об этом, но немота главаря не настаивала на беседе.

Показались домики и забор – «деревня баб». У ворот с факелами стояли стражники. Присмотревшись, Даллас понял, что это не мужчины. Только слабым полom этих женщин не назвать – мощные бицепсы, широкие плечи. Завидев Боса, они склонились в приветствии, но тот больше по-дружески похлопал их по плечам. Видно, его подход к правлению отличался от того, к чему они привыкли.

Деревня представляла из себя небольшой двор, несколько маленьких деревянных домов и крупный сарай. Навстречу выходили женщины, бросая дела. Большинство из них выглядело потрёпанно, далеко не все были молоды. Многих портил лишний вес. Складки на боках лишь слегка прикры-

вались одеждой. Некоторые держали на руках младенцев. Рядом бегали дети постарше. И все они радовались вниманию Боса, старались поймать его взгляд или прикоснуться. Он не возражал, улыбаясь и кивая во все стороны. Остановившись, показал пару жестов Арету, и тот обратился к сестрой, но живенькой женщине:

– Вести сюда нову несту для Бос.

Старушка проворно сбежала в дом и вытащила оттуда Гулёнку, хотя та сильно упиралась, цеплялась за дверной проём и мотала головой. Опытная и крупная дама легко справилась с ней, но Гуля не сдавалась, брыкаясь и выворачиваясь. Даллас впервые увидел её такой – упрямой, дикой. Её кудрявые волосы, обычно собранные в пучок, теперь мотались из стороны в сторону, отливая бронзой. Он невольно залюбовался.

– Не паду! Не бу женой не знам каво! Пусти!

Но женщина не замечала усилий худенькой, особенно на фоне местных дам, Гулёнки, и потащила её за руку. Поняв, что сопротивляться бесполезно, Гуля взглянула в сторону пришедших мужчин. Судя по её решительному взгляду, она собиралась сделать так, чтобы никто и никогда не вздумал брать её в жёны. Но тут она заметила Далласа и выражение лица изменилось.

Гулёнка рванулась вперёд так неожиданно, что даже её провожатая не успела среагировать. Даллас побежал навстречу, и они обнялись. Как же он обрадовался, что она

невредима. Пока его вели с мешком на голове, думалось о страшном. Да и сейчас до конца не верилось, что с ней всё хорошо:

– Гуля, миленькая, ты как, в порядке? Тебя не обижали?

– Да-лас, они хотели мя варить! Раздели и в горячу воду бросали, как козу, тока я так билась, чё вода остыла. Тада они мне хотели шкуру драть, тёрли-тёрли, но я так орала, так орала – отстали. Я чуть жива стала, вся красна была, прошло... – тараторила без умолку Гулёнка, – Забери мя, Далас, удём домой.

– Глупышка, они же просто тебя искупали. Посмотри, какая ты чистая, – мытьё пошло Гуле на пользу. Её кожа, казалось, стала ещё бледнее, чем раньше, но пахла она теперь куда лучше. И новая одежда шла ей больше, чем прежние обноски. На стройном теле юбка до колен и повязка на груди, образующая перевёрнутый треугольник, смотрелись куда выгоднее, чем на пышнотелых жительницах этой деревни.

Даллас обрадовался, что его подруга в порядке, но всё-таки лучше бы отправиться в деревню шахтёров. Наверняка Каспар и остальные ищут их, а мать Гулёнки не находит себе места.

– Спасибо вам за гостеприимство, Бос, Арет... и остальные. Но мы, пожалуй, пойдём назад. Не подскажете, в какой стороне наша деревня?

По улыбкам на лицах женщин и охранников, он понял, что не всё так просто. Возможно, его речь показалась этим

людям смешной. Но Арет подошёл к Далласу, положил тяжёлую руку на плечо:

– Быть гость наш дом. Какой хозяин отпускать гость так быстро? Ты живи в хороший дом рядом с Бос, а баба жить тут с другой баб. То закон.

Навязчивое гостеприимство немного пугало. Но, если подумать, не так важно в каком посёлке оставаться. Здесь хотя бы есть кровати да обилие еды. Женщины, судя по их телесам, тоже не голодали. Гулёнке наверняка пойдёт на пользу питаться в кои-то веки не подножным кормом. Он будет её навещать в этой деревне, даже иногда оставаться на ночь. Поиски пути наверх тоже лучше начать там, где жителей небесного города хотя бы видели. Лишь одно беспокоило Далласа:

– В нашем племени не знают где мы. Нужно им сказать, что всё в порядке.

– О, не бояться. Гонец уже ийти ваш племя, – улыбаясь, заверил Арет. – Сейчас мы ходить назад наш деревня.

Гулёнка снова бросилась на шею Далласу, умоляя его забрать её и не слушая уверения, что всё будет хорошо. Опять вмешалась крепкая старушка и оттащила Гулю за локоть.

Даллас часто оглядывался, уходя вслед за мужчинами. Гулёнка молча плакала, по-детски скулсив личико, размазывала слёзы. Ему стало невыразимо жаль её, но он убеждал себя, что это для её же блага, что ничего страшного не случилось, что скоро они вернутся к своему племени и будут вспоми-

нать вкусные кушанья с тоской.

За обедом они снова общались с Босом при помощи Арета. Некоторые знаки, что изображал правитель, были понятны, другие нет. Да и показывал их он очень быстро. Похоже, у Арета ушло немало времени, чтобы научиться его понимать.

Выходило, что Бос хочет овладеть технологиями развитого общества. Его интересовало, как устроить взрыв, как лечить лихорадку, как записывать слова. Последнее волновало его не из-за немоты. Он хотел увековечить историю своего правления. Так люди запомнят не диктатора Титора, а именно его. Похвальная тяга к познаниям, но на обучение уйдёт не один год.

Расспросы о тех, кто прилетал сюда сверху, не очень занимали Боса. Он родился позже, чем состоялась последняя встреча, но старики рассказывали о цивилизованных людях с большим почтением и благодарностью. Бос пообещал, что на следующий день приведёт старика, который видел людей неба. Он расскажет, как они прилетали, что говорили, и как отправились назад.

Бос настоял на том, чтобы начать обучение письменности прямо сегодня. Он притащил несколько свитков тонких кож, на которых уже были надписи. Только Даллас не разобрал их смысл. Корявые буквы складывались в искажённые слова, плохо вяжущиеся друг с другом. Попадались и цифры, но для чего эти знаки, Даллас не понял. Он предложил Босу

начать с азов, не пытаясь разобрать записи на свитках. Взяв со стола нож, он нацарапал на дощатом полу: «МА-МА». Он объяснил, что такое буквы, звуки и как их складывать в слова.

Бос, конечно, не мог проговорить написанное, поэтому Даллас придумал другую тактику. Он нацарапал слова «ДА» и «НЕТ», объяснил их значение, и показал Босу, что теперь можно общаться без помощи Арета, хотя бы так элементарно. У них получилась игра: Даллас задавал вопрос, а Бос тыкал палочкой в нужный ответ:

– Тебя зовут Бос?

– ДА.

– Меня зовут Бос?

– НЕТ, – главарь широко улыбнулся.

– Ты правитель этих людей?

– ДА.

– Хочешь им добра?

– ДА.

– Ты добрый человек?

– ДА.

– Отпустишь меня и Гулёнку обратно?

– НЕТ.

– Почему? – опешив, Даллас задал вопрос, на который нельзя ответить односложно. Но это объяснил Арет:

– Твой баба жить деревня баб, она неста Бос, он решать быть она жена, слуга ли кто. Плохо веди – она ли ты – мы

она убивать. Вы убежать – мы весь её племя убивать. А вы болота умирать, дорога не знать.

Сказано это было спокойно, просто поставили перед фактом. Но на этом дружба кончилась. Их похитили и не собирались отпускать. Вероятно, он до конца своих дней останется наставником этого юнца, неизвестно как ставшего правителем. Если они его и отпустят на Орион, Гуля останется заложницей, пока он не вернётся с едой, лекарствами и остальным. И вряд ли получится уговорить управителей снарядить экспедицию, чтобы отбить её. На Орионе нет ни оружия, ни солдат. Несколько охранителей с дубинками не в счёт.

Даллас сел на пол, подавленный осознанием своей участи.

– Ма-ма, – прочёл по слогам Арет, водя пальцем по надписи. – Мама! – он засмеялся.

Глава 9

Ночью Даллас почти не спал. Рядом с Босом ему больше ночевать не предлагали, его приютил тот самый мужичок, который осматривал его, как товар. Комната в грязной хижине была одна, а толстяк по имени Жон, напившись кислоты из бурдюка, уснул посередине несвязного рассказа и теперь храпел как древний трактор.

Но не храп мешал Далласу уснуть. В сложную ситуацию попал не только он, но и Гулёнка. В память врезалось её заплаканное лицо. Это так ранило, что и на его глаза невольно наворачивались слёзы. Надо выбираться, но он не знал как. Если кругом болота, то до их деревни можно и не дойти. И он не представлял, в каком она направлении. Зато пути к ней хорошо знали люди Боса. Они устроят карательную операцию, погибнут невинные люди, и это всё из-за него – человека, которого не должно быть здесь.

Бос хочет получить знания и, если Даллас откажется его обучать, его заставят. Ведь у них в руках Гулёнка, абсолютно беззащитная среди этих женщин. Даллас не позволит причинить ей вред. Похоже, остаётся подчиниться, надеясь, что когда-нибудь ситуация изменится.

День прошёл в бездействии. У Боса находилось множество занятий в деревне. Он лично пересчитывал корзины собранных грибов, проверял, сколько умерло или сбежало за

ночь рабов и вылупилось цыплят. До позднего вечера Даллас оказался предоставлен сам себе.

Он заметил, что его хоть и не привязывают, не сажают в клетку, но рядом постоянно оказывался один из людей Боса. Если толстяк Жон отлучался, приходил другой абориген. Когда, в ожидании вечера, Даллас вышел прогуляться по селу, Жон увязался с ним, якобы показать где что.

Городок оказался небольшим – Даллас насчитал около двадцати домов на главной улице. Но в стороне плотно теснились друг к другу хлипкие шалаши, образуя трущобы. В них ютилось немало людей. Как пояснил Жон, так жили рабы. Грязные, оборванные, они все принадлежали Босу и некоторым другим знатным горожанам. При необходимости их выгоняли на работы – ловить крыс, собирать грибы, выделывать кожи или строить дома для господ. Сами они вели настолько убогое существование, что Далласу становилось неловко за то, как роскошно он устроился: в грязной хижине с храпящим толстяком. По крайней мере, его крыша над головой не протекала во время дождя, морозящего с самого утра, а спал он не на голой земле.

Прогулка получилась недолгой. Главная дорога кончилась, плавно превращаясь в тропу среди болот, а та терялась во мгле и тумане. Жителям этого поселения не нужны заборы, ведь по болотам враждебная армия не подойдёт незаметно, да и рабам сбегать на верную гибель вряд ли хотелось. Вполне возможно, что всех новичков сюда доставляли так

же, как и Далласа – с мешком на голове.

С другой стороны посёлка начинались поля. Жон объяснил, что так выращивают грибы. Земля здесь суше, чем хлюпающие болота вокруг.

На вытоптанной площадке Даллас увидел тренировку воинов – они лениво метали копья в плетёные мишени. Пока один упражнялся, остальные сидели на корточках, попивая из бурдюков свою кислятину. Всего тренировалось человек пятнадцать. Но вряд ли по ним можно судить обо всей армии Боса. Барак, стоящий неподалёку, отличался внушительными размерами. Даллас спросил навязчивого Жона, зачем нужен такой большой дом для горстки воинов, но тот лишь посмеялся и заверил, что скоро в этом доме негде будет гриб уронить. Сбежал один раб, поэтому воины отправились в его деревню. Они приведут столько пленников, сколько смогут и убьют столько жителей, сколько захочется.

За грибными полями находилась «деревня баб», но охранницы не пропустили без разрешения Боса.

С одной стороны, Далласу очень хотелось увидеть Гулёнку, убедиться, что с ней всё в порядке, но с другой – ему нечем её ободрить. Плана побега он не придумал, а впустую обещать, что всё наладится, не хотел – это расстроит её ещё больше.

Вечером Бос выглядел усталым и не заставлял себя и Далласа долго заниматься алфавитом. Они с Аретом участвовали в собрании знатных жителей деревни, решая важные во-

просы. Даллас слышал крики бурных дискуссий из окон одного из домов, но понять, о чём они не смог бы, даже если захотел. Встреча затянулась, поэтому через полчаса занятий Боса начало клонить в сон, и он сделал понятный жест, отправляя Далласа прочь.

Храп Жона звенел на весь дом, да ещё и в постели ползали насекомые. Бессмысленная борьба с этими явлениями не настраивала на отдых. Даллас вышел из хижины и побрёл по главной дороге. Некоторые окна домов богачей ещё светились, но большинство жителей давно спали. Пара стражников у костра увлечённо играли в кости недалеко от рабских лачуг. Они не сразу услышали шаги Далласа и подскочили, уставившись на него. Но поняв, что он здесь не по их душу, успокоились и вернулись к игре.

Даллас дошагал до края деревни и уставился в темноту. Там за болотами находились его друзья. Не те, роскошно живущие на Орионе, а мать Гули, Каспар, Вурх... Вурх? Светлый мех мелькнул на тропинке, послышалось частое дыхание зверя. Тёплый язык лизнул руку. К счастью, это был действительно пёс Каспара, а не какой-нибудь хищный зверь, нападающий из темноты. Оцепенение, вызванное страхом, прошло, Даллас потрепал загривок пса, удивляясь, как он здесь очутился.

Из темноты послышался едва различимый свист, похожий на пение птицы. Вурх обернулся, пробежал по тропинке, и остановился, глядя на Далласа, тускло сверкая глазами

в темноте. Даллас отправился за ним, надеясь, что внимание собаки привлечено не болотной живностью.

Вурх попетлял по болотным кочкам и вывел на полянку, свободную от воды. Там торчало несколько стволов погибших деревьев. Смартлет осветил их, а также вышедшего навстречу человека – Каспара.

– Живой, хвала дедам! – он крепко обнял Далласа и попросил выключить фонарь, чтобы из деревни их не увидели. Он рассказал, как Вурх взял их с Гулей след через топи, как они прятались от сборщиков дани, проходящим иногда через эти болота. Остальное время они скрывались здесь, надеясь, что получится выкрасть Далласа и Гулёнку. И вот, такой момент настал.

– Знаш, де Гулька? Веди её, и идём до дому, – завершил короткую историю Каспар.

Даллас заколебался:

– Здешний правитель Бос обещал вырезать ваше племя, если мы сбежим. Придётся нам остаться, Каспар. Однажды я уговорю Боса отпустить Гулю, и...

– Нет! – отрезал Каспар, – Нашу деревню зажгут, а всех в рабы уйдут с вы или без. Нет коз больше, нет чем платить тут жить. Тама все в путь собрались, мы удём вверх. А тама де им нас искать...

– Но там же холодно. Разве племя выживет без коз и запасов? Здесь хоть жуки есть, – Даллас поморщился.

– Мы мал-мало еды тута уж найшли, там за снегом корья

скопаем, мож коз найдём. Не все доживут, чё ж, но жить бум. Так де Гулька-то?

Похоже, Каспар прав. Из двух зол принято выбирать меньшее. Самое сложное – определить размеры этих зол, когда они почти равноценны.

Даллас и Каспар пошли вокруг деревни, стараясь не шуметь и не попасть ногой в одну из хлябающих лунок. Вурх, повинувась жесту хозяина, шёл следом. Вскоре они вышли на грибные поля. Судя по тишине, вокруг никого не было. Тьма стояла такая, что без разницы, закрыты глаза или открыты. Каспар протянул посох, с которым не расставался, а Даллас ухватился за него рукой, и шёл, припадая к земле, пытаясь сориентироваться.

Они увидели свет жаровен у входа в женскую деревню. Значит, стражницы охраняли ворота круглосуточно. Даллас повёл Каспара в обход, и они вышли к забору из досок. Перелезть его смог бы только один, если второй подсадит, а обратно так не получится. Планки прилегали друг к другу плотно – и палец не просунешь. Но Даллас рассудил: раз стоит забор, есть желающие за него проникнуть. А значит, кому-то это удалось. Он шёпотом объяснил Каспару, что им нужно, и они пошли вдоль ограды, проверяя каждую доску на прочность.

Через несколько минут деревяшка под нажимом Далласа поддалась. Её низ отпилили, а верх держался на одном гвозде. Стоило отодвинуть её, а потом поставить обратно, чтобы

незаметно проникнуть на территорию женщин. Даллас про-
сунул голову, но никого и ничего не увидел в темноте. Опас-
но, но выбора нет. Он кое-как протиснулся в щель. Каспар
приказал Вурху сидеть на месте и полез следом.

Даллас вспоминал, как стояли дома. Но приходил он че-
рез главные ворота, при свете, да и не обращал внимания на
обстановку. А теперь им надо найти Гулёнку, спящую среди
других женщин. Они затаились возле стены сарайчика, пока
Даллас соображал.

Вдруг совсем рядом с ними скрипнула дверь. Из сарайчи-
ка кто-то вышел.

Мужчины замерли. Послышался шорох и осторожные ша-
ги прочь. Зевнула девушка. Даллас понял, что делать, и по-
шёл на риск:

– Псст! Эй! – позвал он громким шёпотом.

Девушка остановилась, раздумывая, не показалось ли ей.
Но услышав шорох со стороны туалета, из которого вышла,
зашептала:

– Хтойта? Щас сторожиц позову!

Раз не сказала громко, значит, не позовёт. Даллас попро-
сил её привести Гулю – новую невесту Боса. Разумеется, она
и так знала, кто она и кто он. В таком тесном обществе слож-
но хранить тайны.

– Ишь, пихарь! Потеряшь бошку за таки дела. Ла-адно,
ща сведу. А ты мне шо?

Даллас шёл с пустыми руками, но наобещать мог хоть зо-

лотые горы. Остановился на реалистичном варианте:

– Завтра приди сюда в это время, я принесу еду со стола Боса.

– Курку! – с готовностью выпалила девушка. Похоже, эта пища считалась деликатесом.

– Будет тебе курка. Веди Гулю.

Несколько минут спустя Гулёнка обнимала Далласа. Худенькая девушка, а сжала так крепко, что стало тяжело дышать. Та, что привела её, напомнила про курку и ушла. Тогда Каспар подал голос:

– Слава дедам, нашлись. Идём домой терь.

Гулёнка удивилась и обрадовалась Каспару, который тихо сидел в тени. Правда, обнимала его не так долго и крепко. Но увести себя к забору не дала.

– Пасиб, чё спасти прийшли, но над ещё кого брать. Пошлите!

Как ни пытались мужчины образумить Гулю, она решительно направилась к одному из строений – большому сараю, который Даллас видел ранее. Приоткрыв дверь, она шмыгнула внутрь, и её спасателям пришлось последовать за ней. Внутри горела большая свеча. То, что она освещала, вызвало холодный пот.

В помещении стояло около двух десятков металлических конструкций, а на них висели обнажённые женщины. Руки и ноги в нескольких местах фиксировались кожаными лентами, широкий ремень обхватывал пленниц под грудь. У мно-

гих колени прижимались этим устройством чуть ли не к подбородку, выставя напоказ всё, что обычно скрыто. В таком ужасном положении несчастные спали и, похоже, проводили остальное время. У половины виднелись большие животы – явно беременные.

Некоторые пленницы стонали во сне. Довершал картину тошнотворный запах.

Ошарашенный Даллас повернулся к Гуле:

– Что это?!

– То жёны Боса. Я тож тут могу висеть, еслив он мя в жёны берёт. Бу лялек дать, пока жива. Над их спасать, низя так!

Одна из женщин застонала и открыла глаза.

Глава 10

Решать требовалось быстро. Каспар вынул нож и перерезал ремни, держащие женщину, что проснулась. Она тихо заплакала то ли от страха, то ли предчувствуя спасение.

Даллас помог вытащить женщину из этого орудия пыток, придержал, чтобы не упала, но она так и не удержалась на ногах. За время заточения её мышцы отказались повиноваться. Нечего и думать о побеге в таком состоянии. Тащить они бы её тоже не смогли, да и что делать с остальными женщинами? Из-за возни они начали просыпаться и молить о помощи всё громче.

Оставаться опасно – крики и стоны могли услышать стражницы. Даже освободить остальных женщин не хватит времени. Гуля попыталась успокоить шумящих пленниц, но где там. Они впадали в истерику, видя, что их спасители собираются уходить.

Пообещав вернуться, Даллас, Каспар и Гуля вышли из сарая. И сразу же бросились в сторону забора – к ним шёл мужчина с факелом в руке. Он побежал следом, выкрикивая писклявым голосом приказы остановиться и призывая сторожиц.

Беглецы неслись между домов к забору. Даллас с ужасом осознал, что пока они будут протискиваться в щель, их догонит этот тип, и придётся с ним драться. А там и стражницы

цы подбегут. Против их мечей нож и посох Каспара вряд ли поможет. Да и Вурх остался на той стороне преграды.

Даллас уже остановился и развернулся, готовый прикрывать товарищей, но дверь ближайшей хижины распахнулась и оттуда вышла женщина. Она со всего размаху треснула пробегающего мимо преследователя по лбу горшком, что сушился на крыльце. Посудина разлетелась вдребезги, а мужчина свалился в пыль. Спасительницей оказалась старуха, которая недавно так грубо обходилась с Гулей. Она посмотрела на них и махнула рукой:

– Чё стоять? Бежите быстрее! Ну!

И она была права. Слышались крики и суета – стражницы неслись на шум. Но Каспар уже нашёл брешь в заборе, пропустил Гулю, пролез сам и держал доску для Далласа.

Они побежали через поле, стараясь не упасть. По дороге в сторону поселения, высоко поднимая факел, побежала стражница. Скоро новость об их побеге достигнет Боса, и он отправит отряд воинов прочёсывать окрестности. Нельзя медлить ни минуты.

Небо из непроглядно-чёрного стало тёмно-серым. Проявился туман над болотами и кочки под ногами. Вурх, получив от Каспара команду «До дому!», искал путь, припадая носом к земле. За псом шёл Каспар, втыкая посох в место, куда собирался ступить. Следом, держась за руки, друг за другом брели Даллас и Гулёнка. Бессонная ночь и стресс от пережитого оставили ощущение опустошённости. Они по-

нимали, что их преследуют, что воины сожгут дотла их деревню, но порой не хотелось больше бежать. Лишь неутоми-мо идущий впереди Каспар не показывал своим видом усталости, и Даллас убеждал себя переставлять ноги и тянуть Гулёнку за руку.

Смартлет уже давно возмущённо вибрировал, указывая на обезвоживание. Даллас упал на колени и зачерпнул воды из ямки. Но это заметил Каспар:

– Нет! Ядная вода! – Он сунул ему в руки полупустой бурдюк. – На, пей.

Даллас жадно припал к узкому горлышку, но Каспар не дал сделать и одного нормального глотка. Путь предстоял долгий, а воду надо делить на четверых. Вурх лакал из ладони Каспара, а к болотной жиже не притрагивался. В чём-то животные, безусловно, умнее людей. Жаль, что почти все виды вымерли.

Даллас так долго собирался с силами, чтобы подняться с колен, что Каспар позволил сделать короткий привал. Гулёнка прижалась к Далласу и они сразу же уснули на сырой земле. Но всего через пару часов Каспар разбудил их, и они двинулись дальше.

Выбирая, куда поставить ногу, Даллас расспросил Гулю, почему женщина, работающая на Боса, помогла им бежать.

– Та баба звать Ринка. Када я ей казала с кой я деревни, та стала реветь и грит, чё она жила в седней мног-мног лет тому. Грит, угнали её малой девкой Титору в жену, так перва

лялька её не дошла, вышла кровью, а больш лялек пузо не брало. Титор убить не стал, дал работу, чёб она нест мыла и учила, как ладно бысть Титору жена. Сток лет там жила, чё и все бабы, хто работат, стали её слушать. Бос пришёл, тож её ставил, ток жён Титора убил, та новых из рабынь брал. Тип чёб знать, чё евоны то ляльки бут, ничьи ищё. За бабы теми ходят не-мужики, без кутюка. А то ж баба бабу жалеть могёт, а тот хад и исть не сразу даст. Прально его Ринка в чан залепила. Кажет потом, чё ет мы ево, када сбегли, мож поверят.

Гуля продолжала рассказывать о нескольких днях, проведённых в этом лагере рожениц, а у Далласа всё не укладывалось в голове, как такая жестокая прагматичность сочеталась с пытливым умом Боса. Похоже, что он просто не стал менять схему предыдущих тиранов.

Возможно, родословную одного из правителей когда-то подвергли сомнениям. Например, младший брат предьявлял претензии на трон. А когда конфликт разрешился, он исправил ситуацию, создав отдельную деревню – единственную, окружённую забором, среди бескрайних болот. Чтобы защитить жён от соплеменников. Женщин обездвжили, чтобы они не вздумали сбежать или оборвать свою жизнь, не желая рожать для тиранов, что убили их мужей и братьев. Так они едва могли пошевелиться. Как бы то ни было, этих женщин надо освободить любым способом. Но прежде – увести племя в безопасное место.

Даллас старался не думать, как найти силы на поход в горы. И спускаться было непросто, а теперь надо карабкаться вверх, при этом быстро. И ведь в горах началась зима, дороги покрылись льдом и снегом. Усугубляла дело всё ещё ноющая нога.

Спустя ещё один мучительный день блужданий по болотам, они вышли к подножию горы и вскоре достигли деревни. Даллас предвкушал отдых, воду и еду, но соплеменники встретили их с растерянными лицами. Оказалось, что пока их не было, выше по тропе случился обвал. Путь в горы оказался засыпан булыжниками. Его начали расчищать, но на это потребуется несколько недель.

Собрался совет. Мужчины решали, как поступить. Даллас узнал, что до ближайшей деревни путь неблизкий, да и люди там такие, что скорее сдадут их Босу, чтобы получить послабление от налогов. Идти в болота с таким обозом опасно. Да и неизвестно, как избежать «ядного тумана». Видимо, часть болот отравлена выбросами газов. Когда обсуждение зашло в тупик, и никто не придумал ничего лучше, чем расчищать завал до прибытия воинов, Даллас встал с места и сказал:

– А что, если мы примем бой? – кто-то хмыкнул, кто-то отмахнулся, но некоторые проявили интерес, – У нас много камней. А неподалёку мёртвый лес, то есть много брёвен. Деревня окружена скалами, лишь два прохода ведут наружу. Если завалить камнями один проход, а другой заставить

брёвнами, то у нас получится крепость... большой дом, который мы сможем охранять.

Даллас старался говорить понятнее. Дикари переглядывались между собой, оценивая его слова. Он продолжил:

– Я был в деревне Боса и знаю, что его воины сейчас в походе. Осталась лишь малая часть для охраны рабов. Он дожждётся их возвращения, прежде чем нападать. Мы успеем подготовиться и отбиться. А потом что-нибудь придумаем.

Мужчины чесали затылки и пожимали плечами. Каспар молча перекачивал во рту камешки, а потом поднялся и ушёл. Даллас, расстроенный, что не предложил идеи лучше, сел к костру. Вскоре вернулся Каспар:

– От камня до камня стока шагов, – он показал по четыре пальца на каждой руке. – На шаг над стока дерев, – четыре пальца. – Если ща робить все, то к завтра бу стена. Ну чё?

На этот раз люди воодушевились куда больше. Вот что значит «объяснить на пальцах»! Мужчины пошли за инструментами, и через несколько минут разбились на группы по пять-шесть человек и взялись за работу. Одни рубили деревья, другие таскали камни, а остальные рыли ров для забора. За этим следил Даллас. Он прикинул вес и длину стволов, рассчитал примерную глубину траншеи. Для надёжности подсказал подпереть изнутри стену жердями, а брёвна связать между собой верёвками. И куда только делась смертельная усталость?

Люди, привычные к работе в шахтах, копали быстро.

Большинство занималось заготовкой брёвен. Деревья местами рассыпались в труху, но Даллас надеялся, что выдерживать удары тарана или катапульты им не придётся. За всё время здесь он не видел оружия дальнего боя страшнее, чем копьё или булыжник. Подумав об этом, он отправил мальчишек, участвующих в суете, собирать камни, чтобы потом метать их во врагов. Ребята с радостью выполнили поручение, насобирав горки булыжников на выступах скал, куда смогли забраться. Удачное расположение деревни играло на руку. Скалы служили оборонительными башнями и крепостными стенами. Остальное споро достраивалось.

Даллас поручил двум особо смышлённым мальчишкам залезть на скалу и нести дозор. При появлении людей Боса они должны поднять крик. Сам же он, почувствовав недомогание, прилёг на пару минут в ближайшей хижине. И проснулся только к вечеру.

Пока Даллас спал, жители племени славно поработали. Стена стояла на месте – кривовата, брёвна разной длины и толщины, перевязаны чем и где попало, но орава людей с копьями не сдвинет её с места. Даллас посоветовал облить стену и набрать воды про запас – на случай, если догадаются набросать хвороста и поджечь. Женщины схватили тазы, корыта и кувшины и отправились в небольшую пещеру – там ключевая вода скапливалась в маленьком подземном озере.

Выход, ведущий к полянке с «бубуками», загородили камнями. Завал получился не очень высоким, но взобраться по

неровным булыжникам быстро не смогут. Особенно когда на тех, кто попытается, посыплется град камней сверху.

И вот, кувшины с водой стоят возле забора; на скалах, обложенные камнями, сидят дикари с корзинами-щитами. Стена и завал пять раз проверены Далласом и Каспаром. Остаётся только ждать врага.

Самое ужасное – это ожидание. Страшно представить, что скоро начнётся битва. Но когда все готово, она не начинается. И ждущие в напряжении люди уже подгоняют судьбу. Пусть даже битва для них означает смерть. Нет иллюзий, что Бос оставит их в покое, но на этот раз они не станут покорно ждать уничтожения. Люди, вложившие труд в свои дома, семьи, да и забор в конце концов, будут биться до конца.

Даллас прильнул к щелям ограждения, и беспокойно вглядывался в бесконечные и мрачные пространства болот. Вдалеке он увидел огонёк. Мерцающий комок света вскоре разделился на два, но стал ярче, медленно перемещаясь. Становясь ближе, огоньки разбились на несколько десятков. И как только стало понятно, что это факелы, сверху раздался тоненький голос мальчишки-дозорного:

– Идут!

Глава -5

Даллас ничего не успевал. Столько недоделок, а времени до «Старфеста» остаётся всё меньше. В этом году фестиваль совпал с пиком популярности «Звёздных войн ХХХ». Реклама, тизеры и трейлеры мельтешили на каждой поверхности в городе. В новой тридэшке сын Чубакки и внук Лэндо Калриссиана сражаются с армией дроидов под предводительством клона Бобы Фетта, а ищущая себя джедайка Ханна Скайуокер поднимает восстание на базе снова воскресшего ситха Дарта Мола и уничтожает «Галактику Смерти».

Даллас не причислял себя к многочисленным фанатам саги, но ему показалось интересным воссоздать джедайские трюки с помощью технических приспособлений.

Он оставил в стороне телепатические способности – контроль разума, исцеление наложением рук и бестелесную жизнь после смерти. Но с физическими усовершенствованиями и телекинезом можно поработать.

Почти в каждой тридэшке джедаи притягивали световой меч в руку и это спасало им жизнь. Вместо телекинеза поработают магнитные поля. Вставить катушки в перчатку и рукоять меча, одновременно задействовать – и оружие прыгнет в ладонь. Главное, не включать устройство рядом с людьми в пирсинге. Хорошо хоть микроботы не магнитятся.

Ещё джедаи высоко прыгали и обладали большой силой.

Здесь поможет парочка сервомоторов, усиливающих мышцы и экзоскелет. Эти изобретения не новы. Раньше работающие физически люди пользовались специальными костюмами, которые позволяли без усталости ходить и стоять, быстрее бежать, таскать неподъёмные тяжести. Сейчас эти технологии потеряли актуальность, но Даллас нашёл в смартлете описания, чертежи и схемы. В мастерской всегда есть приводы, элементы питания, металл и пластик. Будет чем удивить народ на фестивале.

В сапоги Даллас встроил пневматические гасители и потренировался прыгать на три метра ввысь, расстелив в гараже упаковку для подстраховки. Сначала упругие рулоны смягчали падения, потом только мешали приземляться на ноги.

Сложнее всего оказалось сделать синий световой меч, как у Ханны Скайуокер. Проще всего использовать неон, но полая трубка из-за своей хрупкости не позволит провернуть фокус с телекинезом. Каркас для клинка необходим – не будет сам по себе поток плазмы висеть в воздухе, как показано в тридэшках.

Даллас собрал катушку Теслы и телескопическую антенну с контактом на конце. Он долго возился, komponуя в рукоятке трансформатор, моторчик, динамик, мощную батарею и другую электронику. Но в результате синий клинок эффектно выезжал из эфеса под знакомый гудящий звук. Разряд тока ярко светился синим, но не был таким стабильным, как в

тридэшках. К тому же электрическая дуга сильно нагревала детали, поэтому надолго муляж включать нельзя. Но результат Далласа удовлетворил. Световой меч смотрелся в зеркале очень эпично.

Притом, что Даллас едва успел закончить экзоскелет к началу «Старфеста», ему приходилось тратить время ещё и на вооружение для Джеффа. Тот заказал волосатый костюм вуки и решил, что этого недостаточно, и нужен фирменный бластер-арбалет. Разумеется, сделать его он попросил Далласа. И тот не смог отказать.

К первому дню фестиваля всё было готово ценой ночных стараний Далласа. Рано утром он заехал за Джеффом на гиросфере, и друзья отправились на вокзал. К счастью, они заранее забронировали билеты на Деву – город без постоянных жителей и капитальных строений. Идеально ровная площадка с пластиковым покрытием в десять километров диаметром. Одни говорили, что этот город не достроили, другие – что высаживали лес, но он не прижился, а третьи утверждали, что эта территория специально предназначалась для подобных фестивалей и концертов. Как бы там ни было, для скопления людей этот город подходил идеально. Время от времени битком набитые поезда свозили множество людей из разных направлений в этот пустой город, ничем не примечательный, кроме толп туристов и того, что они придумают сделать.

Дева превратилась в место паломничества тех, кому хоте-

лось громких событий, ярких впечатлений. Территория, свободная от многих норм морали и законов управителей. Конечно, за порядком следили охранители, но их было так мало, что они терялись в огромной толпе приезжих. Да и на нарушения смотрели сквозь пальцы. На Деве никто не боялся штрафов за громкие крики, откровенный наряд или непристойное поведение. И многие этим пользовались, одеваясь кто во что горазд, бегая с криками между шатров и танцуя под оглушительную музыку всю ночь напролёт.

Но всё-таки часть людей приезжала сюда не за этим. Некоторых приводил интерес к творчеству – от переделки шатра на свой лад до строительства огромных конструкций из пластика и металла, возводимых неделями. Арт-объекты светились, крутились, шумели, ездили и летали. Одни по пояс, другие размером с воздушный челнок. Каждый фестиваль насчитывал несколько тысяч таких инсталляций. А самое удивительное, что ни одно произведение искусства не разбирали и не увозили обратно в грузовых отсеках поездов. Их взрывали, сжигали, крушили – уничтожали всевозможными способами. Так уж повелось, и отступить от традиции никто не смел.

В этот раз в центре Девы установили исполинских размеров «Галактику Смерти». Конструкция, состоящая из множества переплетённых труб и сферических кабин, задавала тон фестивалю, который являлся огромной рекламной кампанией новой тридэшки про джедаев. В ядре «Галак-

тики» помимо бара и кафе оборудовали музей «Звёздных войн». Там висели постеры, крутили предыдущие части и даже устроили чек-сессию с актёрами. Каждый фанат хотел записать рол, находясь в одном кадре с любимым персонажем во плоти. Стоило такое удовольствие немало, но из желающих выстроилась огромная очередь.

Даллас и Джефф на этот раз ограничились лишь костюмами и оружием. Они с восхищением осматривали реплики транспорта, хижин и боевых дроидов из киноселенной и сожалели, что не успели подготовить что-нибудь такое же сногсшибательное.

Их костюмы фурора не произвели – не только Джефф заказал готовый костюм вуки Керракки, а в джедайских коричневых халатах после появления трейлеров почти поголовно ходили теперь и в повседневной жизни, не только на фестивале. Зато многим понравился фокус Далласа с притягиванием меча. Он демонстрировал это перед разными людьми и постоянно слышал «Как ты это делаешь?!», будто явление магнетизма для многих оказалось открытием.

Правда, впечатление от фокуса портило лезвие, которое включалось через раз и гасло после пары секунд. Похоже, электрическая дуга всё-таки спалила несколько деталей в рукоятке. Зеваки сперва восхищались, но быстро разочаровывались и прекращали транслировать фокусы Далласа в сеть. Их больше привлекали артисты, которые крутили пластиковые мечи с подсветкой и устраивали показательные бои, при-

глашая желающих на спарринг.

Когда дневное освещение погасло, модель «Галактики Смерти» осветилась зловещим красным светом. Заиграла главная тема звёздной саги, приглашая зрителей к просмотру шоу. На платформе появился известный транс-мужчина Аби Колаби. По слухам, он перенёс не одну операцию по смене пола, но голосовые связки трогать не стал. Он обладал великолепным сопрано, с которым не пожелал расставаться, превратившись в мужчину. Теперь этот шоумен с пышными бакенбардами приветствовал толпу ярким женским голосом, перекрикивая музыку и взрывы фейерверков. Зрители в полном восторге поднимали руки со смартлетами повыше, чтобы не пропустить ни одного кадра, ведь их ждало выступление звёзд, лазерное шоу, а главное – премьерный показ тридэшки «Звёздные войны XXX: Возвращение силы».

Повсюду сверкали вспышки. Беспольные на таком расстоянии они лишь мешали окружающим. Но это не волновало тех, кто снимал. Как и то, что ведётся профессиональная трансляция со множества ракурсов. Под руководством режиссёра дроны целым роем кружили вокруг конструкции, улавливая каждый спецэффект и эмоцию на лице ведущего.

Джефф потянул Далласа за рукав, протискиваясь между зрителей, чтобы подойти поближе к центральной сцене. По кольцам, охватывающим «Галактику Смерти», скользила платформа с Аби Колаби. Он заряжал энергией каждого зрителя вокруг, постоянно выкрикивая фразы из фильмов,

напевая мелодии из франшизы и представляя актёров.

Даллас уже стоял довольно близко от ограждения, когда заметил, что платформа с ведущим заискрила и остановилась. Аби едва устоял на ногах и непонимающе заозирался на режиссёров. В следующий момент платформа дёрнулась, слетела с рельса и сорвалась вниз.

Толпа в один голос ахнула. Через мгновение кто-то в ужасе закричал, а иные захлопали, решив, что это часть шоу. Тележка рухнула на землю, а Колаби упал на декорации, и, похоже, застрял между огромными пластиковыми трубами. Его микрофон всё ещё работал, и он совершенно по-женски закричал в истерике и звал на помощь, пока его не отключили.

Никто не знал, что делать. Техники в беспорядке бегали вокруг конструкции в поисках ремонтных роботов. Люди волновались, призывали помочь любимцу, но не переставали записывать роли на смартлет. Сзади напирали желающие увидеть, что случилось с Аби.

Даллас вспомнил о своих усовершенствованиях и решил действовать. Он отошёл, на сколько позволила толпа, двумя ногами прыгнул вперёд и запустил пневматику. Скачок получился мощный – не меньше десяти метров. К счастью, импульса хватило, чтобы перелететь через толпу и ограду, а благодаря гасителям, он приземлился не очень жёстко. Даллас осмотрелся и заметил лестницу, спрятанную за декорациями «Галактики Смерти», которая больше напомина-

ла огромную модель атома из курса физики. Пластиковые орбиты множества электронов переплетались между собой. Между этих труб и застрял Аби Колаби.

Лестница шла в стороне от пострадавшего шоумена, но Даллас забрался выше, а затем аккуратно спрыгнул на склон пластиковой трубы, ощущая, как она качается. Он обхватил её руками и съехал на животе к тому месту, где лежал хнычущий от страха и боли Аби. Когда он увидел Далласа, истерично заверещал:

– Вытащи меня сейчас же! Ты хоть знаешь, кто я? Мой продюсер из тебя котлету сделает! Я должна выступить!

Прерывая поток ругательств и угроз, Даллас слегка шлёпнул ведущего по щеке. Тот замолк и удивлённо уставился на него.

– Я пришёл помочь. Потерпи, – сказал Даллас и взялся за трубу. Без сервомоторов, усиливающих мышцы, он бы ни за что не раздвинул декорации, чтобы Аби вытащил ногу. Сложнее всего было найти во что упереться, но всё получилось.

Колаби потёр защемлённую ногу, с которой всё оказалось в порядке, и спросил, размазывая косметику по лицу:

– Как спускаться будем, джедай?

Даллас и сам искал варианты. Трубы изгибались кверху, нижние висели довольно далеко, да и до земли расстояние приличное. Если прыгать, то пневмогасители не справятся с удвоенным грузом. Со смещённым из-за Аби центром тяже-

сти прыжок закончится плачевно.

Сверху раздался свист. Даллас поднял голову и увидел на одной из платформ рабочего. Он сбросил длинный трос, который Даллас перекинул через трубу и обвязал Колаби за пояс, а в петлю на конце сказал поставить ногу. Ведущий, посмотрев вниз, побледнел и отказался спускаться, бормоча что-то про кран, дрон или продюсера. Его пришлось подтолкнуть, и он с визгом повис над землёй. Протягивая трос через трубу, чтобы уменьшить вес шоумена, Даллас плавно спустил его на землю.

К шокированному Аби тут же бросилась свита. Они отвязали трос и увели звезду. А Даллас проверил крепление и стал спускаться, когда услышал, что началась трансляция тридэшки, ради которой все собрались.

Он вышел за ограждение и через узкий проход для персонала пошёл к шатру. Нервное напряжение отступило, и на Далласа навалилась усталость и апатия. Пока все смотрели новые приключения джедаев и их друзей, Даллас спал.

Наутро Джефф восхищался подвигами Далласа, но то и дело перескакивал на события из фильма, выкатывая спойлеры один за другим. Похоже, для него вчерашние впечатления от увиденного оказались равнозначными.

Фестиваль закончился, люди разъехались по своим городам. В сети ещё какое-то время гуляли роли с падением Аби Колаби и Далласом, лазающим по декорациям «Галактики Смерти», но скоро новые события сменили повестку, и об

этом все забыли.

Даллас даже удивился, когда, спустя две недели, ему позвонил сам Аби. Он извинялся, что не поблагодарил спасителя. Дескать, всё случилось так быстро, да и его контракт оказался под угрозой, но всё обошлось. А потом он сказал:

– Тогда наверху... Твоя рука, моё лицо... Никто никогда так не делал, – он погладил себя по щеке. – Мне даже понравилось. Может, встретимся и попробуем повторить?

Даллас отказался и от смущения скомкано попрощался. Вскоре он и сам перестал вспоминать поездку на этот фестиваль.

Глава 11

Даллас из-за больной ноги не полез на скалу, поэтому не видел, всего отряда, что прислал Бос. Но зато услышал зычный голос Арета (кого же ещё?):

– Ваш смешной забор не становить мои воины! Отдавай нам беглецы, и мы оставим вас живыми!

С вершины скалы им ответил Каспар:

– Врёшь ты сё! Знаю скок сёл ты уж чистил до следней крысы! Уходи, мы больш не платим дань Босу, а кто он шлёт, не йдёт обрат!

Каспар отшатнулся от копья – к счастью, оно пронеслось мимо. В ответ со скал полетели булыжники. Воины кидали копья в камнеметателей, но большинство из них не достигало цели – люди наверху постоянно перемещались и наклонялись за камнями. Некоторые копья падали внутрь укрепления. Мальчишки бросились их собирать, намереваясь запустить обратно, но Даллас свистнул, привлекая внимание, и запретил им. Ни к чему снабжать врага снарядами.

Полетели за стену и факелы. Попадая в хижину, они бы натворили немало бед, но пригодилась запасённая вода. Женщины заливали огонь прежде, чем он разрастался в пожар.

Даллас нашёл в заборе щель побольше и припал к ней. Но тут же вздрогнул и отшатнулся – прямо на него бежал воин с

факелом и мечом наголо. Он со всего маху врезался плечом в забор. Брёвна со скрипом пошатнулись, но выдержали. Тут же на стену навалились в нескольких местах другие воины. К счастью, их оказалось недостаточно, чтобы обрушить укрепление. Сверху на атакующих сбрасывали тяжёлые глыбы, а мальчишки норовили через щели ткнуть противников их же копьями.

Воины быстро поняли, что стену так просто не свалить. Изрыгая ругательства, они разбегались, пытаясь найти брешь. Самые ловкие забирались по скалам и каменному завалу. Те, что избежали града булыжников, добрались до метателей и устроили резню. Но к ним на помощь поспешили мужчины племени с копьями, ножами и грозными выкриками. Они убивали или сбрасывали противников.

С бессильным ужасом Даллас наблюдал, как Арет на площадке одной из скал рубил мечом камнеметателей, прирезав заодно и мальчишек-дозорных, пока его не заметили. А когда защитники бросились к нему, Арет ловко слез со скалы тем же путём, что и забрался.

Спустя несколько ужасных, наполненных воплями и лаем минут, оставшиеся воины Боса отошли на поляну перед деревней. Даллас разглядел в щель между брёвнами, что их осталось всего-то человек двадцать. При этом многие пережили попадание камня, поэтому хромали или держались за рану. Да и те, что остались целы, потеряли запал и теперь лишь сидели на корточках, посасывая пойло из бурдюков.

Похоже, Бос сильно недооценил жителей этой деревни, при-
слав так мало воинов. Но не будь забора, и этих сил хватило
бы сполна.

– Мы прийти ещё! И нас быть много-много! – прокричал
Арет, оценив свой отряд. – Вы пожалеть об это! Горько по-
жалеть! Каждый умирать страшный мук!

Он ещё долго выкрикивал неразборчивые и гневные сло-
ва. Видимо, совсем не привык проигрывать. Но он был прав.
Больше воинов, лестницы или таран чтобы преодолеть забор
– и такому малому количеству людей не удержать это при-
митивное укрепление.

Когда завершился подсчёт раненых (семь) и убитых
(пять), Даллас обошёл рыдающих женщин и пострадавших
мужчин. Он со вздохом оглядел горстку людей: обессилен-
ных шахтёров, ненадолго ставших воинами, тощих детей, не
знающих хорошей жизни и матерей, у которых и без сраже-
ний хватало забот. Их жизни ничего не стоят для Боса, а тем
более Арета, но не для Далласа. Теперь уже нет. Поэтому он
подошёл к Каспару и сказал:

– Они вернуться. Не успокоятся, пока не убьют всех нас.
Разбирайте завал и уходите в горы. А я задержу их. Я им ну-
жен. По крайней мере, их главарю. Приду к нему и постав-
лю условия – мои знания и умения взамен на то, чтобы вас
не трогали. Верить им нельзя, так что завал всё равно надо
разобрать.

Каспар и так не всегда понимал современную речь, а сей-

час и вовсе находился в некой прострации после сражения. Лишь молча щёлкал камешками о зубы. Его чудом не убили и не покалечили. Должно быть, он тревожился за будущее, ведь по сути они объявили войну могущественному соседу. Даллас объяснил ещё раз, попроще. Надеюсь, что мысль до-несена, ушёл ночевать. А утром прощался с Гулей.

Радость девушки что он не пострадал, быстро сменилась слезами, истерикой и, наконец, отчаянием. Больших усилий стоило уговорить Гулёнку отпустить Далласа обратно в плен и не отправляться вместе с ним. К счастью, в этом активно помогала её мать – тихая и добрая женщина. Она увещева-ла, что её «бох» вернётся. Далласа смутила в этой ситуации лишь ухмыляющаяся гнилозубая рожа Дана, который оши-вался неподалёку. Похоже, прелести Гули до сих пор не да-вали ему покоя. И, согласно обычаям, перед ним теперь от-крывались все двери, раз она будет спать одна. Даллас стис-нул зубы. Он пойдёт на это, чтобы сохранить жизнь людей племени. Да и свою.

Не было уверенности, что проигравший Арет и любозна-тельный, но жестокий Бос не посчитают «человека неба» бесполезным. В таком случае надежда одна – что жители де-ревни успеют уйти в горы.

Возникла новая проблема – нужно покинуть укрепление, возводимое накануне с таким трудом. Перелезть через нава-ленные камни помешала больная нога. Разбирать забор, зна-чит, рисковать не выстоять при новой атаке.

Подошёл Каспар, который за ночь пришёл в себя. Он предлагал проводить его, ведь без Вурха сложно найти путь среди трясины. Но Даллас уверил, что найдёт дорогу сам, ведь он включал в смартлете запись маршрута, когда они сбегали от Боса. Он взял пончо, на нём заодно можно спать, сушёные запасы еды от матери Гулёнки и увесистый бурдюк с водой из пещеры. Хватит на два-три дня похода. Оставалось лишь не угодить в трясину. Каспар отдал Далласу посох, с которым не расставался, и пожелал доброго пути, пожав руку за предплечье. Даллас же поделился советами – использовать рычаги для расчистки завала, на всякий случай подготовиться к новой атаке, выставив дозорных. А остальное опытный лидер понимал и сам.

Каспар подошёл к ограде и нашёл определённое бревно. Он поддел его палкой снизу и немного отодвинул. Один ствол вкопали в землю не глубоко и не везде перевязали верёвками. Видимо, вспомнив недавнее приключение и проникновение через забор, Каспар догадался оставить незаметный и узкий лаз. Снаружи и не определить, что в стене есть слабое место. В этом Даллас убедился, когда с трудом протиснулся в щель и оказался по ту сторону.

Почти сразу же он споткнулся о труп воина. В нос ударил металлический запах крови. Рядом лежал ещё один с разможённой головой. От взгляда на них подкатывала тошнота, но отвести глаза стоило больших усилий. Чужая смерть непостижимым образом приковывала внимание. Даллас обошёл

крепость и насчитал семь тел. Ещё одно он обнаружил поодаль – видимо, воин истёк кровью, пытаясь отползти.

Путь через болота прошёл без приключений. Даллас боялся нагнать непутёвое войско обозлённого Арета, но они знали эти болота куда лучше, поэтому двигались быстрее. К тому же у них была целая ночь форы.

И всё же, бродя по тропкам и сопкам, Даллас часто останавливался и прислушивался. Редко квакали лягушки, иногда звенели комары, чавкали и булькала жижа под ногами. В остальном стояла могильная тишина.

Даллас часто сверялся с картой смартлета, петляя по болоту, но двигаясь к намеченной цели. Не так уж далеко, если по прямой. Вот только то и дело путь преграждали озера трясины, куда посох Каспара погружался почти полностью.

Спустя пару ночёвок впереди замаячили костры деревни. Весьма кстати, ведь Даллас продрог под дождём и устал от поиска надёжных кочек. Постоянно мокрые ноги опухли и болели. Запасы воды и пищи тоже подходили к концу. Жаль, что люди Боса не пьют ничего, кроме кислой гадости, от которой в голове становится мутно и клонит в сон. Надо разобраться, что это такое.

Даллас спокойно прошёл по знакомой улице, разделяющей деревню на две части. Сторожившие рабов стражники опешили при виде беглеца, для поимки которого снарядили целый отряд. Они тупо глядели на Далласа, идущего мимо, а затем сообразили пойти следом. Но он и сам знал дорогу

– напрямиком к дому Боса.

Он застал вождя и его помощника Арета за молчаливым обсуждением стратегии. На столе кусками еды обозначалась карта боевых действий. Возможно, планировалась новая атака на деревню Каспара. Они так увлечённо двигали куски мяса по блюду, что не сразу заметили посетителя.

Охранник у двери преградил Далласу путь, а Бос и Арет на секунду застыли. Будто не веря глазам, они с глупым видом уставились на вошедшего. Но Арет быстро спохватился. Вскочив на ноги, он оскалился, вынул из ножен короткий меч и двинулся на Далласа. К счастью, в этот момент Бос громко хлопнул в ладоши. Стражник заслонил собой Далласа, а Арет скорее прорычал, чем сказал:

– Дай резать этот собак! Из-за он много мои люди умирать!

Даллас ответил:

– Мои люди тоже погибли. Ты же сам зарезал троих мальчишек. Но я пришёл не за мезтью. Я пришёл, чтобы такое больше не повторялось.

Бос энергично жестикулировал, что-то объясняя Арету. В результате его приспешник, вполголоса произнося диковинные ругательства, убрал меч в ножны и сел справа от главаря. Далласу же Бос жестом предложил устроиться напротив.

Ощувив победу в этом небольшом противостоянии, Даллас продолжил натиск. Он остался стоять и заговорил, смело глядя Босу прямо в глаза:

– Ты знаешь, что я человек из другого мира. У нас всегда есть еда и вода. Нет болезней и прочих бед. Мы почти не ходим пешком, ездим на быстрых повозках. Мы работаем только если нам хочется. Мы не воюем, не погибаем от рук врагов, – он посмотрел на Арета, который глядел исподлобья, – и сами не убиваем, ведь нам нечего делить. Ваши и наши предки жили здесь, на земле. Они развивались, придумывали, как улучшить быт. Я много знаю, а у тебя есть люди. С их помощью я помогу твоему племени стать процветающим, развитым, счастливым...

Бос замахал руками, а Арет перевёл:

– Ты братъ мы в твой мир. Тогда ты живи.

Даллас вздохнул. Скачок из первобытности хотя бы в средневековье за несколько лет – это слишком долго. Им подавай всё и сейчас.

– Я и сам не знаю, как попасть обратно, иначе не сидел бы здесь. К вам ведь приходили люди неба. Если они оставили что-нибудь, возможно, я свяжусь... ммм... поговорю с ними. Они и здесь сделают много хорошего. Наш мир небольшой, там много людей. Вас тоже немало, и вы совсем другие...

Кажется, Бос и Арет перестали слушать Далласа. Они жестикулировали, общаясь между собой. Возможно, решали судьбу единственного небожителя, что видели в жизни. Живой он принесёт больше пользы, чем мёртвый. Правда, они могли заподозрить, что Даллас приведёт армию богов. Но и его убийство в понимании дикарей разгневает таких, как он.

Наконец, они что-то решили. Бос ушёл в другую комнату, а Арет процедил:

– Ты ждать.

Через несколько секунд Бос вернулся, неся в руках вещь, похожую на коробку или большую книгу. Он вручил её Далласу, а Арет объяснил:

– Ты говорить люди неба, они брать ты и мы. Скажи не то – и ты умирать, – в подтверждение слов он снова вытащил меч и положил его перед собой.

Что они себе думают? Что по одному слову Далласа сюда сразу прибудет полк солдат?

Коробка Боса оказалась древним терминалом. Таким старинным, что Даллас даже не видел подобные устройства вживую. Хотя он интересовался техникой и изучал историю компьютеров, смартфонов и смартлетов, читая «Цивилопедию».

Даллас раскрыл прочный чехол из прорезиненного металла. Внутри оказался экран из той эпохи, когда интерактивные изображения не проецировались на любую поверхность. Ещё забавнее выглядели кнопки с буквами и цифрами на нижней части корпуса. Для каждого символа отдельная клавиша. Об управлении взглядом, надо полагать, тогда не подозревали.

Отдельно от остальных располагалась кнопка со знакомым символом включения. Даллас нажал на неё, но ничего не произошло. Он нажимал сильнее, держал дольше, но

устройство не работало. Бос рассказал через Арета, что Титор («тьфу на имя то!») говорил с небожителями через эту штуку. Но похоже, элементы питания для неё тоже приносили те, кто спускался. Или этот терминал попросту сломался. Хотя по корпусу видно, что обращались с ним аккуратно.

Даллас разобрал устройство, чтобы проверить внутреннее состояние, но без инструментов он лишь избавил его от массивного чехла и вынул батарею. Цифры на наклейке показывали силу тока, необходимую для зарядки. Вот только розеток на болоте не было.

– Я починю это, – заключил Даллас. – Но мне понадобятся инструменты и другие вещи жителей неба, если они у вас есть.

Арет и Бос, наблюдавшие с опаской, как Даллас умело разбирает великое и непостижимое сокровище, переглянулись и одновременно кивнули.

Глава 12

Несколько дней Даллас при помощи людей Боса собирал по деревне амулеты и талисманы, которые на поверку оказывались диодами или конденсаторами. Осколки цивилизации. Одним артефактам жители придавали сакральное значение, другие приспособили в хозяйстве. У кожевника нашлась прекрасная тонкая отвёртка – ей он делал дырки в шкурах, чтобы сшивать куски. У толстого Жона под подушкой лежал оберег от клопов – плата с парой резисторов. От насекомых, конечно, не помогало, а резисторы пригодятся.

Даллас не был уверен, что старый терминал можно воскресить, но стоило попытаться хотя бы зарядить батарею. Добыть электричество не так сложно. Либо использовать химические элементы, либо магниты и соленоиды. С химией Даллас не слишком дружил, поэтому он принялся накручивать катушки из обрывков проводов и магнитов, которые носили многие воины. Они прикрепляли их к металлическим наручам и верили, что «липкое железо» поможет им прицепиться к этому миру, то есть, выжить. Когда Даллас попросил их отдать, воины не выразили удовольствия, но помог Арет. Он пообещал отправить непослушных на тот свет – есть амулет или нет. Это действовало.

Деталей всё равно не хватало. Тогда Бос отправил Далласа с Жоном и другими людьми в посёлок, где собирались тор-

говцы, да и просто те, кому есть что продать. Они устраивали ярмарку раз в несколько дней. Днём велась бойкая торговля, а по вечерам люди обменивались культурным опытом, устраивая показательные выступления с песнями и плясками.

Даллас с компанией прибыл на место к вечеру, поэтому сперва у него появилась возможность посмотреть на большое скопление людей и шумные представления. Барабаны и погремушки задавали ритм, дудки выводили нехитрые мелодии. Парни и девушки разной степени одетости выходили в круг, показывая на что способны. Для них это приносило и материальную пользу: со зрителей собиралась добровольная плата, и многие, если шоу нравилось, не скупились на горсти сушёных жуков и прочие мелочи. Один юноша подарил танцующей девушке ожерелье, и она ещё долго ему улыбалась.

Здесь же работали продавцы еды, громко зазывая прохожих к прилавкам на разных наречиях. Угощали насекомыми, грибами, а иногда даже мясом. Спутники Далласа брезгливо морщились на жуков и личинок, считая эту еду низкой. Они поели тушёных грибов, расплатившись браслетом, что кулинара вполне устроило. Порция горячей и вкусной пищи досталась и Далласу.

Наравне с едой, зазывалы приглашали получить и другие удовольствия от жизни. Люди подходили за чашами с резко пахнущим пойлом из большого чана. Некоторые из них уже нетвёрдо стояли на ногах, допивая явно не первую порцию. Но смущало не это. Вдоль дороги стояли голые рабыни,

а хозяева нахваливали товар, перечисляя их умения. К счастью Далласа, половину слов он не понимал. Но и остального хватало, чтобы покраснеть и снова поразиться местным нравам. Здесь люди не стеснялись. Отходили с девушками к подстилкам неподалёку, где и пользовались их услугами. Так же поступали и с естественными потребностями – справляли нужду где придётся, лишь на шаг-другой отойдя от дороги.

Показался большой барак, где люди побогаче проводили ночь с комфортом. Под комфортом понималась солома на полу, да общий горшок у входа. Двое стражников привязывали рабов к столбу и охраняли сон и имущество постояльцев. Хотя многие из них не спали, а оживлённо вели беседы, сидя на полу. Если не утомительное путешествие, Далласу нипочём не удалось бы уснуть.

Ранним утром торговцы проснулись и снова принялись перекрикиваться и хохотать, собираясь на торжище. Вышла на ярморочную улицу и компания Далласа.

Каких только товаров не было на этом рынке! Даллас увидел немало знакомых вещей из своего мира. По большей части мусор: сломанные устаревшие гаджеты, пластиковая упаковка, детали от механизмов и транспорта. На некоторых прилавках наравне с кусками целлофана выставлялись обрывки современной ткани и одежды. Вот откуда логотип «Адинайк» на его пончо! Он спрашивал, где торговцы берут эти вещи, но в ответ получал угрюмые и подозрительные взгляды, а то и эмоциональные выкрики. Слова незнакомые,

но интонация отлично передавала смысл.

Жон объяснял, что есть место, охраняемое войском едва ли не большим, чем у Боса. Да ещё и вооружённое «бабахами» – палками, из которых с грохотом вылетают железные мухи, кусающие насмерть. Эти люди никого не пускают за периметр. Лишь торговцам позволено подходить к воротам, чтобы обменять продукты и рабов на диковинные вещи.

Люди Боса, пришедшие с Далласом, тоже привели с собой нескольких невольников. Торговля людьми происходила на отдельной части рынка. Понурые связанные рабы стояли, потупив глаза, а покупатели прогуливались мимо и осматривали живой товар со всех сторон. Даллас с отвращением наблюдал, как они залезали несчастным пленникам пальцами в рот, считая зубы. А если покупателю приглянулась девочка, он осматривал самым бесстыдным образом и куда более сокровенные места.

Хотелось закричать, что это ужасно, бесчеловечно. Так относиться друг к другу нельзя! Все люди рождены равными и свободными! Но его бы просто не поняли. Ни запуганные рабы, привыкшие терпеть всё, что с ними делают, ни тем более хозяева, строящие благополучие на спинах невольников.

Даллас вспомнил школьные курсы. К сожалению, человечество всю историю разделялось на рабов и господ, на бедных и богатых, на крестьян и помещиков. Можно сказать, что и после глобальной катастрофы это разделение не исчезло. Безмятежная жизнь небесных городов строится на тех,

кто добывает ресурсы внизу.

Даллас отвлёкся на детали для зарядки терминала. Он нашёл на прилавке небольшой электрический мотор. Такие стоят на многих роботах-уборщиках и в других бытовых приборах. Продавец привязал к нему верёвку и утверждал, что это оружие. Если раскрутить как следует, пробьёт голову. Наверное, на этом рынке отыщется и микроскоп для заколачивания гвоздей.

Но сейчас Далласа интересовали электрические приборы. Он искал инструменты, провода и детали без видимых повреждений, чтобы собрать зарядное устройство. Получилась порядочная сумка старой и сломанной электроники. Жон, выручив за рабов позолоченные украшения, обменял часть их на железные изделия, а ими рассчитывался с продавцами.

– Ах ты жалкий таракан! – пылко торговался Жон за моторчик, – ты думать, я болван и не знать скок стоить твой хлам? Три ножа!

– Не хош – не бери, а каб надо, мне дай не меньше ножей, чем у мя палец на двоих руках. – отвечал торговец, не собираясь уступить.

– Да ты хоть знать, кто я? Лишь я сказать – и Арет прийти твой деревня. Моли, чтоб оставлять на двоих руках хоть по пальцу!

Побледневший торговец утратил запал, и они сошлись на пяти ножах.

Даллас спросил о деньгах, но этим поставил Жона в ту-

пик. Дикарь не понимал, как все племена договорятся использовать одинаковые металлические кружочки, вместо понятного обмена. Ведь тогда любой, кто начеканит их больше, скупит всех рабов, а остальным придётся работать самим. Доводы Далласа об экономике он не воспринимал категорически. Так же, как и небожитель не понимал, сколько железных ножей стоит связка цветных бус. «Скока дадут», сказал Жон. Он-то знал цену каждой вещи.

Даллас прикинул, что стоимость его запчастей равна двум рабам. То есть, два человека лишились домов, семей и спокойной жизни, чтобы переходить от хозяина к хозяину, тяжело работать за скудную еду. Остаётся надеяться, что ремонт терминала будет того стоить. Возможно, если получится связаться с управителем Смитом из Ориона, он пришлёт помощь. Сюда спустится экспедиция, которая подскажет людям, как прожить без рабского труда; химики и ботаники придумают, как прокормить людей без обилия солнечного света; медики избавят их от болезней, подсадив в кровь микробов и снабдив лекарствами; учителя привьют дикарям вкус к культуре. Конечно, не всё сразу, но год за годом, племя за племенем эти люди станут лучше и цивилизованнее. А он, Даллас, войдёт в историю как тот, кто начал этот процесс.

Долгая обратная дорога настраивала на разговор, так что Даллас расспрашивал Жона, почему в ходу рабский труд, ведь это неэффективно. Для толстяка многое из того, что говорил Даллас, казалось немыслимым. Он не понимал, как

обойтись без рабов. Правда, сам им не доверял даже прибраться в доме. Говорил, одна рабыня подбросила ему в постель «гада ядова», за что её сожгли живьём, а он теперь спит среди объедков и мусора. На вопрос мог ли гад заползти в постель без участия служанки, ответил, что такое возможно. Но та рабыня злилась, что он не спал с ней так часто, как с другой, помоложе. Жон потом догадался, что гада могла подложить и молодая, чтобы он избавился от соперницы, поэтому на всякий случай сжёг и её.

Толстяк так спокойно рассуждал про убийства, будто речь шла не о живых существах, а о предметах. Когда вещи становятся бесполезными, их выбрасывают. Когда рабы не устраивают, их убивают. Или продают, если нужны другие ценности.

Жон, похохатывая, рассказывал истории про господ, что проигрывали всех рабов и всё имущество, после чего их забирали в неволю. Из таких получались самые бесполезные слуги, которых нужно подолгу бить, чтобы начали работать. А лучшие невольники получают из диких бродяг гор. Они послушно выполняют самую тяжёлую работу, лишь бы им дали миску похлёбки. Неудивительно, ведь жизнь у них непроста – караулить редких кочевников, ловить горных зверей, воевать с соплеменниками и поедать друг друга.

Даллас вспомнил битву во время спуска с гор. Что ж, несколько бродяг избавились от рабства и тяжёлой жизни. Даже неизвестно, что для них лучше. Вариантов родиться в

городе над облаками, пусть и в инкубаторе, им не предлагалось.

Тяжёлые раздумья сопровождали Далласа остаток пути. Но решимость починить терминал лишь крепла. Он видел в этом последний луч надежды для себя и этих людей. И когда они дошли до деревни, он наскоро поел и сразу взялся за детали. Правда, через несколько минут понял, что валится с ног и лёг спать, проверив, не забрался ли в постель «ядов гад».

Со свежей головой дело пошло быстрее. Даллас покрутил шестерёнку моторчика. Когда-то эта деталь превращала электрическую энергию в механическую, теперь же всё будет наоборот.

Не заботясь о компактности и красоте, Даллас собрал простенькую схему из нескольких диодов, конденсаторов и других деталей, выпаянных раскалённой проволокой из купленных «амулетов» и «оберегов». Он приделал ручку к моторчику, но понял, что скорости вращения напрямую не хватит, чтобы достичь необходимой силы тока. Нужно либо мастерить систему шестерёнок, что сложно сделать в этих условиях, либо придумать, как крутить ось мотора быстрее.

Даллас прикидывал, как построить водяную мельницу, но это слишком долго и сложно. Если использовать силу нагретого воздуха, не хватит мощности. А вот струя сжатого пара подойдёт. Но для этого нужны трубки, поршни. Таких деталей он не принёс с ярмарки. Но ведь эти люди где-то бе-

рут ножи, браслеты и другие металлические вещи. Почти все они не из прошлого.

Оказалось, что в посёлке есть кузница. Она стояла на отшибе, поэтому Даллас сразу её не заметил. Жон представил пожилого раба-кузнеца. Правда, его язык совсем не походил на современный. Но Жон утверждал, что это очень умелый мастер – его покупка обошлась Босу весьма дорого. Судя по миниатюрным искусным украшениям, над которыми работал кузнец, он действительно стоил своих денег.

Даллас попытался объяснить, что ему надо при помощи Жона, но толстяк и сам не очень хорошо знал язык племён, из которых вышел этот раб. Оставалось надеяться, что кузнец поймёт чертежи.

Намучившись с выбором материала для изображения схемы, Даллас выбрал деревянную доску. Обтесав и поскоблив ножом, придал ей более или менее ровную форму и принялся вырезать чертёж, который он помнил из курса физики. Прототип паровой турбины ещё в античные времена собрал Герон Александрийский. Жаль, не догадался использовать пар вместе с поршнем, ведь до него он тоже додумался. Это приблизило бы расцвет цивилизации на добрых полторы тысячи лет. Вместо этого Герон строил автоматы для раздачи «святой» воды за деньги и помогал жрецам в храмах создавать иллюзию божественного присутствия. Возможно, тогда ещё не пришло время парового двигателя, фабрик и индустриализации. Должны были расцвести и рухнуть гигант-

ские военные цивилизации, разбрестись по миру и осесть на месте варварские племена. Чуме потребовалось выкосить огромную часть человечества, а инквизиции нагнать страху на остальных. Лишь спустя несколько веков, множество войн и испытаний, началась, наконец, эпоха просвещения, давшая слово изобретателям и учёным.

Даллас взял немного оплавленного сала со свечи и втёр его в доску. Затем соскоблил ножом лишнее. Бороздки стали отчётливо видны. Лишь бы мастер понял, что ему предстоит собрать. Кузнец долго смотрел на чертёж, водил пальцами по поверхности. Понятно, что для него такой заказ – что-то из ряда вон. Даже мысль, что можно изобразить, какую вещь хочешь выковать, вряд ли приходила ему в голову. Но он указал на схему и принёс трубку из меди, которая как раз подходила.

И Даллас понял, что всё получится.

Глава -6

– Пора бы тебе начать работать, – сказал как-то раз Римус. Ему выпало отцовствовать над Далласом неделю спустя после его шестнадцатилетия. – Начнёшь с чего-нибудь простого, потом поймёшь, что тебе нравится и найдёшь работу по вкусу. Нечего на шее управителей сидеть, каждый гражданин должен приносить пользу обществу, трудиться во благо цивилизации.

Римус часто это повторял. Сам он жил работой, пропадая в лаборатории даже в те дни, когда на его попечении оказывался Даллас. Лучшее развлечение, что он мог предложить – это привести в свой цех и показать, как выращивают мясо и проходят опыты по улучшению процесса.

Далласу всё это казалось невероятно скучным. Больше всего он радовался, когда наступал обед и в кантине подавали «МакБургер» с самой свежей в городе котлетой. Мясо ещё утром пульсировало в колбе, наливалось соками, наращивало белок, а теперь, превратилось в фарш и, пошипев на плите, чудесно сочеталось с листьями салата и булочкой. Пожалуй, ради этого иногда и стоило ходить на работу к Римусу.

Коллеги часто выпроваживали из лаборатории чрезмерно усидчивого учёного. Советовали, куда сводить ребёнка, а то и сами развлекали его, если Римус слишком глубоко погружался в вычисления за терминалом или застывал над мик-

роскопом. Среди них было немало весёлых ребят, готовых в любое время приостановить исследования ради паренька. В отличие от Римуса. Для него работа всегда стояла на первом месте. Он часто говорил, что не понимает, как управители решились выплачивать безусловный доход – гражданам платили лишь за их существование. И немало! По мнению Римуса, это развращает, снижает мотивацию к развитию личности. Так и до деградации общества недалеко.

– Наступит тот день, – подняв палец вверх, пророчествовал Римус, – когда все роботы сломаются, и никто не сумеет их наладить! Однажды наш вид уже оказался на грани гибели, и только тяжёлые усилия помогли нам построить воздушные города. А кто не трудился – остался внизу.

Возражения юного Далласа, что даже сейчас есть роботы-ремонтники, которые частично чинят другие механизмы, понимания не нашли. Дескать, мозг человека – это то, чего не дано достичь искусственным алгоритмам, как бы хороши они ни были.

Даллас и сам не стремился к безделью после окончания школы. Он спорил с Джеффом на эту тему. Тот очень тяготился занятиями и не мог дождаться свободы. После финального теста он целиком погрузится в то, что нравится: виртуальные игры, просмотры тридэшек и всё остальное. Он воодушевлённо рассказывал, как неделю после школы не вылезет из бассейна, потом без перерыва будет кататься на сноуборде. А как он влипнет в «Легенды природы»...

Джефф всегда был таким. Если что-то его увлекало, то с головой. После выхода нового дополнения игры он не спал сутками, проводя в виртуальности невообразимое количество часов. Он даже пропадал из всех сетей на месяц или два. Когда начал осваивать сноуборд, не мог остановиться и сотрудники сгоняли его с горы, потому что горнолыжный центр закрывался. Далласу же спустя час или два надоело заниматься одним и тем же. Новая игра наскучивала, смотреть подряд несколько тридэшек, как делал Джефф, да и многие другие, он тоже не мог. Иной раз и хотелось бы увлечься так, чтобы захватило, но случалось это крайне редко и ненадолго. Возможно, работа станет тем интересом в жизни. Увлечением, которое захватит его так же, как Римуса.

Но всё оказалось куда прозаичнее. Римус устроил подопечного на склад комбината. Там он лепил наклейки на контейнеры с мясом, ожидающие отправки в кантины. С этим прекрасно справлялся и робот, но Римус, чтобы освободить вакансию для Далласа, отключил его.

– Начни с малого, – поучал он. – Это простая работа, но со временем мы найдём для тебя дело поинтереснее. Подумай пока, чем бы ты хотел заниматься.

Легко сказать: подумай. Целая жизнь – это пропасть времени, когда тебе шестнадцать. Невозможно предположить, какое дело не надоест за несколько десятков лет. Сосредоточиться получалось только на простых вещах: в один момент

хотелось пить, в другой – в туалет. Тянуло посмотреть новую тридэшку или зависнуть с Джеффом в молле, поглядывая на девчонок. А придумать, чем заниматься всю жизнь, не выходило совершенно.

Далласу надоело возиться с наклейками уже спустя двадцать минут. Это монотонное занятие не требовало больших навыков или гениального ума. Знай себе – отделяй стикеры от подложки и шлёпай на контейнер. Сегодня производили один вид мяса – наклейки красные, а вчера другое мясо – розовые.

Когда с первым рядом контейнеров было покончено, Даллас увидел, что куда больше штабелей стоят не обклеенные. Он вздохнул и включил робота. Благо, все настройки сохранились, и механизм точно знал, что и куда клеить.

Автомат живо расправлялся со стопками контейнеров, так что Даллас открыл смартлет и запустил мультик.

– Что сидим? – застал врасплох Римус, неожиданно посетивший склад. – Все контейнеры нужно обклеить до конца дня, иначе погрузчики их не заберут.

Даллас хоть и вскочил на ноги, спрятав смартлет за спину, показал на контейнеры как можно невозмутимее:

– Но ведь всё уже готово...

Римус осмотрел работу. Всё обклеено, стикеры правильные, прилеплены ровно... слишком ровно. Он подошёл к роботу, запустил терминал. Системный журнал говорил, что работал вовсе не Даллас. И за эту хитрость пришлось отди-

рать наклейки, а затем лепить их снова. Уже под бдительным надзором временного отца. Будто бы ему нечем больше заняться.

На следующий день Даллас приклеил с десяток стикеров для вида, а затем полез в терминал робота. Никто и не подумал защитить хотя бы паролем консоль складского механизма. Полная свобода действий. Наклейки, значит, слишком ровно приклеены? А если написать небольшой скрипт, меняющий настройки координат в случайном порядке? В определённом пределе, естественно. Добавить вращение. Так робот будет клеить стикеры как человек – как и куда придётся. А системные журналы за последние сутки легко подправить.

Вспоминая школьные курсы программирования, Даллас набросал пару простеньких циклов и сохранил файл в укромном месте. Осталось любоваться своей работой, тайком включая робота каждые пару часов. Машина действовала куда быстрее человека, так что остальное время Даллас проводил за просмотром мультиков и не боялся попасться. Даже Римус, явившийся с проверкой, не заметил подвоха. Наоборот, похвалил за усердие.

Тем не менее мультики быстро наскучивали Далласу. Он стал ковыряться в запчастях и механизмах, которые хранились на складе. Там же лежала сломанная техника. Разобрав парочку роботов от нечего делать, Даллас понял, что справится с ремонтом одного из них, а затем разобрался, как починить и второго.

День за днём он проводил на складе, выискивая неисправные устройства. Он выяснял, как они устроены, просматривал в сети, как их разбирают профессиональные ремонтники, и повторял этот процесс. Вскоре это заметил и Римус. Как выяснилось, он получил доступ к видеонаблюдению и давно разгадал хитрость с наклейками. Но оценил, как именно Даллас настроил робота, и хотел посмотреть, на что парень потратит время. И он не разочаровался в приёмном сыне. Позже оформил его в качестве механика официально.

С этой работой была лишь одна проблема – на комбинате не так часто ломалось оборудование, и Даллас большую часть времени скучал. По настоянию Римуса он взял несколько учебных курсов, касающихся физики, химии и математики. Когда полки склада пустовали, он решал задачи и получал новые знания, просматривая образовательные роли.

Спустя два года он записался стажёром в мастерскую, где несколько месяцев ходил по пятам за ремонтниками, а потом выполнял заказы и сам. Кроме того, в мастерской имелись возможности для конструирования различных механизмов и приспособлений. В свободное от заказов время Даллас строил подвижные модели старинных вертолётов, танков и другой техники. Собрал интересный транспорт – велосипед. Чтобы он поехал, нужно работать ногами! К тому же на двух колёсах без автоматики с гироскопом не так просто удержать равновесие. Но Даллас научился ездить на этой штуке. Кол-

леги долго удивлялись и снимали роли. Их волновало два вопроса – «как?» и «зачем?». Никому из них не пришло бы в голову крутить педали усилием ног, когда каждому доступны гиросиклы, гиросады, или, на худой конец, кэбы.

Даллас и сам не нашёл применения этой двухколёсной штуковине. Он как-то раз проехал на нём домой и в мастерскую, но выезжать на шоссе, где проносились гиросады, не рискнул, а на тротуарах люди плотными группами облепили старинное устройство, записывая роли на смартлеты. Далеко не уедешь. Наверное, раньше, когда не было даже автомобилей и самолётов, велосипеды пригодились.

Но сейчас совсем другое время.

Глава 13

Через несколько дней миниатюрная паровая турбина была готова. Даллас часто приходил к кузнецу, показывая знаками и рисунками, как доработать деталь, если получалось неправильно. Раб послушно кивал и делал.

Когда Даллас впервые проверил механизм, показалось, что ничего не сработает. Вода в резервуаре долго нагревалась от огня. Но вот появился шум, редкое бульканье. Пар по трубкам-держателям поднимался к металлической сфере, накапливаясь внутри. Сверху и снизу торчали изогнутые сопла. Вырываясь, горячие струи раскрутят шар. Но пока этого не происходило. Несколько минут Даллас, закусив губу, слушал, как нарастает гул. Кузнец стоял неподалёку. Наверняка пытался понять, для чего извёл столько хорошей меди.

Шум нарастал, из торчащих трубок едва заметно пробивался пар. Шар покачнулся, затем крутанулся и начал быстро вращаться, с шипением выбрасывая из себя горячий пар и капли кипятка. Кузнец с криками выбежал прочь, но Даллас этого не заметил. Он наблюдал, насколько стабильно крутится турбина.

Шар вращался так быстро, что трубки-сопла стали неразличимы в полумраке кузницы. Пар клубами окружил механизм и его конструктора. Возможно, стоило запускать его

под открытым небом. Но всё это неважно, когда вот-вот получится добыть электричество, зарядить терминал и... А что будет дальше – станет ясно потом.

Даллас вставил моторчик в держатель, приблизил его шестерёнку к шарниру, на котором крепился крутящийся шар. С жужжанием моторчик включился в работу. Турбина, кажется, и не замедлила оборотов с такой небольшой нагрузкой. Но пока не ясно, хватит ли этой скорости.

К двум торчащим проводкам Даллас присоединил фонарик, купленный на рынке. Он представлял жалкое зрелище – без корпуса и стекла, лишь ряд выпуклых светодиодов на блестящей подложке, да миниатюрная плата с электроникой. Надеюсь, что этот нехитрый прибор пережил катастрофу и несколько десятков лет хождения по рукам, Даллас щёлкнул кнопкой выключателя.

В этот момент в мастерскую вошли Бос и Арет. Их сопровождали воины, а за их спинами прятался напуганный кузнец. Направленный на них фонарь ярко вспыхнул. Кузнец испуганно закричал, воины выхватили мечи. Все закрывались руками от слепящего света. Но через секунду раздался хлопок и свет пропал. Даллас печально посмотрел на дымок и поморщился от запаха горелого. Напряжение оказалось даже слишком велико, и Далласу придётся мастерить устройство, чтобы его понизить, иначе есть риск сжечь контроллер батареи терминала.

Вошедшие опомнились. Они моргали, ругались и махали

руками, пытаясь прогнать тёмные пятна перед глазами. Арет грозно оскалился, вынимая кинжал:

– Ты вызвать злой дух, что слепить нас? Ты колдун! Но твой демон слаб, я видеть тебя, чтоб убить!

Всё же подойти Арет не решался. Скорее всего, из-за шипящей турбины. Она всё ещё бешено вращалась, изрыгая пар. Как бы ни хотелось по сильнее напугать детоубийцу, Даллас постарался остудить конфликт:

– Я не хотел вас ослепить. А это не злой дух, а паровая машина и электричество. Чтобы заработало вот это, – он указал на терминал, который Бос держал всё это время в руках. – Но мне нужно больше времени.

Бос тронул Арета за плечо и кивнул на выход. Воины попятнулись, не поворачиваясь спиной к невиданной угрозе. Кузнец так и остался снаружи. А Даллас облегчённо выдохнул. Он решил, что турбину пора остановить и убрал огонь из-под котла. Вода перестала кипеть, а шар вращаться. Эту часть эксперимента можно считать успешно завершённой.

Спать простенький адаптер питания с помощью толстой проволоки, нагретой на свече, не составило большого труда. Работая ремонтником, Даллас починил бесчисленное их количество. К счастью, электроники хватало в тех приборах, что он приобрёл на ярмарке. Куда сложнее оказалось объясниться с Босом.

Когда все элементы импровизированного зарядного устройства были собраны и проверены на перепаянной схе-

ме светодиодов, Даллас отправился за терминалом. Но Бос не спешил подвергнуть сокровище испытанию злыми духами, не получив гарантий. Арет перевёл жесты главаря:

– Направь силу неба на нас – мы успеть убивать твой племя. Воины уже ждать там. И если к ним не приходиться гонец, они нападать с приходом другая ночь. Они жечь-ломать забор и мучить все жёны, дети...

– Ладно, ладно, я понял! – перебил кровожадные описания Даллас, – Я не направлю силу неба против вас. Я попрошу помощи. Вам нужны лекарства, инструменты, знания. Люди неба помогут вам, как делали когда-то. Но взамен я требую, чтобы вы не нападали на это мирное племя. Не забирайте у них последнюю козу, они и так голодают. Они больше не платят вам дань. Или помощи не будет. Это понятно?

Арет с не меньшим интересом, чем Даллас, смотрел на Боса. Тот, видно, обдумывал варианты, прищурился. Но в итоге кивнул.

Даллас продолжил, проговаривая каждое слово, чтобы его поняли:

– Я не уверен, что с терминалом всё получится. Его не включали много лет. Но если жители неба не услышат меня, я всё равно сделаю всё, что смогу, чтобы вы все жили лучше. Я расскажу всё, что знаю и поделюсь всем, что умею. А вы уже видели, на что я способен.

Бос кивнул и на этот раз. Похоже, вспышка электрического света и паровой генератор произвели на дремучих людей

впечатление. Но Даллас не закончил:

– Чтобы знать, что ты, Бос, держишь слово, я буду уходить каждый седьмой день и проверять племя. Обещаю возвращаться до того, как пройдёт ещё семь дней. И если с ними что-то окажется не так, то делай что хочешь, но от меня ты помощи не получишь.

Улыбнувшись этой хитрости, Бос что-то показал жестами. Арет объяснил:

– Бос принимает твой слово. Ты может ходить туда-сюда твой племя. Но если ты не вернуться... Никто и ничто не помочь тебе и они.

На том и разошлись. Даллас взял устаревший терминал в мастерскую. Никто, даже кузнец не рисковал войти вслед за ним. Лишь спустя несколько минут на пороге появился перепуганный Жон. Получив тычок под зад, он кубарем влетел в помещение, едва не опрокинув турбину. Толстяк в диком страхе отполз в угол и принялся перебирать амулеты в руках, бормоча молитвы. Очевидно, его прислали следить за тем, что делает Даллас. Даже к лучшему – зрители не помешают. Даллас подложил под чан с водой щепок и принёс из печи головёшку.

Хоть Жон и не видел первой вспышки, его явно впечатлили рассказы очевидцев. Он жмурил глаза, закрывал их руками, но потом всё равно подглядывал сквозь пальцы, пока Даллас занимался делом. Подождав, пока турбина раскрутится, он попробовал языком контакты адаптера. Щипа-

ло сильно, но не чересчур. Скорее всего, напряжение не сожжёт батарею терминала. Он как раз держал её в руке, вытащив из корпуса. Надёжная старая техника. Кажется, раньше, до появления небесных городов, такие вещи выдавались военным, и они пользовались устройством в самых сложных условиях.

Даллас нашёл контакты плюса и минуса по рисунку на корпусе аккумулятора и подключил провода от генератора. Хороший знак – ничего не произошло. Не заискрило, не взорвалось, не расплавилось. Даже Жон вытаращил глаза из своего угла. Сколько заряжается такая батарея, Даллас не имел понятия. Он подождал несколько минут, но нетерпение взяло верх. Подумать только! Возможно, он в шаге от разговора с согражданами, от возвращения домой.

Даллас собрал терминал и с трепетом нажал на кнопку включения. На этот раз экран осветился, отобразив поток цифр. С замиранием сердца Даллас наблюдал за процессом загрузки. Хотя он никогда не сталкивался с такими старыми устройствами, принцип их работы не поменялся – процессор, память, хранилище... Текст сообщал об успешном проведении диагностики. И вот, отобразилась статичная картинка со значками аппов. Или, как их тогда называли «приложениями».

Полный радостного предвкушения, Даллас заметил на самом видном месте значок «Связь с базой». Он запустил его, пошло соединение, но... «Сервер не найден» выдала про-

грамма спустя пару минут. Даллас похолодел. Снова и снова он запускал соединение, но неизменно натыкался на тот же результат. Он проверил другие значки, но они не представляли ничего примечательного. Только один файл с названием «Дневник Треи» показался интересным. Но слабо заряженная батарея села, и терминал погас.

Выходит, несмотря на невероятную удачу, что это устройство всё ещё работает, усилия оказались напрасными. Уже давно никто на Орионе не ждёт соединения от забытого невесть когда терминала. Серверы отключены, связи нет.

– Не работает, – сказал Даллас Жону. И тот с готовностью помчался докладывать об этом Босу.

Даллас всё же как следует зарядил батарею. Дневник поможет разобраться, что здесь происходило несколько десятков лет назад. Да и организовать альтернативный способ достучаться до небесного города тоже стоило попробовать.

Несколько дней заняло изучение принципов работы радиомодуля. Повезло, что военные терминалы на всякий случай обеспечивали всевозможными инструкциями и документацией. В том числе, как исправлять проблемы в самом устройстве. Используя навыки программирования, Даллас написал простой скрипт, который отправлял разнообразные сигналы по всем радиочастотам. Если хоть один человек случайно проверит эфир, то услышит «СОС» на морзянке, а также координаты, полученные со смартлета и голосовое сообщение от Далласа.

Вот только теперь никто не слушает радио. У всех есть сеть, доступная с любого устройства – от смартлета до репсул. Даллас в своё время увлекался радиотехникой. Ловил сигналы старых спутников, передающих бесполезные теперь сведения о погоде и бесконечных облачных фронтах. Но он не знал никого, кто бы разделял этот интерес. И всё же, надеяться стоило.

Старик, который помнил, как прилетали небожители, подозрительно скоропостижно умер за день до того, как вернулся Даллас. Остальные тогда, – четверть века назад, – были слишком юны или жили в другом месте. Только дневник в старом терминале мог рассказать, что здесь делали орионцы.

Его вела девушка по имени Трея. Она описывала уже знакомое Далласу примитивное сообщество, много и эмоционально писала, как сильно она скучает по своему бойфренду. Пусть он и не обещал её ждать, а потом и вовсе перестал отвечать. Но это её не отталкивало, и она с уверенностью писала, что стоит вернуться на Орион, как всё станет лучше прежнего.

Полезной информации оказалось не так много. Но всё равно Далласу было приятно читать текст человека с близкими ему мировоззрениями. Несмотря на устаревшие слова, то и дело проскакивающие в документе.

Трея писала, что их экспедиция прибыла для обучения малолетних детей. Им прививали культуру и цивилизованное поведение. Лучшим учеником неизменно оказывался

один из сыновей Титора. Он аккуратно ел ложкой, считал до десяти, выучил, когда и какие слова вежливости следует употреблять. Она также с большой любовью рассказывала и о других детях, которым преподавала на протяжении двух месяцев.

Ещё девушка записывала переживания о недостаточной помощи Ориона диким племенам. Даллас удивлялся, что такие экспедиции вообще существовали. В школе ему рассказывали, что после Великой катастрофы на земле не выжил никто.

Заканчивался дневник на полуслове. Трея в очередной раз писала обращение к возлюбленному, уверяя, что «сохраняет верность, несмотря на внимание некоторых». На этом записи кончались. Видимо, экспедицию свернули, и Трею увезли домой, почему-то бросив терминал здесь. Даллас раз за разом перечитывал дневник, и надеялся, что у этой девушки с её бойфрендом всё сложилось хорошо.

Глава 14

Даллас, как и обещал, остался в деревне Боса. Каждый день он проверял подключение терминала к Ориону, но ничего не поменялось. Прошло уже два месяца, но на сигнал о помощи не отвечали.

Бос быстро освоил письмо, и теперь между ним и Далласом шла борьба за правописание. Главварь не желал мириться с правилами и знаками препинания. Не понимал, почему некоторые слова пишутся не так, как слышатся. Он выкинул из обихода лишние, по его мнению, буквы, сокращал слова, опускал гласные. Даллас подумал, что если бы он сам учился письму, будучи взрослым, то к грамматике тоже отнёсся не так беспрекословно, как в детстве.

Заданием Боса было писать заметки понятные не только ему. Недолго думая, Даллас предложил рассказать о своём детстве и как он боролся с Титором.

Так выяснилось, что полное имя главваря – Бостон. Так назвала его мать. Они жили вдвоём в пещере, вдали от людей после побега из деревни на болотах. До этого она пряталась с ним на руках в погребке. Младенцы часто кричат, поэтому его мать решила влить ему в глотку что-то вроде уксуса, чем навсегда лишила его голоса. Зато их не обнаружили воины тирана, хотя он устроил масштабные поиски. Даллас холодел, когда представлял себе эти события, разбирая кара-

кули Боса.

На протяжении всего детства мать постоянно рассказывала, как Титор издевался над ней многие месяцы, как он истязает народ, убивает людей ради забавы. Тиран окружил себя холоуями, которые за небольшую подачку унижались и выполняли любую мерзость, что взбрела в голову Титору. Непокорные племена целиком шли под нож. А те, кого угнали в рабство, предпочли бы оказаться среди погибших.

Мать заставляла Бостона тренироваться – оттачивать удары, лазить по горам, бегать и часами стоять в стойках. Заставляла свежевать крыс и разбираться, как устроен организм. Своими рассказами вкладывала ненависть к Титору и его приспешникам. А когда мальчик подрос, они пошли на рынок. Там она узнала соратника Титора. Тот как раз искал свежего мальчика для утех, и ему на глаза попался Бостон. Вот только он не подозревал, что у этого молчаливого ребёнка за поясом нож, и он точно знает, куда его воткнуть, чтобы человек бесшумно умер, не привлекая внимание охраны.

Позже Титор со своей бандой перевернул весь рынок, но так и не выведal, кто лишил жизни его друга. Шли годы, и один за одним важные люди из окружения тирана то и дело попадали в засаду, травились выпивкой и едой, тонули в ядовитых болотах. У многих был зуб на Титора, поэтому подробности о каждом новом убийстве передавались из уст в уста. Не без помощи матери возник слух, что человек по имени Бостон собирает людей, уставших жить под пятой же-

стокого правителя. Молва сократила имя, и теперь каждый раз при гибели богача, в толпе зевак слышалось «Бос, Бос, Бос».

Когда набралось достаточно людей, отряд Боса штурмом взял город. Верных Титору людей перерезали, а его самого убили после долгих истязаний. Его мольбы о пощаде уничтожили лояльность тех, у кого она оставалась, а предсмертные вопли заставили преклониться перед новым вождём – Босом.

Даллас с трудом понимал текст, многое домыслил, составляя историю главаря. Он так и не понял, случайно ли имя Бостон. Ведь раньше существовал такой город, но здешние люди не знали истории. Неясно и то, куда делась мать Боса. От вопросов он уклонялся, лишь однажды написал, что «никто не камандуй Бос». Похоже, женщину, вложившую жизнь в сына, как в орудие своей мести, в итоге заставили исчезнуть.

Помимо обучения главаря письму, Даллас применял знания и навыки в жизни людей, потерявших цивилизованность. Острее всего стоял вопрос питания. Из-за недостатка света хорошо росли только грибы, мхи, папоротники и растения с огромными бархатными листьями, но они в пищу не годились. Нечего думать выращивать в таких условиях пшеницу, рис или другие злаки, способные обильным урожаем прокормить сотни ртов. Используя паровую турбину и лампы, можно осветить небольшой участок. Если раздобыть се-

мена, он вырастит грядку моркови. Но это не решит проблемы.

Для улучшения урожайности Даллас засыпал грибные поля опилками и щепками. Их он наделал с помощью собственноручно изготовленной пилы. Вскоре грибов стало больше. Азотные удобрения справились бы куда лучше, но как их изготовить, он понятия не имел.

Идея кормить кур остатками трапез оказалась нова для местных фермеров. Построить наседкам специальные дома тоже никто не додумался. До этого куры бродили в поисках корма по большому двору Боса, а гнёзда устраивали в укромных углах. Раньше в пищу почти не употреблялись яйца, ведь цыплят появлялось и так мало, многих утаскивали крысы. После обустройства курятников на столе появлялись разнообразные блюда их них. Даллас выдумал множество рецептов. Достался кусок курицы и девушке, которая привела Гулёнку, когда они с Каспаром сбежали из лагеря. Уговор есть уговор.

Ещё он предложил рубить мясо крыс в мелкий фарш. Так жилы не застревали в зубах, блюда готовились быстро и легко жевались. Самих животных Даллас предложил добывать с помощью небольшого лука, скрутив тетиву из тонких полосок кожи, оставшихся с пошива одежды.

Кожу выдывали приземистые черноволосые рабы с мощными руками. В сарае, где они трудились, стояла жуткая вонь мочи, гнили и разложения. Вымоченную в зловонной

жиже кожу они мяли руками, топтали, а небольшие куски жевали. Один раб одновременно делал заготовки и для ремней, и для накидок, и для мягкой бахромы.

Тетива из этой кожи оказалась упругой и прочной. Военачальник Арет заметил, как эффективно били крыс рабы, научившись хорошо стрелять. Тогда он отобрал у них луки, раздал воинам и заставил кроме метания копий практиковаться ещё и в стрельбе. Две недели спустя у них появились луки побольше – для дальних дистанций. Даллас не планировал вооружать племя и помогать им захватывать новых рабов, так что не рассказал про композитные луки, оперение стрел и арбалеты. Хотя рано или поздно эти люди дойдут до таких открытий сами. Лучше уж поздно, когда прибывшие Орионцы научат и их, и соседние племена, что военное развитие – самое бесперспективное.

Утаил Даллас и рецепт пороха, как бы настойчиво ни требовали от него «бабаху» главари. Он, конечно, знал, что порох делали из угля, селитры и серы, но не представлял, как добыть эти вещества. Да и ни к чему дикарям обладать взрывчаткой и ружьями. Целее будут – как они сами, так и остальные. Поэтому уверял Боса, что не представляет, как сделать «ручной гром».

Это, конечно, не радовало правителя, ведь у других, очень могучих племён такие «бабахи» были. Благодаря чему они, имея лишь нескольких воинов, купались в роскоши. Даллас убеждал – хорошо жить можно и без огнестрела и доступа

к мусорным свалкам. Нужно развивать экономику. Конечно, этого слова Бос не понял, как и смысла давать рабам за их труд больше, чем они съедают за раз, помогать им кормить семьи и строить жилища. И так работают! А если отлынивают, то их надо бить. На то они и рабы. А тут его пытаются убедить, будто это тоже люди и их нельзя заставлять что-то делать. Дескать, невольник должен сам захотеть трудиться и получать награду взамен. Тогда он сделает лучше, больше и быстрее. Людям с первобытными нравами эти идеи показались нелепыми.

Особенно жарко Даллас и Бос спорили на тему прикованных жён. Главварь считал, что только так он убедится, что сыновья, которых родят эти женщины, окажутся именно его отпрысками. Но ведь любой, как и Даллас, мог проникнуть через дыру в заборе, зайти в сарай, где беззащитные женщины даже не сопротивлялись. Да и обездвиженность наверняка оказывает вред здоровью жён и будущих детей. Сначала эти разговоры привели к починке забора и усилению охраны. В этом состояла сложность, ведь брать сторожами мужчин – как пускать козла в огород.

Даллас уверял, что и сторожиц можно при желании подкупить. Все люди падки на материальные ценности, тут ничего не поделать. Он посоветовал выбрать одну жену, окружить её заботой. В ответ на нежные чувства женщина не допустит измены и в мыслях. Бос беззвучно рассмеялся на это предложение. Главварь хлопал себя по коленке, показывал палец,

что значило «Одну жену?», и снова начинал трястись от хохота. Но после этого разговора пошли слухи, что жён стали иногда отвязывать, хоть из сарая и не выпускали.

Не всё сразу. Даллас никогда не был оратором. Ему казалось, что если что-то очевидно для него, то не надо убеждать в этом других. Чёрное – это чёрное, а не белое. Но в понимании местных, рабство и многожёнство в порядке вещей, а для Далласа это дикость. Культурные различия не всегда позволяли понять друг друга.

И всё-таки Даллас внёс некоторый вклад и в культуру. Вспоминая танцы на рынке, он смастерил барабан и подобие гитары. Сложнее всего оказалось сделать струны. Он не нашёл мотки проводов подходящей длины, поэтому взял жилы козы. Они звучали глухо, да и натянуть их сильно не получалось. Вышла скорее бас-гитара, но на ней уже получилось подобрать пару знакомых мелодий. Их Даллас учился играть на винтажном «Фендере» в своих апартаментах. И вот, похожая музыка зазвучала здесь, на земле, где несколько сотен лет назад эту мелодию придумали и играли музыканты на огромных стадионах, вдохновляя тысячи людей.

Несколько рабов впечатлилось возможностью извлекать звуки. Они поняли принцип и вскоре смастерили похожие инструменты. Работая с жилами и деревом искуснее, чем Даллас, они сделали гитары с разным звучанием, и часто развлекали себя и господ, выдавая артистичную какофонию с танцами и подвываниями. Это щедро вознаграждалось ку-

сочками еды.

Даллас освоил кузнечное дело и смастерил: ножницы, зонты, расчёски, вилки и ложки. Вместо зубной щётки, годились разжёванные щепы. К сожалению, почти никто из окружающих не оценил новую утварь. Есть сподручнее руками, причесать волосы проще пятернёй (особенно во время еды), не говоря уже о чистке зубов. А ведь очень многим стоило это делать. Разговаривать с людьми и при этом дышать – задача только для самых выносливых. У многих зубов не хватало, а цвет оставшихся варьировался от тёмно-жёлтого до чёрного. Чуть только зуб начинал болеть, его вырывал специально обученный раб – крепкий детина без тени сострадания на лице. Его жертвы кричали и извивались, но пока он не забирал зуб на память, в покое пациента не оставлял.

Жестокость, буйствующая в этом обществе, не оставляла Далласа равнодушным. Он не посещал прилюдные порки и казни, не мог без боли смотреть на издевательства над беззащитными рабами. Но всё это окружало его. То и дело попадались искалеченные люди – без руки или глаза, с ужасными шрамами на лице. А вдоль дорог, источая вонь, лежали тела рабов, замученных до смерти на публичных процессах. Большинство решений выносил Бос, но, если дело касалось лишь раба и его хозяина, господин лично оглашал и исполнял приговор. И не всегда смертельный, ведь раб – это собственность, а убить его – значит обеднеть. Но в арсенале палачей имелось немало других ухищрений, чтобы человек

пожалел об украденном грибе или дерзком слове. Их били, жгли, растягивали, сдавливали, кололи, подвешивали, калечили, резали, топили, душили... Всё, до чего доходила человеческая фантазия. Причём часто это несло некий смысл: выпил чужое пойло – топили в бочке с этой бурдой; тронул одежду господина – заставляли держать в руках тлеющий уголь; не вышел на работу – привязывали к лежаку на несколько дней без возможности пошевелиться. И так далее.

Переживших наказание рабов тщательно лечили, ведь им предстояло трудиться, а для этого инвалиды не годились. Как и Старый, местные лекари использовали мази, травы, настойки и примочки. Иногда их методы работали хорошо, но порой не имели абсолютно никакого смысла. Например, когда в лагере невольников началось повальное расстройство кишечника, лекари сжигали крыс и мазали рабам животы золой, хотя эта мера никак не помогала.

В качестве лечения Даллас порекомендовал обычный древесный уголь. Он вспомнил познавательный рол – обезьяны ели токсичные листья, а потом воровали у людей уголь, который выводил из организма вредные вещества. Если уж обезьянам помогало, то поможет и этим беднякам.

Даллас предложил отделить больных от здоровых, заставить их пользоваться разными чашками и не оправляться в одном отхожем месте. Вместо той бурды, что здесь пили все, он разливал по мискам кипячёную воду.

Основным напитком у местных оказался особый вид гри-

ба, вымоченный в течение нескольких недель в бочке с грязной водой из реки. Вероятно, бактерии или дрожжи, питаюсь грибом, уничтожали вредоносные организмы и выделяли спирт. Поэтому после этого пошла иногда кружилась голова и клонило в сон, если выпить много. Хотя здесь могли участвовать и грибные токсины. В любом случае отфильтрованная через ткань и хорошо прокипячённая вода и по вкусу и по запаху нравилась Далласу куда больше, чем этот грибной квас.

Но не так всё просто оказалось со здешними жителями. Они боялись пробовать «варёну воду», называя Далласа колдуном. Лишь долгий разговор с Босом и его жёсткое приказание, усиленное воинами, возымело эффект. Несчастные больные рабы жевали уголь, запивая горячей водой, и рыдали, ожидая смерти ещё более мучительной, чем та, что уготовила им дизентерия.

К удивлению и рабов, и их господ, усилия Далласа оправдались. Из тех невольников, кого отселили от больных, почти никто не заболел, а из другой части умерло куда меньше людей, чем во время предыдущих вспышек.

Даллас рассказал, что надо соблюдать правила гигиены, чтобы избежать таких эпидемий в будущем, но, когда проблема ушла, слушать его никто не стал. Понятно, что ни один господин не организует рабам туалеты вместо отхожих ям, ракушечники и бани вместо луж и кухню с нормальной пищей вместо горстки сушёных грибов раз в день.

Когда получалось, Даллас ходил навещать племя Каспара. Гулёнка неизменно бросалась ему на шею и долго не отпускала. В первую же встречу она рассказала, что Каспар сделал ей одолжение и огородил от посягательств Дана. Он лёг рядом, но они «ни-ни, ток дрыхли». А потом Дан и вовсе отстал от неё, ведь запрещено ложиться с той, что «ждёт ляльку». Рассказывая об этом, Гуля нежно поглаживала округлившийся животик. Даллас при этом ощутил прилив радости и волнения. Он зацеловал лицо Гулёнки, выражая сильные чувства, а она хохотала и уворачивалась.

Обвал разобрали, тропу в горы открыли, но, обсудив всё на совете, решили остаться. С одной стороны, Даллас обеспечивал гарантию безопасности племени своей помощью Босу, а с другой – забор себя хорошо показал. Его укрепили, сделали ворота на верёвках, вырыли ров с небольшим мостиком через него – и троих не выдержит, а на дне рва острые камни. Если надо, горстка воинов отобьёт этот, с позволения сказать, замок, пока женщины и дети уходят в горы, где их потом ищи-свищи.

В свободное от строительства время жители ловили и сушили жуков, собирали коренья и жёсткие ягоды, изредка попадающиеся на этой, скупой на дары, земле.

С пришедшим в поселение торговцем обменялись товаром. Он взял каменные фигурки Каспара, а за это отдал мешочек соли, несколько ножей, кусков ткани и другие необходимые в быту предметы. Безусловно, эти искусно вырезан-

ные животные и человечки для многих детей представляли невероятную ценность, а значит, и для их родителей. Торговец получит за каждую из них столько добра, сколько сейчас отдал за все. Но племени выбирать не приходилось, а Каспар в следующем году вырежет больше фигурок из разноцветных камней, найденных в шахте.

По словам Каспара, добывать руду можно только летом, когда племя живёт на склоне горы. Сейчас путь наверх завалило снегом, до шахты не дойти. Да и тяжело работать круглый год, долго не проживёшь. Лучше за зиму набраться сил, а потом дать богам столько камней, сколько они примут.

Выходит, возвращение на Орион откладывается на несколько месяцев. Но с другой стороны, Даллас видел пользу, что он приносил, чувствовал себя нужным. Он с удовольствием проводил время в кузнице, создавал полезные предметы обихода. А в дни отдыха счастливая улыбка Гулёнки вызывала тёплый отклик в душе. Её растущий живот вселял предвкушение большой радости, но, вместе с тем, и ответственности.

Шок от здешних обычаев остался в прошлом. Жизнь шла своим чередом. И здесь люди бывали счастливы. Они с удовольствием общались без гаджетов и десятка медиаповодов в день. Живущие внизу казались более искренними и честными, чем горожане под куполом. Даллас уже не был так уверен, что нужно искать путь домой.

Глава 15

Три месяца спустя Даллас в очередной раз преодолевал путь от деревни Боса к поселению Каспара. Благодаря карте и построению маршрута в смартлете, он сократил время в пути до каких-то шести часов. Даже обходился без ночёвки, хватало небольшого привала. Не мешал и густой туман, что клубился над болотами с самого утра. Завеса не такая плотная, как тогда, при спуске с горы.

Уже около самой деревни Даллас наткнулся на встревоженную мать Гулёнки. Она знала, что он придёт сегодня, но почему-то вышла встречать за ворота.

– С Гулькой беда, дём скорей! – толком ничего не объясняя зататорила она и повела в хижину.

Гуля лежала в ворохе тряпья на полу. Её пылающее лицо блестело от пота. Лоб и щёки едва не обжигали губы и руки Далласа, но сама она стучала зубами от озноба. То, что началось как лёгкий насморк, когда они виделись в последний раз, переросло в тяжёлую болезнь.

Мать рассказала, что давала Гуле настой из целебных трав, а Каспар и Вурх отправились за Старым. Снег постепенно сходил с тропы, вот-вот «боги» позволят вернуться наверх, где светло и можно пасти коз. Но никто не знал, свободна ли тропа сейчас. Оставалось надеяться, что Каспар доберётся до Старого, и они успеют спуститься.

Даллас лихорадочно соображал, что предпринять. Нужно жаропонижающее. Нужны лекарства! Кажется, антибиотики делали из плесени. Но как и из какой, Даллас не представлял. Он видел на рынке пустые аптечки, но ни разу не встречал таблеток в продаже. Наверняка исчезли ещё в те дни, когда выжившие знали, как их применять. Цивилизованные люди почти не нуждались в лекарствах. У всех в крови циркулировали микроботы, управляющие печенью и железами. Они стимулировали выработку нужных органам химических элементов, быстрее иммунитета справлялись с бактериями и вирусами.

Как бы хотелось Далласу отдать свою кровь этой слабой девушке. Но даже если найти способ сделать переливание, как определить, совместимы ли их группы?

Он смочил тряпку холодной водой и положил Гулёнке на лоб. Теперь она не мёрзла, а наоборот, пыталась раскрыться. Даллас достал нож, резанул себя по ладони. Струйка крови полилась в рот Гули. В полубреду она пыталась выплюнуть тёплую жидкость, но всё же проглотила несколько капель. Есть шанс, что хоть так микроботы попадут в её организм.

Смартлет осветил полутёмную хижину, спроецировав экран на стену. Диагностика показывала только состояние здоровья Далласа. Небольшое утомление («восстановите баланс электролитов!»), открытая рана на руке («рекомендован антисептик и перевязка»). Покинут ли боты тело вместе с кровью, и будут ли работать отдельно от остального

роя, Даллас не знал. Он никогда не задумывался о многих вещах, которые сейчас оказались жизненно необходимы. То, что считалось само собой разумеющимся на небесных горах – недостижимое чудо в этом мире.

Даллас провёл всю ночь у постели Гулёнки. Менял компрессы, заставлял пить воду и не переставал думать, как доставить её на Орион. Там Гулю быстро вылечат, и тогда ни ей, ни ребёнку ничего не будет угрожать. Но он за полгода не придумал, как переправить здорового себя, а сейчас задача куда сложнее.

Утром пришёл Каспар вместе со Старым. Они шли и день, и ночь. На пожилого человека было жалко смотреть. Ноги и руки обмотаны кровавыми тряпками, видно, не единожды он падал, торопясь спуститься. Тем не менее ведун сразу начал осмотр Гулёнки.

Старый обтёр её зловонным эликсиром, влил в рот отвар из трав, зажёг и оставил тлеть в чашках пучок веток. Между делом он напевал молитву и шёпотом перечислял имена богов, призывая их помочь.

Спустя полчаса Гуля успокоилась и уснула. Жар начал спадать. Похоже, ведун хорошо знал своё дело. Даллас горячо благодарил его, но тот лишь отмахивался. Сидя у постели спящей девушки, они вполголоса обсуждали события последних месяцев.

Старый рассказал, как неожиданно к его жилищу пришли козы. Он оставил их в загоне, а сам пошёл проверить, всё ли

в порядке с племенем. Наткнулся на следы битвы, по останкам понял, кто одержал верх, и вернулся восвояси. Не считая коз, он проводил зиму так же, как и предыдущие. Жёг в хижине горькие травы, жевал сушёные грибы и встречался с богами в видениях. В попытках понять их желания, он проводил месяц за месяцем, редко выходя из дома.

Даллас тоже пытался общаться с «богами», но не достучался до них при помощи терминала. Куда уж грибам и травам. Он рассказал о битве с людьми Боса, что к этому привело и что затем последовало. Старый восторженно хмыкал и облизывал дёсны без передних зубов, когда слушал рассказ о паровой турбине и о рабах, евших уголь. Жаль только, что знаний цивилизованного человека не хватило, чтобы элементарно сбить жар у больной девушки.

Ведун снова протёр Гулёнку эликсиром. Он указал на её большой живот и с ухмылкой спросил: «Твоя работа?» Смущённый Даллас кивнул. Он не представлял, как воспитывать ребёнка в таких условиях. Хотя, глядя на активных и шумных детей в племени, думал, что раз их родители справляются, то получится и у него с Гулёнкой. Когда он мечтал о ребёнке на Орионе, всё казалось простым: инкубатор, посещения интерната, а затем переезд в более просторные апартаменты с детской комнатой, где они вместе собирали бы конструкторы и играли. А здесь мало того, что женщины вынашивали плод сами, так ещё и круглые сутки заботились о младенцах, пока те, несмышлёные, орали, пищали, визжа-

ли, гадили и срыгивали. Неудивительно, что дети часто рождались больными или ущербными. Но... появлялись и здоровые малыши, которые, вырастая, становились хорошими людьми. К тому же процесс у Гулѐнки нельзя отменить или поставить на паузу. Раз уж она носит в себе частичку Далласа, он позаботится и о ней, и о ребёнке. Пусть это означает тяжѐлую работу, добычу еды, жизнь среди мусора в хижине Жона или в холодных горах. Он готов на всё.

Гуля открыла глаза. Увидев Далласа и Старого, она улыбнулась. Слабым голосом посетовала, что ведун из-за неё проделал такой путь. Вздыхала, глядя на Далласа, будто в том, что она заболела, есть её вина. Ей явно стало лучше. День-два, и она пойдёт на поправку.

Улыбка на лице Гулѐнки вдруг сменилась гримасой боли. Она прижала руки к животу и застонала. Старый сокрушѐнно запричитал. Он знал, что это значит. Приказал женщинам принести нагретой воды и чистых тряпок.

Роды продолжались больше пяти часов. Даллас стремился помочь, но так нервничал, что только мешал. Старый выгнал его на улицу, но из-за полога хижины доносились стоны Гули. От этого в груди разрывалось сердце, он ощущал эту боль физически. Он расхаживал туда-сюда, принимался то пинать камешки под ногами, то неосознанно кусал себе губы. Но этим нельзя помочь Гуле. Оставалось надеяться, что у ведуна огромный опыт пусть зачаточной, но медицины.

Всё когда-нибудь заканчивается. Прошли и невыносимые

часы нервного ожидания. Старый откинул полог перемазанной в крови рукой и вышел к Далласу. Он сказал:

– Шильна болезнь Гульки. Шлаба штала. И крови шток ушло, не жнам, как жива. Тя жовёт, ийди. Я делал щё мог. Терь она в руках бохов.

В хижине сильно пахло кровью. Тряпьё, в котором лежала Гуля, пропиталось красным насквозь. Сама Гулёнка была настолько бледна, что становилось жутко. Даллас взял её невесомую холодную руку в ладони. Она заговорила слабым, неузнаваемым голосом:

– Да-лас, чую пора мне ийти к дедам. Я зна, мы там друг-друга надём. Я тя бу ждать. И снов бу такж рада с тобой, как тута. Ток сынка расти, пусь он бу такой ж вумный, как ты. Сынка расти...

Она повторяла последние слова как мантру, погружаясь в забытье. Её голос звучал всё тише, синие губы двигались всё медленнее. Наконец, она смолкла, и как бы Даллас не тормошил её, не покрывал поцелуями лицо и не тёр руки, она не очнулась.

Подошёл Старый. Он положил на грудь Гулёнки свёрток окровавленной ткани. Даллас не сразу разглядел в этом красном комке миниатюрную ручку с пальчиками. Сложно представить, что люди бывают такими крохотными. Этот маленький человек лежал молча и не шевелился.

– Шибко мал ищо. Рано вышел, не штал дыхать, – сокрушённо проговорил ведун. – Терь они вместе у дедов.

На ватных ногах Даллас вышел из хижины. Он не замечал, куда бредёт. Отчаяние сменилось полным опустошением. Казалось, мир, наполненный раньше красками и событиями, теперь сжался в одну точку. Но эта точка перестала существовать, и вселенная лишилась смысла.

Даллас не заметил, как на дороге его перехватил Каспар, завёл в хижину, засунул в рот кусочек горького гриба, заставил разжевать и проглотить. А затем не заметил, как провалился в сон там же, где сидел.

Следующий день принёс головную боль, но она ничего не значила по сравнению с тем, что происходило внутри. Микроботы не способны лечить душевные раны, какими бы совершенными ни были технологии. Даллас смотрел на Гулю, неподвижно лежащую в той же позе, что и вчера. Только её рука прижимала к груди младенца с редкими чёрными волосами, который не прожил и дня.

Даллас боялся, что Гулю и ребёнка съедят, как тут это принято, но на этот раз охотников поживиться мясом не нашлось. Каспар взял помощников и выкопал яму в отдалении от хижин. Гулёнку и малыша запеленали чистой тканью и опустили в землю. Прежде чем засыпать могилу, соплеменники постояли вокруг. Среди них был и Даллас. Он винил себя в том, что не обратил внимания на насморк Гули. В день, когда он покидал деревню, Гулёнка весело шмыгала носом, уверяя, что заварит чай и всё сразу же пройдёт. Укорял себя Даллас и за то, что зачал ребёнка. Здесь тебе не Орион

со стерильными девушками. Будь он чуть ответственнее, его любимая сейчас не лежала бы в этой яме.

Каспар вынул изо рта фигурку из зелёного в прожилках камня. Он обтёр её краем одежды и аккуратно поместил отшлифованную до блеска вещицу на саван. Такая игрушка дорого ценилась в этом мире, но Каспар сделал последний подарок малышу. Он постоял ещё немного и взялся за лопату.

Соплеменники Гули довольно спокойно относились к смерти. Слишком часто она посещала их хижины, стала привычной. Только мать Гулёнки всхлипывала, когда её единственную дочь засыпали землёй. Закончив, все вернулись к своим делам. Лишь оказавшись в одиночестве, Даллас дал волю нахлынувшим слезам.

Когда горе вылилось, в душе появилась злость. Это жители небесных городов бросили людей здесь. Они обрекли их на животное существование. Окажись поблизости медкар, и Гуля, и ребёнок остались бы живы. Но они умерли. А сколько ещё людей погибает от болезней и войн... Отсутствие цивилизации отнимает жизни. И он – единственный, кто в силах это остановить. Даллас уцепился за эту мысль, и она вытянула его из бездны отчаяния, подарила цель. И есть лишь один путь её достигнуть – вернуться на Орион.

Глава -7

Солнце заливало ярким светом зелёный луг с фиолетовыми вкраплениями полевых цветов. Маленькие пчёлки перелетали от бутона к бутону и собирали нектар. Если проследить за ними взглядом, видно, что они несут его в лес, где обустроили улей в дупле старой осины.

Каждая мелочь становилась близкой и подробной, если заострить на ней внимание. Дерево обросло мхом, а земля под ним укрылась прошлогодними листьями. Кое-где пробивались грибы.

Ветер шумел в плотной листве позднего лета. Верхушки деревьев колыхались волнами на зелёном океане. Казалось, этот шумный, но молчаливый лес всегда был здесь. И всегда будет. Одни деревья сменялись другими, упавшие ветви и стволы давали пищу молодой поросли. Не знал этот лес и человека с его топорами и кострами.

Звери рыскали меж деревьев, добывали еду. Вот неуклюжий медведь нашёл кусты дикой ягоды и обирает их с веток подвижными губами. На опушку прискакал светло-коричневый заяц. То и дело поднимая голову с торчащими ушами, он кормился свежей травой, не замечая, что в тени бурелома его выслеживает пара хищных глаз на рыжей морде.

– Даллас! Где ты застрял? – так хотелось посмотреть, чем закончится эта сцена, но Джефф позвал друга: – Летим к го-

ре!

Лес отдалялся, оставаясь внизу, а горы, едва различимые в дымке, становились всё ближе. Вершины раскинулись огромной грядой, а облака царапали мягкие животы об их острые пики.

На склонах гор уже наступила осень, и деревья украсили их красными и золотыми листьями. Тёмно-зелёными пятнами выделялась хвоя, но это лишь вносило в палитру пейзажа приятное глазу разнообразие.

Даллас летел к вершине горы, укутанной белым покрывалом. Мельчайшими бриллиантами снег искрился на солнце. На одно мгновение эти драгоценные камни загорались яркой вспышкой на белом фоне и тут же исчезали, уступая место бесконечному множеству новых искорок.

Джефф молча парил впереди, позволяя другу любоваться облаками. Солнце уже клонилось к закату, подсвечивая оранжевыми сполохами маленькие барашки, плывущие по всему небу. От этого они казались тёмными на синем фоне. Пожалуй, слишком красиво, чтобы быть правдой.

Птица, на шее которой устроился Даллас, издала пронзительный клич. Её перья колыхались от потоков ветра. Редкие взмахи мощных крыльев шумно рассекали воздух. Диковинное существо вместе с ездоком парило над горными вершинами. Цель уже виднелась вдали. Пещера, будто огромная чёрная пасть, зияла на склоне самой высокой из гор, что величественно возвышалась над остальными.

Ещё немного, и друзья прибыли на место. Отпустив прекрасных птиц, Даллас и Джефф достали мечи. Тьма грозила опасностью: кто знает, какое древнее зло обитает в этой пещере, где так удобно прятаться от беспокойных смертных, норовящих залезть куда угодно в поисках сокровищ.

Джефф сотворил заклинание света, и яркий огонёк, сорвавшись с его пальцев, улетел под своды пещеры. Глубокие тени залегли в нишах и ответвлениях. Летучие мыши разлетелись по щелям, а больше в этом зале опасаться некого. Звонко капала вода с кончиков сталактитов, похожих на клыки исполинского древнего хищника. Нагромождение камней образовало лестницу, ведущую к расщелине. По отшлифованным булыжникам ясно, что этим путём часто пользовались. Значит, надо идти туда.

Даллас бесстрашно пробежал по широкому коридору, тысячелетия назад вымытому талой водой. Джефф уткнулся в спину друга, когда тот резко остановился. В зале пещеры спал гигантский дракон. Его шкура переливалась огненными сполохами, а вместе с дыханием вырывались языки пламени, освещая грот.

Такого огромного чудовища давно уже не видели в этом мире. Наверняка, по своему обыкновению, дракон охраняет несметные богатства. Правда, лежал он на груде костей, но это не смутило воина и боевого мага. Они пришли за древним артефактом. О нём поведал друид Чёрной Луны. В одном из видений открылось ему, что Посох лесного коро-

ля остановит полчища злобных мертвоглотов и сохранит его племя. За это он обещал рассказать, где найти легендарный доспех Сияющей долины, в котором так нуждался Даллас.

Наскоро обсудили план действий и бросились в бой. Джефф укрыл друга ледяным панцирем, так что сначала огненное дыхание дракона ему не повредит. Но есть ещё зубы, когти, гибкий хвост. Даже застигнув ящера врасплох, замедлив его мощными заклинаниями, ослабив чешуйчатую шкуру силой амулетов, друзья очень рисковали.

Змей отчаянно сражался за жизнь, поливая огнём всё вокруг. Кости разлетались из-под него во все стороны. На Далласа обрушился град мощных ударов. Ему удавалось избегать их, попутно раня дракона, пока Джефф подбирался с другой стороны, собираясь нанести решающий удар. Он уже замахнулся, чтобы вонзить меч в слабое место на шее ящера, но зверь свалил Далласа с ног, а затем откусил ему голову вместе со шлемом.

– Я добил! Добил его, – радостно завопил Джефф так громко, что звук ненадолго прервался. – Давай, воскрешайся и лети сюда, поищем посох.

– Ищи без меня, – ответил Даллас, оказавшийся на локации кладбища. – Надо кое-куда сходить с Микой.

– Это кто, твоя мамочка на сегодня? И куда же она тебя поведёт?

– В зоопарк. От неё не отвяжешься...

– Да уж, брат. Полный крыш. Ладно, давай, тут ещё лету-

чие мышцы... – Джефф отключился, как всегда, не дожидаясь, пока друг попрощается.

Мика привычно источала густой аромат косметики и духов. От резкого запаха Даллас задержал дыхание, пока она обнимала его. Ещё и слюнявые поцелуи в щёку. Он брезгливо поморщился – восьмилетнему парню претят такие нежности.

– Готов? Пойдём, сыночка, я куплю тебе мороженое, – что хорошо в Мике – она баловала и закармливала сладостями, пока не затошнит. Но за всё нужно платить. Это «сыночка» порой выводило Далласа из себя, к тому же Мика настаивала, чтобы он звал её мамой. Как это глупо, ведь оба понимали, что она лишь временный опекун.

В зоопарке «Пояс Ориона» Даллас бывал часто. Этот город не мог похвастаться обилием мест для прогулок – несколько скверов, аквапарк «Туманность» с большим бассейном, с десятков торговых центров. Лучше уж снова пойти в один из них, чем в зоопарк. Нечего там делать, лишь посмотреть на голограммы животных, а это так скучно. Скучнее только настоящие птицы – сидят себе в клетках и ничего не делают.

Как жаль, что на этой неделе над ним материнствует не Соня. Однажды она свозила его в Телец, знаменитый огромным луна-парком «Плеяды», где развлечений хватило бы на год. Вот где весело! Даллас провёл там много часов, но и тогда не успел прокатиться на всех аттракционах. Правда, в

основном из-за Сони. Она постоянно запрещала делать то, что хочется. То нельзя сидеть в кресле с ногами, то ковырять в носу. Иногда она принималась учить Далласа рисовать и разговаривать на старом языке давно уже всеми забытом. У каждой матери свои чудачества.

– Ой, посмотри какая прелесть! – воскликнула Мика и указала пальцем на обезьян, лазающих по деревьям.

От скуки Даллас глазел на посетителей зоопарка. Даже малыши не обращали на животных никакого внимания. А взрослых забавляли звери, которые даже в игре «Легенды природы» выглядели куда живее. Со львом или тигром там можно при желании сразиться, а не только посмотреть, как он лакает воду или ходит по клетке из угла в угол. Там и существ куда больше: оборотни, тролли, пегасы, драконы...

Даллас вспомнил, как чудовище откусило ему голову. Ах, как хотелось сейчас войти в игру и поучить парочку ящеров правильному поведению с героями! Но делать нечего – таскайся за Микой от вольера к вольеру и слушай её «кыс-кыс-кыс», обращённое к леопардам. Будто бы эти изображения животных на неё реагировали.

Они вошли в своеобразный аттракцион – лесок из искусственных деревьев, в котором появлялись разные животные в неожиданных местах. Предлагалось их сосчитать, а на выходе сверить, сколько зверушек появлялось на самом деле. Скукотища!

Пропустив Мику вперёд, Даллас подумал, что лучше бы

он сам стал диким зверем. Прятался бы в лесу, выслеживал добычу. Он шагнул с тропинки и обошёл несколько деревьев. Животные здесь не появлялись – никому не приходило в голову покинуть маршрут. Зато он нашёл робота-уборщика и с интересом рассматривал его, пока не услышал истошный призыв о помощи.

– Помогите! Ребёнок пропал! Я на секунду отвернулась, а его уже нет! Все эти звери... – верещала Мика, собирая толпу зевак.

Даллас вздохнул и направился в сторону шума. Он подошёл к Мике, но она сбивчиво описывала одежду мальчика сотрудникам зоопарка, и даже не заметила, что тот уже стоит рядом.

– Зелёная футболка, говорю вам, на нём была зелёная футболка с какими-то монстрами! – Мика хватала пухлыми пальцами сотрудника за рукав и, чуть не плача, вспоминала, какой именно монстр изображён на футболке, будто бы это сейчас самое важное. – Демон или медведь.... Нет, крокодил!

– Красный дракон, плюющийся огнём? – невозмутимо спросил сотрудник, высвобождая рукав.

– Да-да, именно! – затрясла кудрями Мика, всё ещё ничего не понимая, пока сотрудник не указал на Далласа, стоящего рядом, у которого действительно на футболке дракон изрыгал поток пламени.

– Сыночка! Миленький! – она бросилась обнимать мальчика, причитая ещё громче. – Я так испугалась! Я думала, ты

потерялся! И мне бы запретили материнствовать над тобой, это так ужасно!

Даллас посмотрел на взлохмаченную Мику с размазанной от слёз косметикой на лице. Ему стало жаль её – человека, который всегда хорошо к нему относился, кто по-настоящему любил. Пожалуй, если ей запретят с ним видеться, это будет и вправду плохо. Он обнял её и сказал:

– Я больше не буду убегать. Прости... мама.

Глава 16

Прошло несколько дней, и племя Каспара принялось собирать нехитрые пожитки. Старый сказал, что в этом году знамения благоволят им: с троп уже сошла ледяная корка, иногда виден яркий лик главного бога сквозь пелену облаков.

– Бох ластит жемлю тёпленько, – говорил ведун на общем сборе, – Трава желена, снег уйшёл, видал я то шам. Пора копать шветовы камни, боха кормить, щёб он мох швет к жемле лить. Мож в эт год бохи дают нам дарки неба, бум живы и шыты.

Далласу не терпелось попасть в шахту. Он обдумал всё – других способов вернуться на Орион не осталось. Строительство самолётов и вертолётов – фантастика. Из найденного здесь хлама не соберёшь даже простого холодильника. Воздушным шаром сложно управлять, он подвластен всем ветрам, и вряд ли поднимется точно к Ориону. Кроме того, для него нужен газ или горячий воздух. Здесь нет топлива для горелки или баллона с гелием. Та же проблема мешала соорудить подобие ракеты. И на Орионе не так просто отыскать жидкое топливо – только имея инженерный доступ, Даллас слил немного керосина из резервного генератора, чтобы «Икар» взлетел. На небесном городе всё приводилось в движение электричеством. Найти или изготовить го-

рючее внизу – нереально. Не хватало ни оборудования, ни знаний.

Смартлет, конечно, помогал в некоторых ситуациях, но, к сожалению, он не мог подключиться к сети и скачать нужную информацию. Каждое устройство, находясь среди сотен и тысяч таких же, объединяется в сеть. Данные хранятся везде сразу и нигде конкретно. Многократно повторяясь, информация записывалась маленькими порциями на каждом гаджете. Но необходима сеть из нескольких устройств, чтобы собрать кусочки и выдать именно то, что хотел пользователь. Это прекрасно работало в четырёхсоттысячном городе, но здесь, где умный браслет носил лишь один человек, толку от него немного.

Раз Далласу не хватало знаний, он воспользуется технологиями людей, построивших небесные города. Система снабжения, безусловно, работает. Нужно лишь узнать, как она устроена.

Каспар согласился задержать переход на несколько дней, пока Даллас не скажет Босу, что возвращается на город неба. Конечно, племя поднимается в горы, где войско Арета вряд ли его найдёт, но следующей зимой эти люди вернутся к подножию. Нельзя, чтобы сильные соседи затаили обиду.

В пути через болота Даллас вспоминал и складывал в единую картину свои знания об этом мире. Сначала он жил среди маленького племени – всего около двадцати человек вместе с детьми. Внизу их ждали такие же пастухи-собиратели

– ещё примерно тридцать. В деревне Боса вместе с рабами и воинами набиралось уже сотни две-три. Довольно много людей видел Даллас на ярмарке. Это позволяло судить, что есть на просторах этого мира и другие племена – как маленькие, так и побольше.

По рассказам местных довольно сложно составить полноценную картину мира за пределами болот или гор. Когда Даллас спрашивал, что находится дальше, люди только отмахивались, говоря «ядная земля». Живущие в горах племена так же не искали другие спуски к подножью, где, возможно, нет сборщиков дани и сильных племён. Они не очень любили перемены. Всегда жили в страхе, что боги за проступки «нашлют ядный туман». Этим пугали детей, старались не говорить на такие темы на ночь. Хотя никто не помнил, когда такое случилось в последний раз. Старый рассказывал, что деды дедов жили в достатке повсюду на земле. Но потом напал «ядный туман» и людей осталось мало.

Даллас предполагал, что это и была великая катастрофа, о которой ему рассказывали ещё в школе. Конечно, не вулканы привели землю к такому состоянию. Но об истинных причинах апокалипсиса судить сложно. Необъяснимо и то, что часть людей выжила. Возможно, туман не достиг гор или из-за розы ветров сохранились чистые области. Кучка людей, не считая тех, кто заблаговременно поднялся в небо на летающих городах, пережила конец света. И сейчас эти дикари существовали на немногих пригодных для обитания клочках

земли под плотным слоем облаков.

Климат изменился, ведь до катастрофы, судя по ролам и тридэшкам, над землёй часто светило солнце. Зеленью красовались леса и поля, синевой – океан, моря и озёра. Земля была прекрасна.

А теперь она превратилась в бесцветный мир полумрака. Над головой плотная шапка тёмно-серых облаков, под ногами чавкающее болото или грязь. Если не идёт затяжной дождь и не дует ветер, спускается удушливый и липкий туман. Только ненастье совсем нередкое явление. Почти каждый день с неба обрушивались потоки воды с громом, молниями и ураганным ветром. А иногда целыми сутками моросили противные мелкие капли.

Вокруг стоят скелеты погибших деревьев. Упавшие в беспорядке стволы догнивают, даруя жизнь немногим насекомым, которые приспособились к новым условиям. Кроме жуков, червей, тараканов и мух, катастрофу пережило совсем немного животных. На болотах изредка квакали лягушки, встречались маленькие змеи. Вольготнее всего себя чувствовали крысы, живущие рядом с людьми. Куры во дворе Боса и козы в горах – это, скорее, редкое исключение. Похоже, что остальных домашних животных полностью съели выжившие после катастрофы люди. Затем начался голод, новые пики вымирания, упадок цивилизации.

Оставалось надеяться, что, узнав о происходящем на поверхности, жители небесных городов не останутся равно-

душными. Судя по дневнику Треи, которая спускалась сюда в составе экспедиции, раньше люди знали о здешних жителях и даже пытались помочь. Но это почему-то замалчивается сейчас. Надо привлечь к ответу управителей. Даллас решил, что первым же делом, оказавшись на Орионе, пойдёт к сенатору Смигу. Он отвечает не только за город, но и вместе с остальными чиновниками решает, как будет развиваться общество.

Даллас тщательно подбирал слова для разговора с Босом. Он сообщил, что найдёт путь на город неба, каким бы опасным он не оказался. А затем вернётся, чтобы принести лекарства, технологии и знания.

– Ты можешь держать меня здесь или угрожать племени, но тогда точно не получишь помощи от людей неба, – завершил свою речь он.

– Мы идти с тобой, ты забирать нас туда! – злобно прорычал Арет, по обыкновению участвующий в разговоре как переводчик.

– Не я вождь города, не мне решать, кому жить там. Но я поговорю с главным.

В итоге Бос согласился отпустить Далласа, хотя Арет добавлял от себя множество требований и угроз. Вполне в его стиле. Более рассудительный и мягкий Бос посмеивался и махал рукой, давая понять, что слова его помощника можно не воспринимать всерьёз. Он и так знал, что человек неба вернётся. Понимал, когда собеседник говорит правду, а ко-

гда нет.

Напоследок Даллас проверил, что терминал заряжен и всё ещё посылает безответные сигналы. Его батареи хватало на две недели такой работы. Даже если Даллас погибнет, пытаюсь попасть на Орион, есть небольшой шанс, что наверху заметят зов о помощи.

Племя Каспара полностью приготовилось к походу на гору к возвращению Далласа. Их друзья из соседней общины уже ушли. В опустевшей крепости ждали лишь его, собрав в корзины запасы сушёных жуков, приобретённую утварь и скудные пожитки.

Путь наверх показался легче, хотя ходьба в гору требует больше усилий. По крайней мере не было опасности неверно поставить ногу на непрочный камень и укатиться вместе с ним. Да и дикие бандиты на этот раз не помешали добраться до летней стоянки. Только Старый, утомлённый недавним спуском, постоянно отставал, жаловался на колени и мазал их такой вонючей мазью, что все старались устроиться на привал подальше от него. Почти всю дорогу Даллас держал его под локоть и помогал идти.

Самым неприятным моментом снова оказался переход через плотный туман, когда и тропы толком не разглядеть. Хорошо, что Каспар и Вурх чувствовали себя в таких условиях очень уверенно и вели племя правильной дорогой. Зато, когда мгла осталась внизу, открывшийся вид показался прекраснее, чем любой виртуальный мир. Лёгкий слой облаков

почти не мешал солнцу светить на горы. На огромном пространстве вокруг они возвышались тут и там, разрывая плотный туман острыми вершинами. Их склоны, покрытые узорами снега сверху и свежей зеленью ниже, так и притягивали взгляд. Но самое прекрасное – это воздух. Прозрачный, чистый, свежий и прохладный. Далласу казалось, что он никогда не надышится после вони внизу, к которой хоть и привык, но дышал только потому, что не мог без кислорода.

Пустая деревня ещё сохранила несколько сугробов снега, но ручей уже весело журчал среди расщелин скалы, наполняясь талой водой. Козы съели запасы сена и молодую поросль травы в загончике и теперь жалобно блеяли, завидев людей. Выпуская их поpastись, Каспар заметил, что поредевшее стадо скоро пополнится козлятами.

Хижины из жердей и плотной ткани хороши тем, что возвести их вокруг каменных очагов оказалось делом пары часов. Только что ничего не было, а теперь стоит целая деревня.

Когда суэта улеглась, мать Гулёнки подошла к Далласу и пригласила в хижину, где они выхаживали его. Как же давно это было, будто в прошлой жизни. Она налила ему похлёбки из жуков и указала на то же место, где он спал раньше. Тогда хижина выглядела иначе – много висящих вокруг тряпок, связок сушёных трав. Сейчас внутри было просторно и приятно. Но мысли о забавной девушке настраивали на печальный лад. Даже с усмешкой вспоминая, как Гуля пугалась и

пряталась, завидев экран смарглета, Даллас неизбежно впадал в меланхолию. Но здесь ему предстояло провести лишь одну ночь. Завтра он вместе с мужчинами отправится в шахту, где так или иначе найдёт способ добраться до Ориона.

Глава 17

Наутро, собрав припасы еды и попрощавшись с женщинами, детьми и Старым, который с трудом вышел из хижины на больных ногах, мужчины выдвинулись в путь. Жители племени собирались вернуться через несколько дней, Даллас же не знал, увидит ли этих людей ещё раз. Он надел уже полюбившееся пончо из лоскутков ткани – всё, что осталось на память от Гулёнки. В горах холода ещё не отступили, ветер морозил уши и проникал через одежду.

Снова опасная каменистая тропа среди валунов. Казалось, что они вот-вот упадут, раздавив жалкого человека. Но глыбы удерживались в равновесии сотнями лет, полируемые ветром, дождём и снегом. Мужчины огибали их, шагая по знакомой дороге, а когда устраивали привалы, использовали эти камни для укрытия от ветра.

Уже почти стемнело, когда они добрались до углубления в скале, засыпанного брёвнами и камнями. Так мужчины защищали вход в шахту от животных и бродяг.

Пока разбирали завал, Каспар рассказывал, что несмотря на предосторожности, они то и дело, возвращаясь после зимовки, находят высохшие тела дикарей. Бедняги ищут спасения от холода в тёмных коридорах шахт, но находят лишь смерть. Гора пронизана сетью тоннелей, есть множество тупиков и выходов на поверхность. Очень легко заблудиться,

попав сюда случайно. Даллас на всякий случай включил построение маршрута в смартлете. Теперь каждый его шаг будет отмечен на трёхмерной карте. Этакая нить Ариадны. Хотелось верить, что в этих лабиринтах не водится Минотавр.

Когда вход расчистили, Вурх привычно улёгся снаружи, а мужчины пошли внутрь. Пёс предпочитал дышать свежим воздухом, охраняя проход и рыская в поисках мелких грызунов по округе. Всё-таки умное животное.

Мужчины и Даллас, идущий следом, попетляли по коридорам при свете факелов и вышли в небольшой зал, стены которого покрывала металлическая обшивка. Посредине возвышалась панель с индикаторами и кнопками. Каспар уверенно взялся за рубильник и потянул его вниз. За пределами комнаты загудели механизмы, а через пару секунд панель управления осветилась разноцветными индикаторами. В коридорах зажглись тусклые лампы.

Даллас осмотрел приборы на панели, смахнул слой пыли и прочитал назначение кнопок. Очень старая техника, но всё ещё функционирует. Судя по всему, в недрах скалы имелся электрогенератор для поддержания работы шахты. Всё происходит автоматически, насколько это возможно. Вот только почему-то вкалывают здесь люди, а не машины.

Каспар повёл соплеменников в забой. Капитальные коридоры с металлическими стенами и освещением скоро уступили место широким шахтам, укреплённым балками, где на полу среди рассыпанных камней угадывались рельсы. Но че-

рез несколько поворотов такие коридоры сменились узкими лазами, криво вырубленными в породе. Укреплялись своды лишь в нескольких местах и чем придётся.

Даллас шёл по неровному полу, засыпанному камнями, подсвечивая дорогу смартлетом и пригибая голову. Наконец, они дошли до тупика. Похоже, именно здесь остановилась работа в прошлый раз. Мужчины откопали из-под щебня спрятанные инструменты: кирки, лопаты, корзины.

Каспар подбросил в руке кайло, будто заново привыкая к его весу. Затем размахнулся и ударил по скале с оглушительным звоном. Тем же занялись и другие шахтёры. Поднялась пыль. Скоро стало не хватать воздуха. Мужчины, обливаясь потом, долбили неподатливую стену. Они меняли факелы, выносили руду в корзинах, водрузив их на спины. Часть отлетевших камней, что отличались по цвету, складывали отдельно, но их было намного меньше, чем бесполезной скальной породы.

Даллас оставил шахтёров и прошёлся по коридорам, не забывая поглядывать на нить маршрута. Он подумал, что мог бы легко обеспечить друзьям освещение и вентиляцию в забое, продлив провода из оборудованного коридора. Со временем проложить рельсы и пустить вагонетки, это бы в несколько раз ускорило вывоз руды. К тому же рубить скалу простой киркой – слишком трудно, можно придумать и собрать автоматическое зубило, работающее, например, на сжатом воздухе с помощью электрического компрессора. Да

и мало ли как ещё здесь пригодится мозг инженера. Но лучше всё-таки избавить этих людей от ужасной работы. Управители городов найдут способ получать ресурсы другим путём.

После часа блужданий, Даллас обнаружил большой зал с конвейерами и массивными непонятными устройствами. Механизмы недвижимо стояли в тишине. Пока Даллас сообщал, что происходит на этих лентах, подошёл Дан с корзиной за плечами. Он привычными движениями снял её и с грохотом высыпал содержимое в приёмник.

Машина ожила. Зал наполнился гулом и механическими звуками. Автоматика срабатывала, если появлялся материал, а в остальное время бездействовала. Даллас увидел, как камни попадают под струи воды и проходят через крутящиеся щётки. Отмытая руда даже в тусклом свете казалось яркой и красивой. Мелькали и ярко-бирюзовые минералы, и мутные зеленоватые, и оранжевые булыжники. Совсем не похоже на горную породу, которую шахтёры отбрасывали прочь.

Очень хотелось взять эти самоцветы в руки, но они ехали по конвейеру, то накаляясь, то остужаясь внутри различных агрегатов. Затем автомат отсортировал камни. Зелёные поехали в одну сторону, оранжевые в другую. Их движение надолго прервалось в мощной печи с массивным корпусом. Через щели мелькали языки огня, охватившие камни. Жар чувствовался и на приличном расстоянии. На выходе в формы, что стояли следом, полился расплавленный металл.

Заготовки остужались водой, журчащей по трубкам, затем ехали дальше. Механические руки поднимали поддон со слитками и переворачивали его на ленту. Молоточки простукивали каждую ячейку с ритмичным звоном. Когда все слитки оказались на платформе, форма отправилась обратно, а светло-серые бруски аккуратно упаковались в большой ящик. Наверное, этот контейнер должен заполниться до конца, чтобы двинуться дальше, но пока сырьё кончилось, автоматика погудела, пошипела и смолкла.

Даллас взял в руку один из готовых слитков. Он оказался неожиданно лёгким. Цвет подсказывал, что это алюминий или сплав на его основе. В Орионе этот металл использовался широко – и детали для транспорта, и панели для стен домов. Вспомнились многоэтажки, целиком из стекла и алюминия. Страшно подумать, сколько шахтёров отдали свои жизни и здоровье, добывая такое количество минералов.

В ящиках возле других конвейеров оказались бруски иных металлов, а кое-где порошков, упакованных в коробочки, и жидкостей в запаянных колбах. Всё оказалось рассортировано и готово к отправке. Видно, ящики заезжают в этот коридор, а оттуда каким-то образом попадают на небесный город. Но сейчас выход закрыт. Даллас попытался сдвинуть люк, но ничего не вышло. Механизм, что управляет им, ждал нужного веса в контейнерах. Даллас переложил содержимое одного ящика в другой, проверяя, среагирует ли автоматика на вес. Но ничего не произошло. Возможно, груз уезжает в

тоннель по расписанию.

В зал зашёл Дан с очередной корзиной минералов. Он поцокал языком и принялся костерить Далласа за то, что тот посмел обидеть богов, раз смешал их пищу. Он аккуратно разложил бруски обратно по ящикам и пояснил, что боги забирают дары ночью, пока люди спят. И их невозможно увидеть. Дан рассказал, как спрятался здесь, пытаясь посмотреть на богов, но не вышло – ящики двигались сами, как и камни до этого. Он заключил, что у богов есть невидимые помощники. Эти духи передвигают дары, сортируют их, превращают в удобную для богов еду и отправляют на небо. И мешать им ни в коем случае нельзя, ведь сытые боги – щедрые боги. Деда сказывали, что за хорошую работу их награждали провизией, здоровьем и чудесными вещами. Нужно только собирать больше цветных камней.

Когда Гулёнка умерла, Дан, настроенный к Далласу враждебно, стал куда мягче. Схожие чувства, что они испытывали к Гуле, сперва заставляли соперничать, а сейчас объединили. Теперь Дан обращался с Далласом, как с больным, которого лишний раз не стоит тревожить. А если уж приходилось, делал это очень аккуратно. Вот и сейчас он скорее просил покинуть зал, чем требовал. А ведь мешать помощникам богов он, видно, очень боялся.

Даллас послушался, но решил во что бы то ни стало посмотреть, как ящики ночью покидают эту лабораторию. Он проникнет в центр отправки грузов. Только так есть шанс

попасть на Орион.

А пока он занялся терминалом на пульте управления. Консоль отобразила системные журналы. Там содержались лишь технические записи, но и они проливали свет на некоторые вопросы.

Судя по датам, последний раз этим терминалом пользовались 137 лет назад. Даллас долго не понимал, что означают странные слова в записях: Джонг, Конг, Бьяо. Но потом догадался, что это имена пользователей. Наверное, сначала здесь работали китайцы. К несчастью, нельзя определить, когда шахту запустили, поскольку старые журналы постепенно затирались новыми записями. Лишь за последние полтора года работы отмечено, когда начиналась смена и подключались инженеры. И никакой информации, что случилось потом. Записи обрывались после сообщений о вышедшем из строя оборудовании и его замене. Оставалось лишь гадать, куда исчезли китайские шахтёры и почему теперь вместо них местные племена. Ведь небесные города всегда нуждались в ресурсах.

Что бы ни случилось с китайцами, шахта всё ещё действовала. Её тоннели росли вглубь, цех переработки минералов бесперебойно сортировал добытое. Часть ресурсов шла на питание для генератора, но всё остальное отправлялось в Орион и другие города.

В зал пришли усталые шахтёры. Они развели костёр из заготовленных веток, сварили нехитрый суп, побросав в коте-

лок всего понемногу. Мужчины по очереди черпали похлёбку, склоняясь над кастрюлей, пока Каспар не остановил их. Он дал свою ложку Далласу и предложил поесть и ему. На дне оставалось немного бульона, в котором изредка вылавливались питательные кусочки.

Пока Даллас скрёб ложкой дно котелка, мужчины достали подстилки и улеглись на полу. Тусклый свет не мешал им, некоторые уже посапывали. Вошёл Вурх и улёгся возле Каспара, часто и шумно дыша.

Часы на смартлете показывали полночь. Даллас поспешил в цех, опасаясь, что пропустил отправку груза, он совсем потерял счёт времени. К счастью, ящики всё ещё покоились на своих местах. Машины стояли в тишине. Оставалось сесть возле люка и ждать.

Вынужденное безделье расслабляет мозг. Он стремится перевести организм в спящий режим. Глаза бесполезно смотрят в одну точку, руки и ноги замирают в неподвижности. В голове катается какая-нибудь bestолковая мысль. Кроме неё не существует ничего вокруг. Открытые глаза видят, как ящики с минералами едут в сторону люка, но мозг не реагирует на происходящее.

Вот уже последний ящик въезжает в открытый тоннель. Сейчас он скроется в темноте, а люк захлопнет выход на свободу. Даллас спохватился. Времени на раздумья не оставалось, он на четвереньках юркнул вслед за контейнером, опасаясь, что его прихлопнет крышкой.

Стало темно – люк вернулся на место. Пол под ногами ехал, но из-за ящика не разглядеть, что впереди. Вокруг щёлкало, шумело, сыпалось – Даллас закрыл голову руками и прижался вплотную к контейнеру в надежде, что механизмы не решат его утилизировать. Вот груз остановился, оказавшись на какой-то платформе. Тусклый фонарик сматрлета высветил, что Даллас больше не в тоннеле. Как только он оказался на неподвижной поверхности, его прижало к полу. Собственный вес будто бы ненадолго увеличился. Эта платформа оказалась лифтом, и теперь он вместе с ящиками нёсся вверх. Судя по стенам, очень быстро.

Даллас припал к полу, опасаясь упасть с платформы. С лёгким гулом подъём в темноте продолжался. Вспомнилась старинная стори об Алисе, которая шагнула в кроличью нору и так долго падала, что успела поразмышлять на разные темы. В отличие от смекалистой девочки, Даллас падал не вниз, а вверх, а его мысли не вязались друг с другом из-за неопределённости. Лифт не мог ехать прямо в Орион, такой тоннель построить невозможно. Значит, впереди снова неизвестность.

Всё когда-нибудь заканчивается, вот и лифт сбросил скорость, а сверху открылся люк и показали светлые облака на чёрном небе. На контрасте с тёмной шахтой подъёмника они искрились серебром, несмотря на ночное время. Ледяной ветер скользнул по лицу. Платформа доставила ящики и лишнего пассажира на вершину горы.

Даллас отошёл от контейнеров и огляделся. Вокруг лежал плотный снег. Силуэты соседних гор, едва различимые, громоздились во тьме. За облаками светился размытый шар – луна. От созерцаний отвлёк шум. Ящики съехали с платформы, и лифт быстро исчез в глубине шахты, закрыв за собой люк. Значит, путь назад отрезан. Но и единственный путь вверх не предназначен для людей.

Сильный порыв мигом выдул всё тепло из одежды. Холодный ветер трепал волосы, старался смести чужеродные предметы с вершины скалы. Но ему не хватало силы. Ящики отпавлялись вверх в течение многих лет, и стихии этому не помешали.

Сначала Даллас услышал шипение, затем увидел поднимающийся к небу силуэт контейнера. На фоне подсвеченных луной облаков вырисовались воздушные шары. Повинуясь ветру, они относили ящик в сторону, но при этом он стремился вверх.

Шипение раздалось снова. Это второй ящик заехал на платформу, где его со всех сторон зафиксировали металлические держатели. Из них вылезали и быстро раздувались чёрные шары. Щелчок – и вот уже второй контейнер оторвался от земли. На его место заезжал очередной. Предпоследний.

Даллас подбежал к четвёртому ящику и нащупал защёлки на крышке. Отбросив её в сторону, он полез внутрь. Контейнер был наполнен упаковочными шариками из пенопласта,

и лишь на дне находилось несколько коробочек с полезным грузом. Стараясь не раздавить их, Даллас, ощущая себя безбилетником, закопался с головой в белые гранулы. Так он спрячется от морозного ветра. Да и от страха, что платформа, взвесив груз до и после, откажется поднимать к Ориону выпавшего жителя.

Но через минуту контейнер тряхнуло, а затем послышалось шипение. Ещё один толчок и мерное покачивание. Ветер старался забраться в ящик, сдуть пенопластовую крошку и схватить ледяными пальцами Далласа, но всё же ему это плохо удавалось.

Высовываться из ящика не стоило, он мог перевернуться в воздухе. Его и так ощутимо болтало первые несколько минут полёта. Даллас сжимался в комок, боролся с тошнотой, надеясь, что всё это когда-нибудь закончится, и, желательно, не очередным падением.

Потом ветер прекратился, исчезла и болтанка. Но снизу что-то зарокотало, и ящик опять опасно накренился, прижав Далласа к стенке. Похоже, в платформу, которая держала контейнер, встроены турбины. Оставалось надеяться, что они тянут груз в сторону города.

Несколько коротких встрясок, и всё утихло. Контейнер твёрдо стоял на поверхности. Вокруг раздавался гул, в отдалении щёлкали механизмы. Даллас высунул голову из укрытия. Воздух не обжигал морозом – уже хорошо. Но темнота кромешная. Он вылез из ящика и посветил вокруг. Стены,

трубы, кабели. Неужели это Орион?

Сзади раздалось механическое жужжание. Что-то быстро приближалось. Даллас выхватил лучом света робота, и едва успел отпрыгнуть в сторону. Автомат-погрузчик невозмутимо подцепил своей вилкой ящик и повёз его по коридорам. Тёмное и невидимое копошение кипело под городом, пока его жители развлекались или спали.

Глава 18

Найти выход с технического этажа оказалось просто – несколько роботов-уборщиков устремились на поверхность по ступенчатым рельсам, которые сошли за лестницу. Открыв люк и высунув голову, Даллас увидел знакомые с детства многоэтажные дома. Звуки города охватили его: работающие механизмы, гул вентиляционных установок, изредка проносящиеся гирокары. Удивительно, что раньше он не обращал внимания на эти мелочи.

Чуть не плача от счастья, Даллас вылез из люка и опустил крышку. Он оказался неподалёку от своего жилища – ещё одна удача. В груди разлилось приятное предвкушение комфорта, уши горели от радости. И даже на минуту не такой важной показалась миссия, которую он на себя возложил.

Стояла тёплая, как обычно, ночь, в небе светил Орион – тотемное созвездие для этого прекрасного города. Дождя ещё не было, но в четыре утра он обязательно прольётся, принося свежесть. Даллас вдохнул полной грудью – как же хорошо, когда знаешь наперёд, что произойдёт! Не налетит сильный ветер, не выпадет неожиданный снег, не считая зоны горнолыжного курорта, конечно. Если захотелось перекусить— только скажи, и тотчас пневмотруба выплюнет гамбургер. Кстати, об этом. Поесть, переодеться и наконец-то помыться – то, чего хотелось очень сильно и очень давно.

Даллас забежал в свои апартаменты и заказал куда больше еды, чем мог осилить. Набивая рот высококалорийной пищей, он теперь не думал, что это не очень полезно, только наслаждался, что в кои-то веки ест досыта. И лишь дожёвывая сэндвич после пары «МакБургеров», он оглядел комнату.

С одной стороны, ничего не изменилось, но с другой, вещи казались новыми, необычными. И в этом состояла особая прелесть узнавания. Старинный проигрыватель, шкаф, большая релакс-капсула, занявшая почти всю комнату. Как бы удивилась Гулёнка, оказавшись в мягкой постели со множеством технических наворотов. Даллас грустно вздохнул, вспомнив о ней. К горлу подкатил комок, так что он отложил недоеденный сэндвич и направился в ванную.

Обычно он принимал воздушный душ, но на этот раз набрал полную ванну воды. Струи воздуха не справятся с грязью, которой он так долго покрывался в первобытном мире. Забравшись в тёплую воду, полную пены, захотел включить гидромассаж, но руки отказались подчиняться из-за накопившей лени.

Прошло несколько минут, и Даллас понял, что засыпает. Тогда он наскоро вымылся, высушился и рухнул в постель. Так крепко и сладко он не спал уже очень давно.

Проснулся лишь после обеда. Репсула услужливо спроецировала список из ста девяноста трёх обновлений, что накопились со дня его вылета. Наскоро пролистав их, он понял, что среди рекламы и дежурных поздравлений с днём рожде-

ния ничего важного и нет. Джефф прислал дюжину мемов и дурацких ролов, и, по всей видимости, ответная реакция ему не требовалась. Показалось, что он помнил о Далласе только первые дни отсутствия, потом упоминания и сообщения сошли на нет.

Даллас отключил проекцию. Он проспал столько времени, а там, далеко внизу, люди ждут помощи. Наскоро выпив кофе со вчерашними бутербродами полковника МакБургера, он направился в ванную. Накануне так хотелось скорее вымыться, что он даже не посмотрел на себя в зеркало. А теперь увидел исхудавшего, сильно заросшего человека с неопрятной бородой. Острый нос, запавшие глаза – пожалуй, заявляться в таком виде в Совет управителей не стоило.

Даллас открыл отсек автобарбера и поместил голову на подставку.

– Как обычно, – сказал он.

– Виски прямые или косые? – ответила машина.

– Прямые... или нет, косые. Покажи, как я буду выглядеть с эспаньолкой.

Программный барбер послушно спроецировал в пространство трёхмерное отражение Далласа с округлой бородкой. Но клиент остался недоволен:

– А если покороче? И убери эти дурацкие бакенбарды!

– Предлагаю «Ван Дайк», она идеально подчеркнёт форму лица.

Похудевший Даллас с короткой бородкой и направленными

ми вниз усами, выглядел старше, серьёзнее, чем без растительности на лице. Но и не так дико, как с нынешними космами. Заодно и причёску он выбрал короче, чем раньше. И это добавило солидности.

Автобарбер при помощи лазерных лезвий в два счёта завершил работу. Теперь уже в реальном зеркале Даллас видел нового себя: повзрослевшего, повидавшего и пережившего очень многое. Изнеженные горожане со своими искусственными впечатлениями даже не представляют, какую жизнь ведут люди на поверхности.

Впрочем, скоро это станет известно каждому. Он потребует ответа от управляющего. И если тот попробует всё отрицать, он надавит на остальных сенаторов – в их интересах решить проблему, не привлекая внимание общества, и остаться в своих креслах. А уж как они с этим справятся – вопрос десятый. Сброс посылок, строительство школ и больниц внизу – лишь то, что сразу приходит в голову. А если потесниться и достроить города, дикари вольются в общество цивилизованных людей и не будут знать нужды.

Кэб доставил Далласа к зданию Корпуса управления. Шагая ко входу, он был полон решимости. За конторкой сидел всё тот же робот с резиновым лицом. Какой-то идиот решил, что нужен человекообразный секретарь. Хватило бы и экрана с набором опций. Но за то, откроется ли турникет, отвечает именно этот болванчик. Придётся потратить на него время.

– Добрый день! Чем могу помочь? – дикторским голосом спросил секретарь-андроид, изображая приторную улыбку.

– Техническое обслуживание. Код ВЈЕ3453. Авторизация, – безэмоционально ответил Даллас, радуясь, что не забыл сервисный пароль, пока не работал.

Робот послушно вытянул манипулятор с латексной пятернёй на конце. Пожимать искусственную руку Даллас не стал, лишь приложил смартлет к считывателю в районе запястья. Он уже начал переживать, что пока отсутствовал, его акк заблокировали, но секретарь сказал:

– Авторизация пройдена. Добро пожаловать, Даллас! Хотите провести диагностику?

– Нет. Переключаюсь на управление со смартлета.

К счастью, рядом не оказалось посторонних. Служащие свободно проходили через турникеты благодаря гаджетам, и им общаться с электронным секретарём было ни к чему. Даллас открыл на своём экране консоль управления роботом, но на всякий случай отключать его не стал – это повлечёт разбирательства. Он лишь запустил обновление прошивки до последней версии. Андроид выключится на две минуты, а вместе с ним и турникеты. А больше и не нужно.

Как только робот застыл с открытым ртом, Даллас прошёл к парадной лестнице. Он распахнул первую попавшуюся дверь, рассчитывая найти кабинет какой-нибудь важной шишки и понял, как ему повезло: вокруг стола восседали уважаемые джентльмены. Точнее, один джентльмен

– управитель Смит. Остальные представляли собой лишь проекцию, но и они удивлённо уставились на ворвавшегося незнакомца.

– Прошу простить, что прерываю собрание управителей, – громко заявил Даллас, – но мой вопрос не терпит отлагательства.

– Молодой человек, что вы себе позволяете?! – багровея, закричал единственный на совете управитель во плоти, – Кто вы такой, чёрт побери?

Даллас ответил:

– Я тот, кто побывал на поверхности земли. Я знаю, что там живут люди. И знаю, что вам это тоже известно, уважаемые члены совета. Но чего не знаю – это почему вы бросили тех людей погибать, а нас, горожан, обманываете.

И откуда только появилась эта твёрдость в голосе? Когда он приходил сюда в прошлый раз, как казалось, с самым важным вопросом жизни, не прошёл даже мимо робота в приёмной.

Управитель опомнился:

– Господа, я прошу прощения. Мы продолжим дискуссию завтра. Тогда же я расскажу, как уладил этот... небольшой инцидент.

Проекции управителей одна за другой исчезли, а у Далласа сами собой сжались кулаки. Посмотрим, как этот напыщенный бюрократ будет выкручиваться.

Управитель Смит выглядел спокойным. От бывшего при-

стуга гнева не осталось и следа. Он придвинул Далласу стул, а сам устроился в большом кресле. Не спеша он налил воды, жестом предложил стакан. Затем разместил на столе проекции записей, создал новый документ. Попытки заговорить Смит пресекал успокаивающими жестами и словами, давая понять, что пока не готов слушать.

Минут через пять чиновник направил взгляд на Далласа. И заговорил твёрдым тоном:

– Сканер показывает, что вы – Даллас Гловер. И ещё здесь сказано, что вы разыскиваетесь за невыход в рабочую смену... – он сверился с записями, – сто двадцать шесть раз. Как же так получилось?

Даллас опешил. Он, конечно, думал, что если вернётся в город, с него взыщут за отсутствие на работе. Но чтобы его разыскивали, как какого-то преступника... Ещё, чего доброго, арестуют и не выпустят из апартаментов.

– Но ведь меня не было в городе! – ляпнул он первое, что пришло в голову.

– Это нам неизвестно. Возможно, вы просто скрывались от трудовых обязанностей.

– Есть множество ролов, меня снимали люди, когда я вылетал вслед за поездом, – Даллас почувствовал, что теряет боевой настрой. – К тому же эти обязательства я возложил на себя добровольно.

– Добровольно возложили, но, чтобы их снять, нужно уведомить фирму за два месяца. От вас же зависят другие лю-

ди... А, вот, вижу, – чиновник, распекая Далласа, успевал просматривать видео, запечатлевшие его отлёт. – Была такая ситуация. Но айди этой личности не установлен.

– Говорю вам, это я! Я восемь месяцев жил внизу! Если найдёте рацию, поймаете мой сигнал со старого терминала. Да и вообще, о чём мы спорим?! – Даллас понял, что разговор идёт не в том направлении, – Разве вас не волнует, что под нами живут сотни людей, вынужденные есть друг друга из-за голода? Они там на грани вымирания, а здесь никто не знает об их существовании!

– Не сотни, – тихо сказал управленец.

– Что?

– Не сотни, а сотни тысяч людей, – чиновник помолчал, чтобы Даллас усвоил. – По всей земле живёт множество племён. Они существуют благодаря нашему мусору, а мы зависим от ресурсов, добытых ими. Вблизи каждого города появляются эти люди. Плодятся, погибают, размножаются вновь. Совет неоднократно позволял гуманитарным делегациям спускаться к ним, чтобы облегчить их существование. Но рано или поздно всё кончалось одинаково. Послов, приносящих еду, лекарства и орудия труда убивали за то, что они не могли взять дикарей в наши города.

В итоге мы приняли решение о запрете таких экспедиций. А в школах, ещё до вашего рождения, молодой человек, перестали рассказывать, что вне городов сохранилась жизнь. Это ведёт к лишним вопросам, чувству несправедливости,

несчастью и созданию гуманитарных сообществ, желающих помогать дикарям. В итоге они погибают. Мы, как ответственные руководители человечества, должны это предотвратить. За всё время обсуждений не нашлось лучшего решения, хотя среди нас немало гуманистов...

Управленец ещё долго говорил, но Даллас не слушал. Выходит, те, кто постарше, знают, что так много людей терпят лишения, но молчат. Хотя, если подумать, почти все люди в возрасте переселены на Южный Крест – рай для пожилых.

И даже если сейчас трубить во всеуслышание об этом обмане, люди едва ли оторвутся от своих гаджетов, джанк-фуда и тусовок. Даллас вспомнил, как перестали отвечать на его сообщения друзья, когда он просил подписать петицию об отмене лотереи на детей. А ведь это такая мелочь по сравнению с тем, как люди живут внизу.

Чиновник завершал речь:

– Я вижу, вы, Даллас, обращались по поводу квоты на рождение ребёнка? Я думаю, в особых случаях можно предоставить её без участия в лотерее, постараюсь убедить в этом совет. Так не принято, но чем-то вы мне импонируете. И насчёт прогулов не переживайте. Спишем на отпуск. С вашим боссом я поговорю лично. А вы пока ступайте домой, отдохните. Знаю, как нелегко вам пришлось. Вы ведь прибыли сюда вместе с грузом из шахт? Это очень интересно, и скоро мы обсудим это с вами. А сейчас прошу простить, дела, дела...

Выйдя из кабинета, опустошённый Даллас медленно спус-

кался по лестнице. Он думал, как помочь друзьям, что остались в мире под облаками. И что это даст, если этих людей так много.

– Желаю великолепного дня, сэр! – поставленным голосом произнёс робот-секретарь, открывая турникет.

Глава 19

Даллас записал рол, где рассказал о своих приключениях, попытках выжить и вернуться в город. Но обстоятельнее всего он описал быт диких жителей поверхности. Рассказ он иллюстрировал кадрами, записанными на смартлет, когда он находился внизу. Завершил послание призывом помочь этим людям, надавив на управителей.

Рол он отправил Большоголову и на шоу Барри Коккера. Секретари Барри ответили через несколько часов. Они позвали Далласа в студию, но поскольку график расписан наперёд, запись пройдёт через четыре месяца. Долгое бездействие показалось Далласу неприемлемым, и он отказался.

С «Шоу Большой Головы», сразу не ответили и он решил немного подождать.

Даллас встретился с Джеффом в кафе. Отсутствие он объяснил длительным курсом нирвано-терапии с полным оффлайном, что Джефф с готовностью принял за чистую монету. Он похлопал Далласа по плечу, поднимая стакан «Копси» за следующий этап духовного развития. Только сначала посоветовал посетить солярий.

Разговор пошёл о новых тридэшках, и Даллас осознал, что не сможет рассказать лучшему другу о боли, сдавившей сердце. Ни о злключениях, ни о совершенно невообразимом мире, где побывал. Другие люди, что всегда обитали под

облаками и сейчас страдают от невыносимых условий, здесь кажутся слишком невероятными и не вызовут сочувствия.

Джефф рассказывал, что познакомился с одним режиссёром, когда ездил в тур со своей группой. И воротила кинобизнеса намекнул, что ищет как раз похожий типаж для новой экшн-тридэшки. Джефф увлёкся пересказом сюжета, но Даллас знал, что не было никакого тура и никакого режиссёра. Его группа играет так плохо, что на гастроли их могли бы позвать только безумные мазохисты. А в тридэшках вместо актёров сейчас сплошь модели давно умерших звёзд, да выдуманные персонажи вроде Большой Головы.

Прервав описание погонь и взрывов, Даллас сказал:

– Джефф, ты помнишь, мы с тобой размышляли, почему построили небесные города?

– Хм... да, что-то такое... А что?

– А чё, еслив... что, если не было войн, катастроф, извержений и прочих катаклизмов? Что, если человечество со своей культурой потребления и неспособностью думать о будущем, так замусорило планету, что на поверхности стало почти невозможно жить?

– Ого, вот о чём ты думал во время медитаций! И что дальше?

– Лишь малая часть людей, владеющая наибольшими богатствами, вложилась в строительство городов. Они подняли их ввысь, оставляя человечество погибать в ядовитой вони мусорных свалок. Как на «Титанике» – первый класс с ком-

фортом занимает шлюпки, а остальные тонут и замерзают насмерть. Что ты скажешь о таких людях?

Джефф не раздумывал ни секунды:

– Я скажу, что тогда нам повезло: выжили лучшие представители человечества. Образованные, умные, предприимчивые. Люди, способные сколотить капитал и употребить его на реализацию таких гигантских проектов, заслуживают только уважения. В отличие от неудачников, которые остались тонуть в мусоре. Если так, то понятно, в кого мы такие крутые, – Джефф заржал. – Кстати, ты какой «Титаник» имел в виду? «Титаник против астероида» или сериал «Титаник: возвращение легенды»?

– Уж лучше утонуть в мусоре, чем тратить время на очередной ремейк тридэшки, – Даллас встал из-за стола. – И я не только о фильмах. То, как мы живём – есть ли в этом смысл? Мы что-то открыли, изобрели за последние сто лет? Сделали мир лучше?!

Люди в кафе оборачивались на Далласа. А он не хотел понижать голос, глядя на растерянного Джеффа. Тот не понимал, что происходит, и говорил, казалось, первое пришедшее в голову, лишь бы успокоить неизвестно отчего сорвавшегося друга:

– Ну... на прошлой неделе вышел новый смартик с функцией мультимедиа и дополнительными триекторами. Я получил по предзаказу, вот, зацени...

Даллас молча покинул заведение. Не оборачиваясь на

крики выбежавшего за ним Джеффа, он заскочил в кэб и заблокировал акк бывшего друга в смартлете. Он не винил его, не ощущал и злости. Просто его взгляды стали слишком уж отличаться от общепринятых. То, чем жило большинство, его отвращало. Теперь он не находил себе места в этом мире. Оставшиеся внизу люди, за несколько месяцев стали ближе тех, с кем он провёл всю жизнь. Пусть они дикари, с ужасными обычаями и предрассудками, но они хотя бы не считают себя самыми главными.

Решение зародилось во время разговора с Джеффом. С каждой минутой оно зрело и укреплялось. Теперь Даллас знал, где его место. Понял, что ему делать.

Желая символически поставить точку в незаконченном предложении, Даллас нашёл акк Лизы и вызвал её. Она долго не отвечала, а когда появилась на экране, выглядела испуганной, будто ожидала неприятностей от этого звонка.

Даллас ненавязчиво начал разговор, желая узнать, всё ли в порядке у девушки, с которой мечтал завести ребёнка. Лиза отвечала торопливо, неохотно, как совершенно постороннему человеку. Куда пропал Даллас она не спрашивала – вряд ли заметила его отсутствие. А когда на заднем плане прошёл полуодетый мужчина, всё стало окончательно понятно.

С некоторым облегчением Даллас пожелал Лизе всего хорошего и отключился.

Он задумался, не позвонить ли одному из своих времен-

ных родителей, но вспомнил, как в последний раз общался с Микой. Она растолстела до невероятных размеров, болтала всякую чушь о соседках и сериалах. Похоже, что тридэвизор занял в её жизни куда больше места, чем воспоминания о временах материнства над «сыночкой». А ведь она проявляла к нему гораздо больше любви и внимания, чем остальные матери и отцы. Даже Римус никогда не интересовался жизнью Далласа, как только он устроился работать. Наверное, все они счастливо доживают век в Южном Кресте, где о них хорошо заботятся, пичкая гормонами хорошего настроения и сериалами.

Близкий круг общения Далласа на этом заканчивался. Знакомые, клиенты, коллеги – никто не заметил его отсутствия. Ни один не проявил интереса и беспокойства. Даже на работе, несмотря на высказывания управителя о прогулах, его не хватились.

В мастерской царил бардак. Всё пространство занимали гаджеты, требующие ремонта. Кругом валялись банки из-под напитков, обёртки от еды – роботы не могли убирать мусор в таком хаосе. Создатели беспорядка устроили междусобойчик на диване. Увидев Далласа, они радостно загалдели:

– О-о-о, наш спаситель вернулся! Как отпуск? Тут немного заявок накопилось, мы решили подождать твоего возвращения, чтобы клиенты не привыкали к новым ремонтникам. Мы видели тебя у Большой Головы! Ну ты и выдумал стори! Отвал!

Даллас оглядел гогочущую компанию лодырей и молча отправился в мастерскую. Он спроецировал на стену рол, о котором говорили коллеги. Большоголов высмеял запись вдоль и поперёк. Он показал нарезку из обращения Далласа, но переставил слова, исказив их смысл, превратил проблему в фарс и абсурд. Дескать, помощь нужна не людям внизу, которые работают в шахтах вместо роботов, а будто бы Даллас призывает горожан спуститься на землю и добывать минералы, заменив машины – так качественно перемешаны и склеены слова, что он сам едва не поверил, что сказал это.

Большоголов уверял, что снятые на земле кадры – подделка. Мол, каждый способен в игре «Легенды Природы 4» создать персонажей, записать их на фоне животных и проникнуть на шоу, сочинив небылицу. Он взял изображение Гулёнки и с помощью редактора сменил ей одежду, причёску, увеличил грудь, рассказывая за кадром, что анорексия – это плохо. Далласу было невыносимо больно на это смотреть. Он в сердцах выключил рол и решил, что зря связался с этим идиотом и его зрителями. Ведь им, судя по комментам и плюсам, выпуск очень понравился.

Даллас пошёл в ангар. Там он достал с полок рулон упаковочной материи и несколько мотков нейлоновых верёвок. В смартлете он быстро нашёл выкройку парашюта: довольно просто спуститься на землю, если не собираешься возвращаться.

Несколько часов работы с лазерным резаком и ультрак-

леем – и купол готов. Даллас выкроил посередине дырку для стабилизации, прочитал, как правильно укладывать парашют в рюкзак, чтобы он не запутался. Приделал ещё и «медузу» – маленький парашют, раскрывающий большой. Потренировался, вытягивая лёгкую, но прочную ткань из рюкзака – если правильно уложить, обязательно раскроется. А дальше, согласно статье, требовалось не так много умений – ждать приземления.

Другой вопрос – куда он приземлится. Куполообразный парашют плох в управлении, а угодить по воле ветра в болота или застрять в непроходимых скалах проще простого. Остаётся надеяться на удачу, да на карту, составленную им же.

Он захватил из мастерской набор инструментов, а на бедро повесил многофункциональный нож. Поможет, если парашют запутается в ветках деревьев. Да и вообще пригодится. Внизу со сталью напряжёнка.

На следующий день Даллас зашёл в «Смарт Маркет» и купил столько смартлетов, на сколько хватило кредита. Дома он подключил их друг к другу, чтобы образовалась отдельная сеть. Осталось загрузить полный архив «Цивилопедии». Все знания и открытия, сделанные человеком с начала времён теперь находилось в памяти этих небольших браслетов. Заряжались они от ношения на руке из-за разницы температуры кожи и воздуха вокруг. Так что информация будет доступна, пока живы те, кому она нужна.

Даллас мысленно составлял программу обучения моло-

дых дикарей. Думал, как привить им манеры, культуру. Он уже повлиял на развитие одного поселения. Ещё немного, и рабство уйдёт в прошлое, а жители шагнут в эпоху просвещения. Возможно, когда дикари увидят, какие плоды принесут знания, все поселения на поверхности начнут жить цивилизованно. Исчезнут войны, каннибализм, грабительские набеги. Люди перестанут умирать от незначительных ран и обычной простуды.

Пусть обитатели небесных городов и дальше живут в роскоши и комфорте, не думая ни о ком, кроме себя. Люди на поверхности земли тоже достойны лучшего. Они будут развиваться вне зависимости от небожителей, паразитирующих на их труде.

Даллас задумался, что произойдёт с Орионом, если перестанут поступать ресурсы. Возможно, это побудит к развитию и этих изнеженных сытой жизнью людей. Нехватка химикатов и минералов не ударит по горожанам сразу. Они переоборудуют роботов, чтобы те копали шахты вместо уборки домов. Наладят переработку мусора, сократят бездумное потребление. Им придётся это сделать, иначе они не выживут.

С такими мыслями Даллас завершал приготовления к последнему полёту. Запас еды, несколько слоёв одежды и лыжные перчатки, чтобы спастись от ледяного воздуха. Он не стал тратить время на создание нового скафандра, ведь холодно будет лишь в первые секунды падения.

Вряд ли хоть один небожитель видел, как среди ночи Даллас в лыжной шапке и с двумя рюкзаками – на груди и спине – открыл неприметный люк у края тротуара. Он спустился в знакомую шахту, ведущую к механизмам и резервуарам с газом, благодаря которым город держался в воздухе. Там же находился шлюз – путь на свободу.

Чтобы долго не идти до грузового терминала, Даллас замкнул пару нужных проводков в панели и открыл люк для роботов-ремонтников. Сразу ощутил ледяное дуновение ветра. Мир снаружи враждебен, но, по крайней мере, он настоящий.

Даллас посмотрел на слой облаков, освещённый луной, вспомнил, каким жутким было его предыдущее падение. Но всё же, чем дольше собираешься, тем сложнее решиться. Он несколько раз глубоко вдохнул, как перед прыжком в воду, нащупал рукой петлю для вытягивания парашюта, и шагнул в люк.

Глава 20

Поток воздуха сразу же сорвал шапку. Оглушительный ветер ударил в лицо. Даллас оказался спиной к земле, расставил руки и ноги. Он с усилием открыл зажмуренные глаза и увидел чудо. Россыпь из сотен огоньков на глубоком чёрном небе, а в стороне светило солнце. Разумеется, не солнце, а луна, но такая яркая, что, казалось, можно ослепнуть.

Даллас не сразу вспомнил о парашюте. Потянул было за петлю, но в руке её не оказалось. Он сорвал перчатку, нащупывал за спиной верёвку, которая извивалась на ветру, будто не хотела, чтобы её схватили окоченевшей вмиг рукой. Но она, наконец, попалась. Даллас торопливо вытянул «медузу» и целых полсекунды думал, что всё кончено – купол не раскрывался.

Но вот за рюкзак что-то сильно дёрнуло, и всё изменилось. Исчез шум, ветер угомонился. Оказалось, первый слой облаков уже остался наверху. А внизу ничего не видно. Яркая луна лишь немного освещала пелену, нависшую над землёй.

Даллас смотрел под ноги, гадая, куда приземлится. Вскоре он разглядел зловещие чёрные скалы и белые прожилки снега между ними. Его относил ветром от склона горы. Там, где снега уже не было, Даллас увидел десяток огоньков. Он приближался к ним и понял, что это костры. Как будет здорово, если Даллас всё-таки приземлится не на безлюдной пу-

стоши, а рядом с деревней. Возможно, той самой, где его выхаживали после первого полёта.

Ветер отнёс парашют немного в сторону от огоньков. Даллас чувствительно врезался ногами, а потом и задом в пологий склон. Парашют надулся и поволок назад, но на этот случай на бедре болтался нож, чтобы перерезать стропы. И вот, невредимый, снова на настоящей земле, Даллас прикидывал, как ему добраться до деревни.

Он закатал рукав и включил один из шести смартлетов. Экран показал карту, а навигатор соединился с древними спутниками и отобразил, где он находится. Даллас и в самом деле приземлился неподалёку от деревни Каспара и Старого. Всего-то пять километров по прямой. Ликование вырвалось из груди победным криком.

Медленно и аккуратно Даллас пробирался через камни и заросли кустарника. В темноте это было непросто даже при свете смартлетов, но, к счастью, они показывали направление. К утру Даллас нашёл знакомую козью тропинку, ведущую в деревню, и быстро зашагал по ней, несмотря на усталость.

Предвкушая радость встречи, Даллас обогнул выступ скалы, за которым открывался вид на хижины. Сначала он не понял, почему палаток нет, ведь ночью здесь мерцали огни костров. Потом заметил чёрные пятна, и понял, что пришёл на пепелище. Он увидел фигуры людей, столпившиеся возле хибары Старого – похоже, единственной уцелевшей, – и

прибавил шаг.

Лишь подойдя совсем близко, Даллас разглядел в тусклом утреннем свете, что это не жители деревни. Даже узнал их – стражники из болотного города, где он провёл столько времени. Только набедренные повязки они заменили длинной одеждой из козых шкур. Вооружённые копьями и короткими мечами воины, молча обступили Далласа, который лишь теперь разглядел залитую кровью лысину Старого. Привязанный к загону для коз, ведун медленно мотал головой из стороны в сторону, как бы говоря «нет» человеку, сидящему перед ним. Это был Арет.

Арет заметил Далласа, оставил Старого в покое, и подошёл:

– Какой встреч, мой друг! Ты нам как раз нужен помочь. А то эта крыс не хотеть нам говорить, где есть люди его.

Воины обыскали Далласа, который счёл за лучшее не сопротивляться вооружённой ватаге. Один из них снял нож Далласа с пояса и передал его предводителю. Тот повертел его в руках и одобрительно хмыкнул.

– Что происходит, Арет? – холодея от ярости, спросил Даллас. – Это Бос вас послал?

– Бос слаб, мой друг. И Бос умереть. Я есть главарь, – Арет обвёл глазами войско и повысил голос. – И мы убивать всех, кто не подчиняться!

Воины одобрительно зашумели.

Лишь недавно Даллас оставил город на болотах, надеясь,

что там теперь царит новый порядок. И вот что случилось – власть опять у того, кто сильнее. Тиран продолжал:

– Эти трусы думать, что мочь прятаться от меня, но я их найти! С вы или без! – Арет побагровел от злости и заорал, – Говорить, где они!

– Откуда я знаю! – закричал в ответ Даллас, хотя предполагал, что люди спрятались в шахте. Там так много коридоров и разных выходов, что Арет вряд ли их найдёт.

В этот момент из хижины Старого вышел приземистый толстячок. Жон держал в руках пригоршню фигурок предков, которые до этого стояли на вырезанных в стене полках. Он раболепно протянул их Арету и произнёс елейным голосом:

– Великий Арет, славно имя то на веки! Смари, что прятать тот червяк. Я меняй на рынок это на бабаху!

Старый поднял голову, и зло сверкнул глазами. В его голосе неизвестно откуда появилась сила:

– Я – ведун, шын ведунов, хто видал бохов! Ты дедов жамал, жа то прокляю тя навек! Нутро твоё в комок шожмись, глажа вовнутрь жакатись, шохни руки, ноги шлабь, а в башке шталась хлябь! Ты дышать больше не моги и ты к дедам не попади!

Даллас не понимал, зачем Старый тратит последние силы на эту скороговорку, но потом посмотрел на Жона и поразился. Лицо толстяка посерело, руки повисли плетьюми. Фигурки рассыпались по земле. Ноги не держали его, он бух-

нулся на колени. Рот по-рыбьи судорожно хватал воздух, но не мог надышаться. Наконец, Жон смял одежду на груди в комок, его лицо перекосилось, и он упал замертво.

Арет, наблюдавший за этим, подошёл к толстяку, пнул его по ноге. Убедился, что тот не шевелится, плюнул и выругался. Он направился к Старому, поднял его голову, посмотрел прямо в глаза:

– Твой фокус не работай на тех, кто не слаб дух, ведун. Ты говорить, где племя или умирать сейчас.

Старый улыбнулся голыми дёснами и произнёс:

– Бохи всё видят, а деды всё помнят.

Арет яростно оскалился. Он выхватил нож и перерезал Старому горло.

Даллас, не думая, рванулся вперёд будто бы в силах исправить ситуацию. Но его порыв и крик, рвущийся наружу, вышибло древко копья, ударившее в грудь. Даллас повалился на землю. Боль перехватила дыхание. Воины, не дожидаясь, пока он придёт в себя, закрутили руки, рывком подняли на ноги.

Подошёл Арет. Он держал инструмент, только что ставший орудием убийства – нож Далласа.

– Так ты показать где племя?

Даллас, задыхаясь от боли и гнева, выдавил из себя:

– Пошёл ты! Сюда летят люди неба. Они всех вас убьют!

– Правитель Смит говорить не так, – с ухмылкой произнёс главарь. – Он сказать тебе «Привет!», – с этими словами

Арет неожиданно ударил Далласа в живот его же ножом. Затем главарь обтёр клинок о комбинезон и приказал воинам подобрать фигурки дедов.

Несмотря на боль и страх при виде крови, текущей из собственного живота, Даллас, осознал, что система связи в болотном городе всё-таки работала. Управители всегда держали под контролем самое сильное племя. Говорили им, что делать, а взамен посылали экспедиции с едой, инструментом и оружием, усиливая их ещё больше. Так они держали другие племена в первобытном состоянии, заставляя их работать в шахтах и добывать ресурсы для «богов».

Бос действовал по-своему, но через заряженный Далласом терминал на Арета вышел управитель Смит. Он наобещал даров или запугал, сделав тщеславного воина своим инструментом. А Далласа устранили, чтобы не мешал проверенной в течение многих лет схеме.

Рана сильно кровоточила, хоть Даллас и зажимал правый бок рукой. Собрав остатки сил, едва держась на ногах, он направился к ручью, текущему по скале в обрыв. Всё, чего хотелось – это выпить чистой и холодной воды. Воин на его пути встал на изготовку, но Арет махнул рукой, и тот отошёл в сторону. Главарь воинов наверняка знал, как нанести удар, после которого не выживают.

Даллас брёл к утёсу, оставляя след из красных капель. Он пришёл из другого мира, но его кровь ничем не отличалась от той, что текла в жилах местных людей.

Глоток ледяной воды притупил боль, хотя она и так, казалось, была уже не здесь. Всё происходило будто не с ним. Далласа клонило в сон. Он оказался у края обрыва. Ноги подкосились. Он осел на землю, пошатнулся, а затем рухнул в бесконечную бездну.

Глава -8

Перед Дэном Смитом стоял непростой выбор: остаться мелкой рыбёшкой в Большой Медведице или получить должность помощника сенатора в его родном, но таком захолустном Орионе. Взвесив перспективы, Дэн выбрал второй вариант. В конце концов, если он станет одним из управителей, не всё ли равно, где работать? Многие сенаторы проводили большую часть жизни в городе-курорте Лев. Ограниченный доступ, множество бассейнов, усиленное солнце, казино, бордели... Всё, чего душа пожелает!

Но Орион – город с проблемами. И разгрести эти авгиевы конюшни предстоит ему – ретивому бюрократу Смигу.

В юности Дэниел окончил курсы истории и права в Орионском отделении университета и переехал в Медведицу. Первое время жил в Малой, вместе со всяким сбродом. Теми, кто стремился в столицу ради насыщенной тусовками жизни. Они не искали работу, перебивались на пособия в крохотных казённых апартаментах. Дэн же, напротив, желал особенной должности, поэтому временно жил бок о бок с такими людьми.

Он страстно мечтал о власти. Попасть в аппарат управления даже мелким клерком – это задача не для простаков. Всё должно быть идеально: родословная, образование, личные качества.

С родней повезло: прадед Смит в пятом колене, будучи крупным металлургическим магнатом, снабжал материалом строителей небесных городов. К сожалению, он не успел пожить в новом обществе и умер за год до того, как города поднялись в небо.

Получить правильное образование, когда есть цель, не составило затруднений. Дэн изучал историю войн, цивилизаций и режимов и замечал ошибки великих деятелей. Чингисхан не продумал систему передачи власти, Наполеона сгубило тщеславие и вера в честь его противников, а Гитлер переоценил силы и не готовил солдат к длительной кампании. В современном мире невозможна диктатура, никому не стать императором или великим ханом. Но именно управители решают, как будут жить остальные люди. И если не совершать ошибок, оставаться на этой должности можно столько, сколько потребуется.

Лидерские способности Дэниел обнаружил в себе с подросткового возраста. Например, он почти всегда становился капитаном команды в играх, даже если другие были лучше развиты и подготовлены. Но от капитана требовалось не это. Он умел распределять задачи, ставить цели, выявлять слабые точки противников. А заодно и сажать на место своих же выскочек из тех, что не признавали авторитетов. Короткий разговор – и даже самые непримиримые бунтари вдохновлялись и понимали, что нет идеи лучше, чем признать лидерство Дэна. Все люди разные, но он к каждому умел найти

подход. На кого-то надо надавить, кого-то воодушевить пламенной речью, а иных даже высмеять при товарищах. Понять, для каких людей подходит один, или другой метод – это талант. И этим талантом обладал Дэниел Смит.

Нашёл он правильные слова и для родителей. Они отправили его в Медведицу и покрывали кредиты за съём просторных апартаментов и пышные обеды, пока Дэн искал возможности попасть в структуры власть имущих.

Сложность заключалась в том, что управление не принимало заявки кандидатов. Если туда требовались люди, их находили сами, выбирая из тысяч желающих. Такой небольшой шанс не устраивал Дэниела. Он знал, что годится для работы в высоких кабинетах гораздо лучше других. И искал способ показать это.

Целыми днями Смит шатался у дверей главного центра управления. Во времена первых поселенцев здесь трудились «головастики» – так Дэн называл про себя технических специалистов. Инженеры следили за показателями давления газовых баллонов, контролировали стабильность купола, посылали рабочих на борьбу с неисправностями. Но со временем эти процессы автоматизировались, ремонтников почти полностью заменили роботы, всем безошибочно управляли компьютеры. Инженеры теперь регулировали не только технические настройки, но и руководили жизнью людей. Они высчитывали, сколько квадратных метров на человека положено делать в новых апартаментах. Ограничили прирост

населения, введя конкурсный и лотерейный отбор. Распорядились отправлять пожилых граждан на Южный Крест, где обустроили огромный пансион. Они расширяли города, вводили пособия и налоги, пока не пришли к системе безусловного дохода и добровольной работы.

Жители не всегда с радостью принимали нововведения, но считались с тем, что инженеры – большие умы, а значит, им лучше знать, как правильно. Кроме того, в их руках сосредоточены системы управления городом. Не будет их – небесный мегаполис рухнет на поверхность отравленной земли.

Со временем «головастики» сменились бюрократами и управляющими. Если больше не нужно следить за механизмами города, незачем проходить технические курсы. Со всем другие качества вышли на первый план: умение принимать решения, руководить людьми и улаживать проблемы. Со временем управители овладели этим так хорошо, что почти исчезла преступность. Правильно поставленные задачи учёным – и широко вошли в обиход микроботы. Это как прививка от всех болезней, контроль процессов организма, победа над раком.

Так же и со смартлетами – удобство и развлечения. Это сотни гаджетов в одном, и всё на радость потребителей.

Правда, находились противники даже у таких полезных нововведений. Некоторые утверждали, что сбор информации невозможно контролировать. Управители знают всё, что

делают горожане. Но разве это плохо? Остановить сумасшедшего, вздумавшего взорвать купол. Или маньяка, что решил-ся на убийство. Это растолковывали несознательным жителям в роликах и стримах до тех пор, пока все параноики не умолкли.

С мыслями о великом благе, что вершат управители для людей, прогуливался Дэниел у входа Центра, ожидая, пока чиновники не выйдут на обед. Он искал подходящую ситуацию – нужный типаж человека, стечение обстоятельств, что позволят ненавязчиво проявить себя. И такой случай однажды представился.

Тучный сенатор, отбившись от группы коллег, отправился на прогулку в близлежащий парк. Усевшись на скамейку, он запустил симулятор лошадиных скачек. Изучая параметры жеребцов, сенатор уже собирался сделать ставку, когда проходящий мимо молодой человек, коим являлся Дэниел, обронил:

– Готов спорить на чашку кофе – этот скакун едва ли добежит до финиша.

– Это ещё почему? – воскликнул сенатор, и тем самым открыл путь для диалога.

Дэн был готов к разговору. Он давно заметил этого джентельмена, узнал о его привычках и пристрастии к виртуальным скачкам. Изучив со всех сторон дурацкий симулятор, он понял, какие параметры лошадей больше всего влияют на вероятность победы. На сенатора произвело впечатле-

ние, как незнакомый юноша оценил характеристики жеребца и наездника. Дэниел присел рядом и раскритиковал вес жокея. Каким бы славным ни оказался конь, многое зависит от того, кто им управляет. Сенатор принялся спорить – на то и расчёт.

Естественно, выбранная Дэном, а не сенатором лошадь, пришла первой, и разговор переместился в кофейню. Уж тогда Смит развернулся на полную. Он знал, что такой персонаж, как этот сенатор хочет увидеть в молодом человеке себя в юном возрасте. Здесь помогла досконально изученная биография чиновника. В молодости играл в теннис? Дэниел с ракеткой не расстаётся и во сне. Променял курсы физики на французский язык из-за девушки? *Monsieur, l'amour nécessite des exploits*¹.

После этой встречи Дэниел точно знал, что сенатор найдёт вакансию для такого замечательного юноши. Так и случилось. Две недели спустя его пригласили на беседу, и он получил работу младшего помощника одного из юристов. Эта должность не требовала особенных навыков, кроме усидчивости и внимательности. Смиуту предстояло копаться в старых судебных делах, архивных статьях кодекса, составлять однотипные документы и прочее в том же духе.

Но попав в эту структуру, Дэн пустил корни. Изучая коллег и начальников, он находил точки соприкосновения и слабости, открывая пути для манипуляций. Он быстро пробил-

¹ Сударь, любовь требует подвигов (фр.)

ся наверх. Не прошло и десяти лет, как ему предложили стать управителем. Но к сожалению, в захолустном Орионе. Смит понимал, что это тупик для его карьеры, но, с другой стороны, и новые возможности. Управляя родным городом, он становился сенатором. Вместе с другими членами этого совета, обретал влияние на все города и общество в целом. А уж подтолкнуть к нужному решению других руководителей мистер Смит всегда сможет.

После прежнего управителя Орион остался в плачевном состоянии. Почти все ресурсы заказывались через другие города, хотя вблизи находились богатые минералами шахты. Контракт с рабочими на поверхности не удалось продлить ещё пол века назад – именно тогда обрывались журналы из рудников. Жадность или глупость, но тогдашний менеджер прекратил поставки консервов. Так он надеялся урезонить рабочих, требующих большего. Выходцы из Старого Китая не одумались, а начали продавать руду местным племенам за грибы и мясо. Так продолжалось довольно долго, и разобрались с этим не очень гуманным способом. В архивах упоминалось лишь, что местные племена захватили шахту, перебив прежних владельцев. Кто подтолкнул их к этому решению, и имело ли место такое наставление – осталось за рамками истории.

Затем события развивались и вовсе не логично: дикари, вместо торговли добытыми ценностями с другими племенами, принялись отправлять обработанные минералы в Ори-

он, пусть и в меньшем количестве, чем прежде. Зато взамен не требовали ничего. Кто и как уговорил этих людей оставлять здоровье в шахтах – опять же не сообщалось в журналах. Возможно, сильное племя принуждало слабое добывать ресурсы для себя – на пару лет был перерыв в поставках. Но спустя время одни племена ушли, другие остались, сменялись вожди, случались междоусобные войны, а про горстку людей, работающих в рудниках, все забыли.

Как и местоположение шахт, затерянных среди гор под плотной шапкой облаков – координаты будто исчезли из документов, а откуда прилетали грузы, отследить не вышло. Наверняка результат торговых войн – кто-то позаботился, чтобы алюминий закупали в соседнем Тельце, а не добывали сами.

Для того, чтобы разыскать шахту и племена рабочих, Дэниел снарядил экспедицию учёных и искателей приключений. Отправил вместе с ними старый, но надёжный терминал, через который общался с вождём по имени Титор. Типичный царёк с большими амбициями, склонностями к жестокости и мозгом, как орех.

Сначала всё шло хорошо. Благодаря наставлениям Смита, племя Титора усилилось, собрало армию, чтобы иметь вес в регионе. Начались походы в горы и поиски рудников. На рынке нашли резные фигурки из самоцветов, добытых, скорее всего, в шахтах. Но помешало глупейшее обстоятельство.

В последнюю экспедицию отправилась молодая женщина-биолог. Она приглянулась Титору, и он силой взял её в жёны, по дикарскому обычаю заковав супругу в цепи и обращаясь хуже, чем с пленниками. Естественно, мужчины из экспедиции попытались освободить её, за что заплатились жизнью.

Титор ещё некоторое время выходил на связь, брызжа слюной и доказывая, какой он могучий вождь, раз даже люди неба вынуждены с ним считаться. Он с гордостью сообщил, что разбитый транспортник покоится на дне омыта, и так будет со всеми, кто попытается забрать его жену.

Дэниел собирался организовать новые поиски шахты в другом месте, но помешала общественность. Бойфренд этой девушки не получал от неё сообщений и запустил информационную атаку. Подключились и родственники других отправленных на поверхность участников. Пришлось забыть об экспедиции и пытаться уладить эти вопросы. Где-то задушевым разговором, где-то неплохой компенсацией, а где-то и угрозами. Постепенно все лидеры возмущения оказались нейтрализованы, а обыватели имеют очень короткую память.

На всякий случай Смит протолкнул в сенате идею, что не стоит упоминать о людях, живущих внизу. Теперь в школьной программе рассказывалось лишь о катастрофе, которая стёрла с лица земли всё живое. Причём подчёркивался природный характер бедствия, а участие человека в этом обходилось стороной. Ни к чему детишкам знать про обилие му-

сорных свалок и серию техногенных катастроф, что вызвали нарушения экосистем. Пусть не чувствуют на себе груз вины, давящий на спины прежних поколений.

Смит задумался и о продолжении своего рода. Он выбрал топ-модель с кукольным личиком ещё до возвращения в Орион. Институт брака уже пару сотен лет, как отошёл в прошлое на волне борьбы за равноправие и свободные отношения между полами, но всё же Дэниел назвал эту девушку женой. Именно об этом она мечтала, и с радостью поехала за ним даже на край света – в скучный и серый Орион.

Согласилась она и на извлечение яйцеклеток, чтобы завести детей. Единственное, где пришлось уступить Дэниелу – отказаться от первого выведенного ребёнка. Его сморщенный вид и чёрные волосы напугали супругу. Она мечтала о белокурых детях, а здесь сыграли гены бабушки Смит. К счастью, возможности сенатора позволяли пользоваться услугами инкубатора сколько угодно раз, пока не появится малыш со светлыми волосами и ангельским личиком.

А черноволосый мальчик попадёт в хороший орионский интернат. Его воспитают люди, которые хотят, но не могут иметь детей. Он вырастет вместе с такими же ребятами, получая образование и заботу от профессионалов. Ему дадут имя одного из городов старой Земли. И вряд ли погружённый в заботы сенатор Смит когда-нибудь вспомнит о нём.

Эпилог

Бог всё чаще показывал яркий лик в просветы между лёгкими перьями облаков. Его лучи так приятно грели кожу, что мальчишки решили искупаться в холодном и прозрачном озере. В горах всегда так: под взором бога жарко, а вода всё равно останется ледяной. Но разве это остановит молодых пастухов? Козы не требуют много внимания. Находят чем поживиться, тем более травы хоть отбавляй. Главное следить, чтобы не разбегались. К счастью, с этим прекрасно справлялся Гарф – ещё щенок, но уже по пояс самому высокому мальчишке.

Пастушок забрался на отвесную скалу и прыгнул ногами вперёд, зажав нос. Холод обжёг, но тут же отступил. Мальчик вынырнул, скривился в ответ на насмешливый свист, – хорош, мол, прыжок, – и нырнул поглубже от этих дураков.

Под водой сложно что-то разглядеть, но если бог светит прямо над головой, то сложно не заметить яркий блик на дне. Набрав больше воздуха, мальчик снова нырнул, боясь пропустить, что увидел. И опять блеснуло. Разрыл руками песок и камни. Так интересно, что некогда всплывать за воздухом. Вещица зацепилось за корягу. Дёрнул посильнее – коряга вышла из камней, оказавшись костью. Мальчик бросил находку, вынырнул, пытаясь отдышаться. Успокоился. Подумал, что кость, если она одна, это не страшно. Не то, что че-

реп или целый скелет. А та штука – ценность. Не каждому в жизни так везёт. Можно побороть страх ради такого.

Этих штук оказалось несколько, и все болтались вокруг кости. Мальчик снял их, и вышел на берег, скорее показать друзьям.

Спустя несколько мгновений кто-то догадался надеть браслет на руку, а ещё немного – и один из них засветился ко всеобщему восторгу.

Любопытство пересиливает страх, поэтому однажды, исследуя находку, один из мальчишек нашёл, как вызвать экран, рисующий яркие картинки на стенах. Другой паренёк догадался, что этими картинками можно управлять – руками, глазами, да и говорить с ними можно. И вот, мальчишки, собравшись вместе в тайной пещере, слушают истории богов, записанные на эти странные браслеты.

Нет, они не покажут их родителям. Те, безусловно, отберут эту ценность и либо продадут, либо разобьют камнем, испугавшись злых духов. Мальчишки изучат всё, что смогут. А затем, когда у них появятся дети, передадут эти штуки им, рассказав, чего достигли.

А как их дети и внуки распорядятся знаниями богов, решат они сами.

16/02/2019 – 30/11/2019